ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

С. А. АНДРЮЩЕНКО

НАЧИНАЛИ МЫ НА СЛАВУТИЧЕ...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Герой Советского Союза генерал-лейтенант С. А. Андрющенко все годы Великой Отечественной войны провел на фронте, участвовал в боях за Крым и Кавказ, а с 1943 года и до Дня Победы воевал в составе 23-го стрелкового корпуса, будучи начальником штабов 23-й стрелковой дивизии, а затем названного корпуса, части которого сражались за освобождение от фашистского ига Украины, Польши, Венгрии, Австрии и Чехословакии. В своей книге автор повествует о деятельности штабов корпуса и дивизий, о боевых действиях соединений и частей, о героизме и мужестве красноармейцев, сержантов и офицеров, об их подвигах, об интересных встречах с известными советскими военачальниками.

- Андрющенко Сергей Александрович
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Смотрим в будущее (вместо эпилога)
  - Фотографии
- notes
  - 1
  -
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Андрющенко Сергей Александрович
НАЧИНАЛИ МЫ НА СЛАВУТИЧЕ…

Глава первая
На каневском плацдарме

Лето 1943 года было на Украине жарким. И не только потому, что стояла сухая, знойная погода. Горячими были события, развернувшиеся здесь во второй половине августа. После разгрома немецко-фашистских полчищ на Курской дуге появились благоприятные условия для перехода наших войск в решительное наступление на всех фронтах, от Великих Лук до Азовского моря. Ставка Верховного Главнокомандования по-прежнему главным направлением считала юго-западное, где наши армии, успешно продвигаясь вперед, освобождали один за другим районы Левобережной Украины и Донбасса. Началась ставшая в истории Великой Отечественной войны знаменитой битва за Днепр.

Командование фашистского вермахта придавало Днепру особое значение. Еще весной 1943 года, после сокрушительного поражения под Сталинградом, оно планировало укрепить правый берег реки, создать там так называемый Восточный вал или Голубой барьер, как иногда напыщенно именовался он в официальных немецких документах. Когда же гитлеровский замысел операции «Цитадель» потерпел крах и фашистские войска стали повсеместно откатываться на запад, фюрер отдал приказ о немедленном строительстве оборонительных сооружений по Днепру. И они были созданы в очень короткие сроки. Разветвленная система траншей в узлах сопротивления и опорных пунктах, прикрытых широкой сетью инженерных заграждений, представляла собой мощный рубеж обороны. Да и сама река — широкая, глубокая, полноводная — являлась довольно серьезной преградой для наступающих частей. Немецкое командование надеялось, что Днепр станет непреодолимым рубежом для советских войск. Недаром Гитлер на одном из совещаний верхушки национал-социалистской партии заявил: «Скорее Днепр потечет обратно, нежели русские преодолеют его».

Фашисты рассчитывали остановить наше наступление у реки, пересидеть зиму за Восточным валом, привести в порядок сильно потрепанные дивизии и с весны взять реванш за поражения предыдущего года. Советское командование, разумеется, не могло допустить этого. Вот почему уже на подступах к Днепру перед войсками Воронежского фронта, куда входил наш 23-й стрелковый корпус, была поставлена задача форсировать реку с

ходу, не дать противнику на ней закрепиться.

В конце сентября 23-я стрелковая дивизия, начальником штаба которой я тогда был, стремительно продвигаясь вперед, овладела районным центром Гельмязов (теперешней Черкасской области) и вышла на подступы к Днепру.

Командовал соединением полковник Александр Игнатьевич Королев. Он прошел уже большую армейскую школу, начав служить добровольцем еще в 1920 году, в грозное время гражданской войны, когда за власть Советов уходили драться лучшие сыны рабочего класса и крестьянства. Воевал Королев на Севере, участвовал в ликвидации белофинской авантюры 1921 года, потом учился, служил и снова воевал уже в финскую кампанию 1939–1940 годов, где за мужество и отвагу, проявленные в боях при прорыве линии Маннергейма, был награжден орденом Красного Знамени.

Александр Игнатьевич был очень волевым и в то же время тактичным человеком. В период формирования дивизии, когда меня в мае 1943 года назначили начальником штаба, у нас с ним сразу сложились теплые товарищеские отношения, способствовавшие слаженной работе и полному взаимопониманию. Хотя комдив и умел настоять на своем, однако всегда прислушивался к мнению ближайших помощников, дорожил им. Мягкость и душевность удивительно сочетались в этом человеке с твердостью характера.

* * *

За период с 17 августа по 23 сентября мы с боями прошли двести километров, форсировали реки Псёл, Хорол, Сулу и Супой. Частями корпуса было освобождено более двухсот пятидесяти населенных пунктов, в том числе райцентры Гадяч, Лубны, Малый Драбов.

Отходя, гитлеровцы всеми силами старались если не приостановить наше наступление, то хотя бы замедлить его темпы, и часто контратаковали. Одна из таких контратак была предпринята в боях за Малый Драбов. Там как раз наступал 225-й стрелковый полк нашей дивизии. Немцы начали усиленно обстреливать его боевые порядки. Командир полка был ранен, его пришлось срочно эвакуировать в тыл. Встал вопрос: кого назначить вместо него? Момент очень напряженный — не каждый справится…

— А что, если Шиянова? Он на месте, уже разобрался в обстановке. Как? — спросил командир дивизии, бросив на меня

испытующий взгляд.

Дело в том, что майор Иван Иванович Шиянов был начальником оперативного отделения штаба, моим непосредственным подчиненным. Его мы действительно накануне утром послали в 225-й полк. Иван Иванович был толковым оператором, но его всегда привлекала командирская работа. Еще до войны Шиянов почти пятнадцать лет прослужил в войсках ОГПУ на различных командных должностях, да и на фронте был с лета сорок первого.

Шалко было мне расставаться со своим надежным оператором, но я понимал, что это необходимо. Лучше Шиянова, человека исключительно храброго и опытного, с командованием полком в той сложной обстановке вряд ли кто справился бы.

Иван Иванович, получив приказ, быстро сориентировался и начал уверенно руководить боем. А ситуация складывалась нелегкая. Оказался открытым левый фланг: полк соседней дивизии вовремя не подошел и немцы об этом, вероятно, узнали. Они сосредоточили силы в Малом Драбове, готовя удар. Полковая разведка обнаружила там большое количество танков и самоходных установок. Оценив полученные данные, майор Шиянов предугадал намерения противника и решил упредить его. Для этого он использовал всю артиллерию, которая была в его распоряжении: полку было придано два 122-миллиметровых гаубичных дивизиона. Огневой налет получился довольно сильным и результативным, причем совершенно неожиданным для гитлеровцев. Они понесли большие потери. Среди фашистских войск началась паника. И в этот момент Шиянов поднял полк в атаку. Два батальона охватили городок с флангов, ворвались в него и овладели районным центром. А в последующем, преследуя отступающих гитлеровцев и используя успех полка, дивизия с ходу овладела Гельмязовом.

Все это произошло утром 23 сентября. В тот же день командный пункт 23-й стрелковой разместился западнее Гельмязова в небольшой роще. Необходимые укрытия для личного состава и узла связи мы, конечно, оборудовали, но фундаментально устраиваться не стали, потому что не намеревались здесь долго задерживаться. До Днепра было рукой подать, всего несколько километров. Туда устремлялись в тот момент все наши помыслы.

После полудня к нам на КП приехал командир 23-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. Е. Чуваков. Тогда я еще мало знал его. Правда, до войны мы служили вместе на Урале, но я был командиром роты в одном из полков 85-й стрелковой, а он — начальником штаба дивизии. Я знал, что Чуваков — участник

гражданской войны, за отвагу, проявленную в подавлении кронштадтского мятежа в 1921 году, награжден орденом Красного Знамени. Никита Емельянович командовал корпусом со дня его формирования. Впоследствии мы стали с ним большими друзьями, и я узнал любопытные детали его замечательной биографии. Дед Чувакова был крепостным, отец принадлежал к славной семье московских рабочих, принимал активное участие в революции 1905 года. По его стопам пошел и сын. Шестнадцатилетним парнем, работая на фабрике, он начал вести агитацию против притеснений хозяина, был уволен с зачислением в черные списки, а в июле 1917 года вступил в партию большевиков.

Никита Емельянович никогда не проявлял излишней эмоциональности. Лишь в глазах генерала, когда он сердился, появлялся холодок, и наоборот, если бывал чем-либо доволен, взгляд его становился веселым, добрым.

— За Гельмязов спасибо! — сказал Чуваков, выслушав доклад полковника Королева. — Это был важнейший узел обороны противника на подступах к Днепру. При взятии его ваша дивизия, Александр Игнатьевич, действовала вполне успешно. Однако впереди нас ждут еще более сложные задачи. — Никита Емельянович склонился над картой: — Перед фронтом наступления корпуса отходят части пятьдесят седьмой и двести пятьдесят пятой пехотных дивизий. Используя выгодные рубежи, они бесспорно попытаются остановить наше продвижение…

На командном пункте нас было несколько человек.

Помимо Л. И. Королева и меня здесь находились начальник политотдела дивизии майор А. И. Фролов, командующий артиллерией подполковник А. П. Свинцицкий, а также небольшая оперативная группа штакора, прибывшая с Чуваковым. Чуть позже к нам присоединился назначенный вместо Шиянова начальником оперативного отделения дивизии майор Н. Д. Фролов. Все с волнением слушали Никиту Емельяновича, сознавая важность наступившего момента. Много дней и ночей шли мы к Днепру, перенося тяжкие испытания и кровью оплачивая каждый шаг вперед. На том периоде войны это была заветная цель, к которой стремились войска. И вот наконец наступали решающие дни. Нам предстояло шагнуть через Днепр!

На КП стояла тишина. Голос генерала Чувакова звучал в ней особенно отчетливо. Говорил он быстро. Я еле успевал записывать.

— Задача дивизии: наступать в направлении южнее Озерища на Решетки; не допустить организованного отхода противника на остров Каневский; захватить его с ходу; двадцать четвертого

сентября выйти на восточный берег Днепра в готовности к его форсированию. Соседом справа у вас по-прежнему остается тридцатая стрелковая дивизия нашего корпуса, слева — двести шестая дивизия двадцать первого стрелкового…

Закончив постановку боевых задач, Никита Емельянович оглядел нас изучающим взглядом:

— Вопросы есть?

— Задача ясна, товарищ генерал, — отозвался Королев, складывая рабочую карту. — Единственное, что меня беспокоит, — нехватка переправочных средств. Может быть, вы сумеете нам чем-нибудь помочь?

Комкор помолчал, задумчиво глядя на командира дивизии.

— Есть у меня в резерве двадцать третий мотопонтонный батальон, — ответил он. — Единственный… И я придам его той дивизии, которая будет иметь больше шансов на успех. Для личного состава передового отряда переправочные средства у вас есть. А в остальном все зависит от вас, дорогой Александр Игнатьевич. Если хорошо позаботитесь об успехе, то получите понтонеров для переброски главных сил дивизии. — Чуваков прищурился: — Один совет дать могу. Надо помнить о подручных средствах. Разведайте заблаговременно наличие лодок у населения, подготовьте материалы для строительства плотов, да и у отступающего противника кое-что позаимствовать не худо. У немцев в этом районе понтонов немного, правда, но и их надо постараться прибрать к рукам… Мы проводили генерала до машины. Прощаясь, он пожал нам руки и с лукавинкой в голосе заметил:

— А ведь я недаром начал постановку задач с вашей левофланговой дивизии.

Чуваков, очевидно, давал понять, что надеется на нас, верит в наш успех.

— Все ясно, товарищ комкор, — ответил Королев.

С этого момента, собственно, и началась непосредственная работа штаба по подготовке боя. Нам нужно было в кратчайшее время — всего за два, два с половиной часа — систематизировать и доложить комдиву все данные, необходимые для принятия решения. Работа эта объемная и кропотливая. К ней привлекаются все специалисты: разведчики, артиллеристы, инженеры, связисты, политработники, тыловики. Каждый по своей линии готовит нужные сведения, представляет свои соображения и расчеты. Все это операторы затем анализируют, намечают наиболее целесообразные способы действия войск, мы их обсуждаем и докладываем комдиву.

Пока в отделениях и службах собирали данные и вызывали

нужных людей, мы с Королевым уточнили ряд деталей предстоящего боя: места сосредоточения сил и средств, порядок огневой поддержки передового отряда, маршруты движения. В этой работе приняли участие начальник оперативного отделения Николай Данилович Фролов, командующий артиллерией Александр Петрович Свинцицкий и дивизионный инженер майор Дмитрий Васильевич Слепинкин. Они выдвигали свои предложения, обосновывали их, подсказывали, как лучше организовать то или иное мероприятие. Свинцицкий, например, предложил усилить передовой отряд не дивизионом артиллерии, как намеревался сделать Королев, а двумя, и держать их в голове главных сил, чтобы иметь сразу же наготове огневой кулак для борьбы с танками и для подавления сопротивления противника на промежуточных рубежах. Слепинкин высказался за создание подвижного отряда разграждения. Необходимость в нем, безусловно, была. Нам предстояло действовать в лесисто-болотистой местности, где, по данным разведки, было немало заминированных участков. Предложения эти комдив принял.

— Кого пошлем в передовой отряд? — спросил Королев. — На первом этапе ему предстоит решать основную задачу — захват острова Каневский. Как считаете вы, Сергей Александрович?

Я уже думал об этом и пришел к выводу, что такое ответственное, требующее быстроты и дерзости дело лучше всего, пожалуй, поручить 117-му полку, которым командовал подполковник Федор Иванович Винокуров. Мы хорошо знали друг друга по Крыму, где воевали вместе еще с осени 1941 года. Я был тогда начальником штаба полка, а Винокуров — секретарем дивизионной парткомиссии. До войны он работал председателем райисполкома на Орловщине. Как-то Федор Иванович приехал в один из наших батальонов на передовую проводить заседание парткомиссии, а тут как раз немцы навалились. Поднялись бойцы в контратаку. Ну и Винокуров с ними. Потом комбат мне пожаловался: «Случись с ним что-нибудь, с меня же голову сняли бы». А Винокуров посмеивался: «Ничего со мной не будет, я заговоренный». И действительно, всю войну Федор Иванович прошел, в каких только переделках ни побывал, а без единой царапины обошлось…

Тогда же в Крыму, только чуть позже, мы снова оказались вместе: я был начальником боевого участка, а Винокуров — его комиссаром. Воевали бок о бок не один день. А на фронте люди познаются быстро. Федор Иванович стал моим самым надежным помощником. Я верил ему, как самому себе. В трудные минуты боя он неоднократно возглавлял самые опасные участки обороны и всегда проявлял завидную выдержку, хладнокровие, умение

организовать людей. Впоследствии Винокурова после его многочисленных просьб послали на курсы командиров полков в Москву.

Федор Иванович умел рисковать, но делал это всегда осознанно. Его смелость основывалась на точном расчете и безукоризненном знании обстановки. Он был хладнокровен, дерзок и храбр. Я не раз видел его в самых опасных ситуациях, и не было случая, чтобы офицер дрогнул или растерялся.

Комдив, разумеется, тоже об этом знал, поэтому не стал возражать мне. Мы решили предоставить в распоряжение 117-го стрелкового весь автотранспорт, который смогли собрать в дивизии, чтобы посадить пехоту на машины. Передовой отряд должен был обладать максимальной подвижностью. От его маневренности, мы это прекрасно понимали, зависел успех. Кроме того, полк Винокурова был усилен двумя дивизионами 211-го артполка, саперным батальоном (без одной роты) и батареей отдельного противотанкового дивизиона. Таким образом, он имел нужное количество артиллерии, чтобы нанести достаточно сильный огневой удар и расчистить себе путь, а также необходимые инженерные средства. Полку предстояло форсировать Старицу, один из рукавов Днепра, охватывающий остров Каневский слева. И хотя там, по данным разведки, был брод, однако уровень воды мог колебаться. Такое случалось, когда в верховьях Днепра проходили сильные дожди.

Поставив задачу, Винокурову, а заодно — что касалось сбора и подачи автомашин для передового отряда — своему заместителю по тылу майору И. А. Кочерге, Королев отпустил их и повернулся ко мне:

— Сообщите, пожалуйста, командирам двести двадцать пятого и восемьдесят девятого полков, что они к утру должны быть в районе Лепляво, а к исходу дня — на острове Каневском, где и соединятся с передовым отрядом.

— Но для этого им еще придется разгромить остатки двести пятьдесят пятой немецкой пехотной дивизии в лесу северо-восточнее Лепляво, — заметил я.

— Разумеется, — отозвался Королев. — И противник там не так уж слаб. Предупредите об этом Шиянова и Бастеева. В двадцать три тридцать я выезжаю к Винокурову. Прошу вас быть со мной…

После ухода Королева я собрал начальников служб и отделений управления дивизии и поставил каждому задачу. Потом ту же работу проделал и с прибывшими командирами частей. Начальник связи майор Д. Ф. Дроздов позаботился об устойчивой работе радиосредств, что было очень важно,

поскольку войскам предстояло вести маневренные боевые действия, а проводная связь в таких условиях, тем более при форсировании крупной реки, недостаточно надежна. Дивизионный инженер майор Д. В. Слепинкин сразу же организовал заготовку материалов для постройки плотов. Группа саперов по его указанию выехала в близлежащие села, чтобы поискать лодки у местных жителей и, если потребуется, отремонтировать их. Надо отдать должное оперативности моих ближайших помощников, да, собственно, и всего дружного коллектива штаба дивизии. В самые напряженные моменты он всегда работал особенно четко и слаженно.

В 18 часов я уже мог позвонить исполняющему обязанности начальника штаба корпуса полковнику И. Г. Елисееву и доложить ему как обстановку на участке дивизии, так и принятое командиром решение, оформленное уже в виде боевого распоряжения. Елисеев в свою очередь проинформировал меня о решении командира 30-й дивизии, нашего ближайшего соседа: он сказал, что в передовой отряд от него выделен 71-й стрелковый полк. С ним и предстоит тесно взаимодействовать нашему Винокурову.

— Желаю удачи! — закончил Иван Григорьевич. — Начали!

Наш 23-й, взаимодействуя с 3-м гвардейским Сталинградским механизированным и 21-м стрелковым корпусами, устремился к Днепру.

Вскоре на КП зашел начальник политотдела майор А. И. Фролов и показал мне только что полученное обращение Военного совета 47-й армии к войскам. Как сейчас, помню эти пламенные строки, прозвучавшие тогда для нас призывом к мужеству: «Днепр — не преграда, а мост к победе. Смелее преследуйте врага, вгрызайтесь в правый берег Днепра, не давайте врагу закрепиться!»

— Обращение надо немедленно довести до всего личного состава, — сказал Фролов. — Всех политотдельцев отправляю сейчас по частям. Нацелим бойцов на необходимость делом ответить на обращение Военного совета. Офицеры штаба, едущие в войска, считаю, тоже должны принять участие в этой работе….

Надо заметить, что у нас с Александром Ивановичем всегда был тесный контакт. Все без исключения офицеры управления дивизии считали своим долгом активно участвовать в партийно-политической работе. Выезжая в части, мы нередко выступали перед бойцами на митингах, проводили беседы, разъясняли им смысл и значение предстоящих боевых задач, обстановку на советско-германском фронте.

Прощаясь, Фролов сказал, что сам он намерен отправиться в

полк Винокурова.

Передовой отряд, как доложил начальник оперативного отделения, находился в этот момент где-то на подступах к деревне Решетки, в непосредственной близости от Днепра, и уверенно продвигался вперед, несмотря на усиливающееся сопротивление противника. Когда я запрашивал подполковника Винокурова по радио о ходе наступления, он неизменно отвечал: «Все в порядке» или «Задачу выполню». Мы, конечно, не сомневались, что Федор Иванович сдержит слово, и все же беспокоились. Разведка доносила, что в лесу в районе Решетки разрозненные группы отступающего противника пытаются организовать оборону, чтобы не допустить форсирования нашими подразделениями Старицы. Да и на правом берегу Днепра у немцев было замечено какое-то движение. Как бы они не подтянули артиллерию и не организовали огневой заслон на пути движения наших воинов… Вот почему, связавшись еще раз со 117-м полком, я сказал Винокурову, чтобы он ускорил продвижение, не дал врагу закрепиться на промежуточном рубеже и как можно быстрее переправился через старое русло Днепра.

— Будет сделано! — как всегда, лаконично ответил Федор Иванович.

Передовой отряд, сбивая в течение ночи противника с промежуточных рубежей и обходя его, быстро продвигался вперед. Вот где сказалась правильность решения комдива о придании полку большого количества автотранспорта. На рассвете 24 сентября подразделения 117-го стрелкового вышли к Старице и овладели деревней Решетки в ночном бою.

Здесь особенно отличился первый батальон, руководство которым вместо раненого комбата взял на себя начальник штаба капитан Д. П. Виниченко. Я знал Виниченко давно. На первых порах он казался слишком мягким а не очень решительным: даже приказания отдавал каким-то просительным тоном. Сказывалась, видимо, его довоенная профессия учителя. Однако в бою за Решетки Виниченко проявил себя как волевой, мужественный офицер. Разведав построение обороны гитлеровцев, он обнаружил, что на северной окраине деревни она слабее всего. Немцы, видимо, не ждали нас отсюда, со стороны густого леса, в котором не было ни одной дороги. Капитан, воспользовавшись этим обстоятельством, послал группу автоматчиков, которую возглавил старший политрук Н. И. Махаринец, в обход. Не выдав себя ни единым звуком, автоматчики вышли на северную окраину села. Их атака была настолько неожиданной для фашистов, что те растерялись и, оказывая весьма слабое сопротивление, начали отступать.

Махаринец был ранен в ногу, однако поле боя не покинул. Прихрамывая, он продолжал продвигаться вместе с бойцами вперед, подбадривая и увлекая их за собой. Решетки были очищены от противника. Но батальон, не останавливаясь, продолжал преследовать гитлеровцев, поспешно отходящих на остров Каневский.

А подполковник Винокуров еще на подходе к острову приказал своим разведчикам установить, есть ли брод через Старицу кроме того, которым пользовались немцы. Ночью это задание было выполнено. Разведчики доложили, что брод есть, но дно вязкое, техника может не пройти. Именно поэтому гитлеровцы, наверное, им и не пользовались.

— Но зато они и не ждут нас здесь, — сказал мне командир полка, доложив результаты разведки. — Надо рискнуть!..

Было около часу ночи. Комдив, уяснив положение в 117-м полку, уехал, а я с его разрешения остался, чтобы на месте проконтролировать действия передового отряда по захвату острова Каневский.

Место, предлагаемое Винокуровым для форсирования Старицы, было довольно удобным: излучина, скрытые подступы, да и сам брод, как сообщили саперы, обследовавшие его, после небольших инженерных работ будет вполне пригоден для переправы всех видов техники.

Чтобы ввести противника в заблуждение, Винокуров решил демонстрировать форсирование старого русла по тому броду, которым пользовались немцы. Сюда была послана одна рота с задачей наделать как можно больше шума. Для внушительности ей были приданы артбатарея и группа саперов. И гитлеровцы, как говорится, попались на удочку. Как только началась демонстрация ложного форсирования, они сняли свои подразделения с других участков обороны острова и бросили к броду. Винокуров не замедлил этим воспользоваться. Основные силы полка быстро переправились через Старицу, практически не встречая сопротивления, по второму броду и вышли к немцам в тыл.

Добивая остатки мелких групп гитлеровцев, бойцы 117-го полка буквально за два-три часа полностью овладели островом. Уже в полдень подполковник Винокуров доложил комдиву по радио, что задача выполнена и что его командный пункт находится в трехстах метрах от основного русла реки, а подразделения расположились у самого уреза воды. Таким образом, 117-й стрелковый полк первым из частей нашего корпуса вышел к Днепру.

Добился успеха и сосед справа — передовой отряд 30-й

стрелковой дивизии. К исходу того же дня он вышел к реке севернее острова Каневский.

* * *

Стремительным было в тот период продвижение наших войск. Основные силы Воронежского фронта достигли Днепра примерно на десять суток раньше, чем было предусмотрено планом. Гитлеровское командование рассчитывало, что после такого продолжительного наступления наши соединения будут основательно измотаны и окажутся не в состоянии преодолеть такую крупную водную преграду и только что созданную мощную оборонительную полосу. Но фашисты снова просчитались.

Зная, что противник возлагает большие надежды на рубеж Днепра, Ставка Верховного Главнокомандования, указав, как я уже говорил, на необходимость форсировать его с ходу и захватить плацдармы на правом берегу, директивой от 9 сентября также установила, что за преодоление в районе Смоленска и ниже Днепра и равных ему по трудности форсирования рек следует представлять воинов к высшим правительственным наградам, в том числе и к присвоению звания Героя Советского Союза.

Нам нужно было торопиться, чтобы противник не смог опомниться и подтянуть резервы. От быстроты наших действий зависел успех операции. И мы это прекрасно понимали. Как только Ф. И. Винокуров доложил о захвате острова Каневского, комдив немедленно выехал к нему, чтобы провести рекогносцировку и подготовить решение на форсирование Днепра.

Кстати, Александр Игнатьевич только что переоделся в новую форму: накануне он получил генеральское звание. Вместе с ним отправились начальник оперативного отделения, командующий артиллерией, дивизионный инженер и начальник связи.

На КП 117-го стрелкового, расположенном в лесу, генерал-майор Королев, выслушав доклад Винокурова, поблагодарил его за умелые решительные действия полка и поставил задачу прикрыть восточную часть берега на участке от высоты 175,9 до южной окраины деревни Селище, обеспечив тем самым развертывание и работу всех органов разведки, сосредоточение главных сил дивизии в районе острова Каневский — деревни Решетки и подготовку их к форсированию реки. Затем Александр Игнатьевич связался с командиром корпуса и доложил о боевых делах дивизии, ее положении на данный момент. Генерал Чуваков выразил удовлетворение нашими успешными

действиями. Он был доволен, что дивизия так быстро и почти без потерь захватила остров Каневский, откуда ей будет значительно легче совершить прыжок через Днепр. Никита Емельянович предупредил, что будет у нас в 20.00. К этому времени мы должны продумать и доложить ему свой вариант форсирования реки на участке Селище, сарай, что два километра севернее города Канева. Нашему соседу справа — 30-й стрелковой дивизии намечался участок форсирования от дачи Тальберг до высоты 175,9.

Закончив разговор с комкором, Королев повернулся ко мне и бодро спросил:

— Ну, Сергей Александрович, откуда начнем рекогносцировку?

В генеральской форме, ладно сидевшей на подтянутой фигуре, он казался особенно собранным и энергичным.

— Давайте с левого фланга, — предложил я, — с южной оконечности острова.

— Не возражаю. Двинулись!

Пройдя лесом, мы вскоре очутились у самого Днепра, в густом дубняке, подходившем здесь вплотную к берегу. На минуту все умолкли, глядя на величественную реку, катившую мимо древние воды. Днепр!.. Могучая историческая река. Здесь когда-то проплывал князь Олег в Константинополь, носились струги запорожской вольницы, переправлялся Богдан Хмельницкий со своими отважными соратниками, поили усталых коней буденновцы…

Короткая пулеметная очередь с того берега, вспоровшая тишину, заставила нас вернуться к действительности и посмотреть на Днепр уже иными глазами. Перед нами — сложная водная преграда, которую предстояло форсировать. Левый берег Днепра от Комаровки до Лепляво, то есть в полосе наступления нашего корпуса, был пологим, лесистым, с множеством протоков, озер, стариц. А правобережье от поселка Бучак до деревни Селище на расстоянии 100–200 метров от уреза воды имело крутые подъемы и обрывы и фактически господствовало над левым берегом. Это давало противнику возможность просматривать и простреливать все зеркало реки. По разведданным, Днепр в этом районе был до полукилометра шириной и более пяти метров глубиной, имел песчаное дно и довольно значительную скорость течения — более метра в секунду. Внимательно изучив противоположный берег, мы пришли к единодушному мнению, что лучшим участком для форсирования будет поселок Селище, высота 175,9, на захвате которой и следует сосредоточить главные усилия. Южнее деревни

у немцев находились значительные силы, прикрывавшие город Канев с севера. Да и рельеф местности там был более сложным и неудобным для высадки. Я обратил внимание генерала Королева на то, что при захвате высоты 175,9 противник, вероятнее всего, будет контратаковать вдоль берега как слева, со стороны Селища, так и справа, если сосед не будет иметь успеха. Такой вариант тоже надо было иметь в виду, поэтому на острове Каневский, против Селища, и на нашем правом фланге нужно поставить орудия прямой наводки. Меня поддержал командующий артиллерией подполковник Свинцицкий. Он сказал, что действия артиллерии — а ее вполне можно развернуть скрытно и в большом количестве — будут очень эффективны в борьбе с танками, имеющимися у противника в этом районе.

— Что ж, так и решим, — согласился комдив. — Поставить не менее чем по одной батарее противотанковой артиллерии на прямую наводку на флангах участка форсирования. Думаю, генерал Чуваков поддержит нас… А кому же поручить почетную задачу первым форсировать Днепр в качестве передового отряда? — спросил Королев, искоса поглядывая на меня.

— А что, если опять сто семнадцатый? — не очень уверенно заметил я.

Александр Игнатьевич улыбнулся:

— Нисколько не сомневаюсь в том, что Винокуров успешно выполнит и эту задачу. Но нельзя же все время наваливаться на одного. Кроме того, он уже получил от меня задание прикрывать развертывание главных сил дивизии… Вот что я думаю… Не будем обижать ни Шиянова, ни Бастеева: пусть оба полка — двести двадцать пятый и восемьдесят девятый — выделят в передовой отряд по батальону. Это будет вполне справедливо и, главное, тактически оправдано…

Рекогносцировка продолжалась. Постепенно перед нами все яснее вырисовывался план форсирования Днепра. По предложению майора Слепинкина были окончательно установлены места переправ, порядок и время подвоза к ним переправочных средств. Согласились мы и с подполковником Свинцицким, сказавшим, что атаку первого броска десанта следует сопровождать методом последовательного сосредоточения огня.

Окончательно же все виды огня было решено спланировать после уточнения системы обороны противника, которая возлагалась на начальника разведки майора Е. И. Карачуна, всегда умевшего добыть о немцах ценнейшие сведения. Тут же отрабатывались вопросы взаимодействия как между частями дивизии, так и с соседями, устанавливались порядок связи,

оповещения, сигналы. Все детали сразу фиксировались нашим оператором. По моему указанию майор Фролов оформил решение комдива на единой карте. На ней были отражены решительно все вопросы, которые мы разбирали на рекогносцировке: замысел решения, график форсирования, составленный с таким расчетом, чтобы в каждом рейсе перебросить одновременно два усиленных стрелковых батальона, взаимодействие по этапам боя и элементы управления. При недостатке времени, а у нас его было в обрез, такой метод графического воплощения замысла командира на бой является самым оперативным и очень наглядным.

Майор Фролов прекрасно справился с поставленной перед ним задачей. С первых же дней работы в новой должности он вообще показал себя прекрасно. Николай Данилович оказался очень добросовестным, рассудительным и на редкость пунктуальным человеком, что крайне необходимо начальнику оперативного отделения. Кстати, в этих его качествах я нисколько не сомневался, так как знал Фролова еще со времени боев на Северном Кавказе в 1942 году, когда был начальником штаба бригады, а он возглавлял штаб одного из наших батальонов. Уже тогда Николай Данилович проявил себя офицером исключительно выдержанным и уравновешенным. Отрабатываемая его штабом документация отличалась четкостью, наглядностью и какой-то весомой убедительностью.

Закончив рекогносцировку, генерал Королев отпустил всех, чтобы каждый мог заняться своим делом. Мы же отправились к месту нового КП. Саперы уже приступили к его оборудованию в 800 метрах западнее деревни Решетки. Туда вскоре были вызваны командиры 89-го и 225-го полков полковник И. В. Бастеев и майор И. И. Шиянов. Командир дивизии лично отдал им предварительные распоряжения на форсирование.

Началась подготовка позиций артиллерии: орудийных окопов, ровиков, траншей. Телефонисты быстро протянули линии связи между командными и наблюдательными пунктами. Заработала проводная связь с соседями. Развернулась система наблюдательных постов, ведущих круглосуточную разведку противника. Кроме того, майор Е. И. Карачун по моему заданию подготовил особую разведгруппу, которая должна была ночью переправиться на противоположный берег и постараться поточнее выявить систему обороны и наличие огневых средств у гитлеровцев, особенно в районе высоты 175,9. Нашлось немало добровольцев для выполнения этого трудного и опасного задания. Возглавил группу командир взвода автоматчиков 117-го стрелкового полка лейтенант Василий Андреевич Малашкин. Всего в нее вошло семнадцать человек.

Как только стемнело, разведчики погрузились на два плота и, стараясь не шуметь, отчалили от нашего берега. Ночь была темной, пасмурной. В небе ни звездочки. Гитлеровцы иногда освещали реку ракетами, но делали это, очевидно, больше по привычке, так как совершенно не ожидали нашей высадки в ту ночь. Бойцы почти беспрепятственно переправились через реку и были замечены лишь у самого берега. Лихорадочно застучали пулеметы гитлеровцев, ударили орудия. Но было уже поздно. Наши разведчики выскочили на берег и ворвались в первый окоп врага. В ход пошли гранаты, затем ножи. Фашисты не выдержали натиска и оставили траншею.

Первыми на западный берег Днепра вместе с лейтенантом В. А. Малашкиным успешно высадились младший лейтенант Я. Н. Гоголадзе, красноармейцы М. И. Кельмухамедов, В. Е. Куренцев, М. И. Нехорошев, Рахметов, В. П. Вьюрков, А. Мамедов, О. Курамов, А. И. Ищенко, З. С. Новгородний, А. А. Николаев, К. В. Кочергин, В. В. Дзимов, П. П. Чибимов, И. С. Соевич и П. В. Дзимов[1].

Опомнились немцы часа через два. Они обрушили на храбрецов сильный артиллерийско-минометный и пулеметно-автоматный огонь. И это помогло нам установить расположение многих вражеских батарей и огневых точек. Затем, подтянув пехоту, гитлеровцы пытались выбить разведчиков с занимаемой позиции. Но те не дрогнули и не отступили, несмотря на то что противник имел многократное превосходство в силах.

Действия разведгруппы поддерживались специально выделенными для этой цели артиллерийскими и минометными батареями, расположенными на острове Каневский. Они вели окаймляющий огонь, не давая гитлеровцам приблизиться к позициям разведчиков.

Всю ночь длился неравный бой. Фашисты атаковали беспрерывно, но всякий раз, неся потери, откатывались назад. К рассвету почти все разведчики были ранены, а двое — Я. Н. Гоголадзе и А. А. Николаев — убиты. Группа получила приказ отойти. Под покровом темноты, прикрываемые усиленным артиллерийско-минометным огнем, бойцы переправились на наш берег и привезли ценные разведданные. Мы получили довольно полное представление об обороне противника в районе высоты 175,9, где дивизии предстояло наносить главный удар. Все участники разведгруппы за мужество и отвагу, проявленные в этой операции, были отмечены правительственными наградами.

В период подготовки к форсированию в каждой роте из подручных средств строили плоты. В дело шли бревна, доски, бочки. Бойцам активно помогали местные жители.

Отступая, фашисты под страхом смерти заставили рыбаков уничтожить все лодки и баркасы. И все же некоторые жители затопили лодки неповрежденными и в тех местах, откуда их можно было без особого труда поднять.

Командир саперного батальона капитан Н. П. Добромыслов собрал местных рыбаков и попросил у них помощи. Мы выделили саперов, и работа по подъему и ремонту плавсредств закипела. Вскоре в нашем распоряжении было несколько десятков вполне пригодных лодок. Некоторые из них, соединенные попарно, приспосабливались под плоты-паромы, удерживающие даже легкие орудия.

Точно в назначенное время на командном пункте дивизии появился генерал Н. Е. Чуваков. Комкор всегда отличался исключительной пунктуальностью. Нам в дальнейшем пришлось долго работать вместе, и я не помню случая, чтобы он задержался и не приехал к установленному часу.

Никита Емельянович выглядел уставшим. Вероятно, не спал предыдущую ночь: время-то было очень напряженное. Под глазами у комкора залегли тени, а в уголках рта резче обозначились суровые морщины. Однако движения генерала были, как всегда, энергичны, порывисты.

— Докладывайте! — потребовал он, присаживаясь на один из пустых снарядных ящиков, служивших нам стульями.

Пока А. И. Королев говорил, тщательно обосновывая свое решение, Чуваков слушал молча и ни разу не перебил. Когда же тот умолк, Никита Емельянович снова взглянул на карту и одобрительно сказал:

— Что ж, решение дельное. Утверждаю его! — Он помолчал и заговорил уже иным, резковатым тоном: — Корпус имеет задачу в составе сорок седьмой армии форсировать Днепр севернее Канева и захватить плацдарм в районе исключительно поселок Бучак, Селище, Бобрица, Студенец. Справа тридцатая дивизия, слева — двести шестая. Вам придаются средства усиления: шестнадцатый гаубичный артполк, два полка двадцать девятой истребительно-противотанковой бригады, дивизион четыреста шестидесятого минометного полка и часть средств двадцать третьего мотопонтонного батальона. Готовность к форсированию — двадцать часов двадцать пятого сентября…

Уточнив вопросы взаимодействия, генерал Чуваков распорядился подготовить ему НП на острове Каневский.

До начала форсирования Днепра оставались ровно сутки, а дел предстояло множество. Нужно было вывести на исходные позиции войска, рассредоточить их скрытно от противника, отработать вопросы управления. И все это сделать в самые сжатые

сроки, не упустив ни одной детали, — потом будет некогда. Вот почему штаб в такие часы должен работать — и работал! — с предельной нагрузкой и высочайшей организованностью. Каждый старался как можно лучше и быстрее выполнить все, что нужно было по его отделу или службе. Перед нами вставали десятки неожиданных вопросов, которые следовало предусмотреть заранее. Работники штаба почти все время находились в частях, помогали командирам, контролировали их действия, трудились без сна и отдыха.

Большую роль при подготовке к форсированию Днепра сыграли операторы, мои помощники, которым, я знал, можно было поручить любое дело с уверенностью, что оно будет безукоризненно выполнено. Особенно хорошо проявил себя в этот период майор Н. Д. Фролов. Находясь на наблюдательном пункте, он активно помогал командиру дивизии в управлении частями: собирал данные обстановки, обобщал их и, докладывая генералу Королеву, вносил свои предложения. Недостаток опыта у Николая Даниловича возмещался его инициативой и напористостью. Помню, Королев сказал мне:

— А мы, кажется, не ошиблись в выборе преемника Шиянову.

В течение ночи на 25 сентября артиллерия заняла свои позиции на острове Каневский. Десятки орудий были выдвинуты почти вплотную к урезу воды и изготовлены для стрельбы прямой наводкой. Мы понимали, что переправившимся подразделениям будет нужна мощная огневая поддержка. Поэтому было решено на каждое орудие заготовить по полтора-два боекомплекта. А это — тысячи снарядов. Боеприпасы к утру были полностью доставлены на место. В этом большая заслуга тыловиков, которым вообще крепко доставалось в те дни. Дороги были плохие, транспорта не хватало. А войскам нужны были и пища, и боеприпасы, и горючее, и запчасти.

В трудных условиях работали саперы. Им пришлось проложить по лесу колонные пути, оборудовать за ночь систему командно-наблюдательных пунктов, произвести маскировку всех позиций; в местах, намеченных для форсирования, сосредоточить основную массу переправочных средств.

Ни на минуту не прекращалась партийно-политическая работа. Бойцам и сержантам разъяснялось значение предстоящих боевых действий, положение на советско-германском фронте. Во многих подразделениях состоялись митинги, на которых зачитывалось обращение Военного совета армии, организовывались встречи молодых бойцов с ветеранами, принимавшими участие в форсировании других водных преград. Бывалые воины делились опытом использования подручных

средств, взаимовыручки, инициативы, давали полезные советы. Коммунисты во взводах и ротах были поставлены на наиболее трудные и опасные участки, чтобы они могли личным примером воодушевлять бойцов, вести их за собой. В те дни в политотделе дивизии было трудно кого-либо застать: все находились в частях.

Мы сами имели уже довольно точные сведения о противнике, регулярно получали также данные авиаразведки из штаба корпуса. Большую роль здесь сыграла и группа лейтенанта Малашкина, о которой уже рассказывалось. И все же этого было маловато. Поэтому днем 25 сентября майор Карачун не только организовал тщательное наблюдение за противником, но и попытался переправить через Днепр еще несколько небольших разведгрупп. Ему активно помогали и корпусные разведчики, тоже стремившиеся добыть дополнительные сведения о вражеской обороне. Им это отчасти удалось.

Наибольшего успеха добилась группа под командованием помощника начальника разведотдела корпуса капитана Д. П. Боенко, которого я хорошо знал. Утром под прикрытием тумана она сумела высадиться на правый берег. Отважные разведчики прорвались в ближний тыл врага и выявили расположение его огневых средств на этом направлении. Под сильным огнем противника капитану Боенко удалось к вечеру переправиться с группой обратно. Он доставил очень нужные данные о начертании переднего края обороны фашистов и расположении артиллерийских позиций. За этот подвиг Дмитрий Петрович Боенко был удостоен звания Героя Советского Союза. К сожалению, получить награду ему уже не удалось. 20 октября, находясь на НП корпуса и засекая огневые точки противника, Боенко попал под вражеский артобстрел и пал смертью храбрых.

Посмертно присвоено звание Героя Советского Союза и красноармейцу Александру Георгиевичу Кудрявцеву. Он был сапером и в ту же самую ночь 25 сентября одним из первых изъявил желание переправиться через Днепр и установить связь с нашей разведгруппой, посланной Карачуном. Захватив с собой боеприпасы, в которых разведчики так нуждались, а также телефонный аппарат и катушку с проводом, отважный воин на маленькой лодке пустился в путь через реку. Кругом свистели пули, рвались снаряды, но Кудрявцева это не остановило. До противоположного берега оставалось не более десяти метров, когда лодку накрыло прямым попаданием мины.

Вскоре разведчики достали патроны, затонувшие вместе с лодкой неподалеку от берега, и сразу же пустили их в дело. Найдена была и катушка с кабелем. Ее вытащили на берег и подключили к телефонному аппарату. Связь заработала.

Разведчики смогли передать нам очень ценные сведения. Мужественный боец не зря пожертвовал жизнью. Его подвиг способствовал достижению победы.

Наступила незабываемая для всех нас ночь на 26 сентября. Весь день небо хмурилось, а к вечеру его и вовсе заволокли сплошные облака. Быстро надвинулись сумерки. От реки потянуло сыростью, стало прохладно. Поеживаясь, бойцы осторожно, бесшумно стали выходить из укрытий. Раздавались приглушенные команды. Потрескивали сучья под ногами. Вскоре послышались негромкие всплески воды. Это спускались в реку лодки и плоты. Ни одного огонька не вспыхнуло в ночи: маскировочная дисциплина соблюдалась очень строго. Люди понимали, что успех зависит от внезапности.

Чтобы преждевременно не выдать себя, мы решили начать форсирование Днепра без артподготовки. Командир дивизии возложил на меня непосредственное руководство переправой, и с наступлением сумерек я находился на самом берегу реки, как раз в том месте, где сосредоточивались группы первого броска.

Услышав голос командира 225-го полка майора Шиянова, распоряжавшегося спуском плавсредств на воду, я подошел к нему, спросил о настроении.

— Самое бодрое! — пробасил в ответ никогда не унывающий Иван Иванович. — А как же иначе!

— Люди буквально рвутся в бой, — подтвердил и его заместитель по политчасти майор Павел Семенович Литвинов. — Днепр, говорят, река серьезная, но для нас, мол, не преграда. И они правы!

В словах политработника звучала твердая уверенность. Видно, он и сам думал точно так же. А Литвинов был человеком дела: мог, если требовалось, не задумываясь, первым подняться в атаку, стать к орудию при отражении танков (бывало и такое!), заменить водителя. К тому времени он был уже дважды ранен и награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды и медалью «За отвагу». Бойцы между собой недаром называли его по старинке комиссаром. Видно, это слово — комиссар — много для них значило.

Мы еще раз уточнили с И. И. Шияновым задачу полка и сигналы для связи, особенно на тот случай, если потребуется вызвать артиллерийский огонь при подходе к вражескому берегу. Такой вариант тоже предусматривался.

— Главное — захватить высоту сто семьдесят пять и девять. Она господствует над всей местностью, — сказал на прощание Иван Иванович. — Только пусть Бастеев не отстает. Предупредите его, пожалуйста. Тогда я бы не тревожился за свой левый фланг.

— Хорошо, — пообещал я. — Действия ваших батальонов скоординированы точно.

Шиянов, конечно, знал, что сосед слева его не подведет. Но командиры полков всегда немного соперничали друг с другом: каждому хотелось быть впереди, и это вполне естественно.

Вскоре там же, на берегу, я отыскал командира 89-го стрелкового полковника Бастеева. Его плечистая, несколько грузноватая фигура маячила возле самой воды. Иван Васильевич как раз собирался сам садиться в лодку. Время приближалось к 22.00 — началу форсирования Днепра.

— Людей бы вам, конечно, не мешало добавить, — сказал я Бастееву, — но пока нет…

— Ничего, справимся, — живо отозвался он. — Все-таки вместе со мной сто душ будет. А это сила…

Я почувствовал, что бодрость его несколько наигранна. Думаю, Иван Васильевич так же, как и я, ощущал скрытую тревогу, однако показать этого не хотел. В предыдущих боях полк понес большие потери, а пополнения мы так и не получили. Конечно, для первого броска численность передового отряда была достаточной и соответствовала нашим расчетам. Но кто знает, как дальше сложится обстановка. И все же я верил в Бастеева, знал, что он справится с возложенной на него задачей. У Ивана Васильевича был большой опыт. Он участвовал еще в боях гражданской, воевал против Юденича, белополяков, был награжден орденом Красного Знамени. И в Отечественную Бастеев на фронте с первых дней войны.

— Ну что ж, начнем, Сергей Александрович? — спросил командир полка.

Вместо ответа я крепко пожал ему руку. Вскоре все заняли места на плотах и в лодках.

— Отчаливай! — услышал я приглушенный, но властный голос Бастеева.

На немецкой стороне было тихо. Лишь изредка взлетали, как обычно, ракеты, освещая темную поверхность воды желтым мерцающим светом. Временами раздавались короткие пулеметные очереди. Но это вели огонь дежурные средства. По всему было видно, что противник не ожидал нашего форсирования. Ведь на этом участке в ходе подготовки к преодолению Днепра строго соблюдалась маскировочная дисциплина. Зато слева, в направлении севернее Канева, корпус активно демонстрировал подготовку к форсированию. Делалось все, чтобы обмануть врага. На внезапности, собственно, и был построен план предстоящего боя.

Плоты и лодки бесшумно отвалили от берега. Некоторое

время они еще чернели на темной глади реки, но вскоре растаяли, растворились, будто их и не было. Это ощущение усиливалось еще и тем, что в ночи не раздавалось ни звука. Как мы ни вслушивались, но не смогли уловить даже малейшего всплеска. Оставшиеся на берегу напряженно отсчитывали минуты. Теперь можно было только по времени определить, где примерно находится десант, далеко ли ему еще до цели.

— Как думаешь, дойдут незаметно? — приглушенно спросил Александр Иванович Фролов, подходя ко мне.

В голосе начальника политотдела чувствовалась встревоженность. Он, как я, провожал в путь передовые батальоны, давал последние наставления замполитам. Если бы ему разрешили, он наверняка отправился бы с первым броском. Смелости Фролову было не занимать. Он частенько лез в самое пекло боя. И я слышал, как накануне генерал Королев, зная об этих чертах характера начподива, сказал ему: «Вот что, Александр Иванович, ваше место пока не в лодке, а на острове Каневский. Не забывайте, что здесь сейчас расположены основные силы дивизии. При первой же возможности мы с вами переправимся на тот берег, и я обещаю, что мы еще побываем в этом пекле».

— Начало неплохое, — не дождавшись моего ответа, снова заговорил Фролов. — Но главное — впереди. Только бы немцы ничего не заметили!

— Пока вроде все в порядке, — заметил находившийся тут же майор Слепинкин. — Маловато только у нас плавсредств. Придется их гонять раза три-четыре, чтобы к утру переправить все, что нужно.

Дивизионного инженера в первую очередь интересовали, конечно, переправочные средства.

— Ты саперов в десант достаточно выделил? — поинтересовался Фролов.

— А как же! В каждом передовом отряде есть! Самые отборные ребята.

— По времени должны бы уже подходить, — сказал инженер, поглядывая на светящиеся часы, бывшие тогда большой редкостью. И словно в подтверждение его слов на том берегу вдруг сразу одновременно ударило несколько пулеметов. Тишину ночи вспороли разрывы гранат, автоматные очереди. В воздух взвилась серия ракет. Над рекой стало светло как днем. Мы увидели, что лодки и плоты подходят к правому берегу. Некоторые уже совсем близко. Бойцы выскакивают из них и устремляются вперед по пояс в воде. Откуда-то из глубины вражеской обороны загремели орудийные выстрелы. На воде стали рваться мины. Одну из лодок накрыло прямым попаданием,

но остальные продолжали стремительно продвигаться к берегу.

В этот момент комдив приказал Свинцицкому открыть огонь.

Через минуту заговорила наша артиллерия. Частые всплески разрывов покрыли противоположный берег. Бой нарастал. Из личных наблюдений, докладов и донесений мне было известно, что первыми высадились на правый берег Днепра бойцы 89-го стрелкового полка. На втором плоту, причалившем к песчаной косе, оказался парторг первого батальона капитан И. Ф. Живодер, человек исключительной личной храбрости. Уроженец здешних мест, он особенно горячо стремился за Днепр. Там, в селе Дашуковка близ Киева, в фашистской неволе томилась его семья — мать, жена и маленькая дочь. Вместе с комсоргом лейтенантом И. Т. Сумцовым, высадившимся одновременно, Иван Фомич возглавил первый бросок воинов полка. Особенно трудно было преодолеть первые сто метров, отделяющие урез воды от позиций противника. Это пространство сплошь простреливалось многослойным пулеметным огнем. Проскочить его можно было лишь единым рывком. И бойцы, ведя огонь на ходу, устремились вперед. Некоторые падали, сраженные вражескими пулями, но остальные, не останавливаясь, приближались к гитлеровским окопам. Вскоре бой шел уже в первой траншее. Завязалась рукопашная схватка. Немцы не выдержали такого стремительного натиска и стали отходить, продолжая, однако, яростно сопротивляться. Пулеметчик С. А. Кибилов, выдвинувшись со своим верным «максимом» на высотку, стал бить по гитлеровцам с фланга. Первая рота, где по-прежнему находились капитан Живодер и лейтенант Сумцов, личным примером воодушевлявшие бойцов, овладела восточными скатами высоты 175,9. Только убитыми фашисты оставили на поле боя больше двадцати человек.

По всей реке уже кипели разрывы снарядов и мин. Противник стремился во что бы то ни стало задержать переброску наших подразделений. Снаряды обрушились и на левый берег. Засвистели осколки. Нам пришлось укрыться в окопах, вырытых заблаговременно саперами недалеко от воды. Никто не захотел спускаться в блиндаж. Мы с нетерпением ждали вестей с того берега, до рези в глазах всматриваясь в наполненную вспышками разрывов ночь. Наконец долгожданный сигнал — над Днепром взлетели желтая и зеленая ракеты. Это полковник Бастеев сообщал, что поставленная ему задача выполнена: полк овладел восточными скатами высоты 175,9. Наши войска закрепились на западном берегу Днепра.

Почти одновременно высадился на правобережье и 225-й стрелковый, точнее, его передовой батальон в составе ста

двадцати человек. Но он попал в более тяжелое положение, чем его левофланговый сосед. Здесь гитлеровцы заметили переправляющихся бойцов раньше и открыли по ним ураганный огонь. Только по разведданным у противника на участке в два километра располагалось непосредственно в кустах возле берега до пятнадцати огневых точек. Несколько лодок и два плота были сразу же потоплены. В воде оказалось десятка три бойцов, которые продолжали дальше двигаться вплавь, подняв над собой оружие: люди понимали, что с первых же шагов на суше им придется вступить в бой и автоматы должны стрелять.

Достигнув берега, батальон устремился на северные скаты высоты 175,9. Атаку возглавил лично майор Шиянов. С автоматом в руках он бежал в правофланговой цепи, увлекая за собой бойцов. Точно так же действовал и его замполит майор Литвинов на левом фланге.

Батальон выбил гитлеровцев из первой и второй траншей и начал закрепляться. В это время через Днепр двинулись остальные подразделения полка, чтобы успеть до рассвета переправиться на западный берег и помочь передовому отряду. Шиянову, точно так же как и Бастееву, необходимо было удержать захваченный плацдарм и обеспечить переправу главных сил дивизии. Однако на его участке гитлеровцы опомнились быстрее. Они обрушили на незакрепившиеся еще по-настоящему роты сильный артиллерийско-минометный огонь. Загудела от взрывов земля. А с рассветом на наши позиции двинулись танки и, под их прикрытием, пехота врага. За этот первый на плацдарме день, 26 сентября, полку пришлось отразить четырнадцать контратак противника. Требовались поистине железная стойкость и величайшее мужество, чтобы сдержать бешеный натиск и не отступить. Да, собственно, и отступать-то было некуда.

* * *

Под вечер на участок плацдарма, удерживаемого 225-м полком, гитлеровцы бросили до трех батальонов пехоты при поддержке тридцати танков. У врага было чуть ли не пятикратное превосходство в живой силе, не говоря уже о технике. Мы, конечно, помогали Шиянову огнем. Генерал Королев приказал командующему артиллерией сделать по атакующим фашистам массированный огневой налет. В борьбу с вражескими танками вступили и те батареи, которые были поставлены на прямую наводку на острове Каневский. Они не давали гитлеровцам возможности контратаковать вдоль берега.

Однако фашисты, даже понеся значительные потери, продолжали остервенело лезть вперед. И тут майор Шиянов снова проявил свое командирское умение. Он четко маневрировал огнем, сосредоточивая его на наиболее угрожаемых направлениях. В распоряжении Ивана Ивановича были всего лишь одна противотанковая батарея и рота ПТР. Он держал их под рукой как противотанковый кулак полка. С завидной выдержкой артиллеристы и петеэровцы подпускали врага на минимальную дистанцию и только по команде Шиянова били противника практически в упор. Грамотно маневрировал Шиянов и боевым порядком полка, тем более что сплошная линия траншей, захваченная у врага, позволяла быстро и скрытно перебрасывать подразделения по фронту на наиболее важные участки.

Большую поддержку командиру оказывал замполит. Он всегда был в самых горячих точках обороны. Находясь среди людей, майор Литвинов воодушевлял их словом и делом. Он был и пламенным агитатором, и умелым бойцом, и, если требовалось, грамотным и хладнокровным командиром.

Когда немецкие танки приблизились к окопам на левом фланге, Павел Семенович оказался среди бронебойщиков. Командир роты ПТР был убит, и замполит заменил его.

— С тыла танки бить лучше, — сказал он бойцам. — Так что пропускаем их через окопы. Себя пока не обнаруживать, огня не открывать!

Воины залегли на дно траншеи, прикрыв телами ружья, чтобы не засорить затворы. Десять танков с ревом и лязгом прошли над ними, и тут же расчеты ПТР поднялись и открыли огонь. Две машины были подбиты в первые же минуты. Особенно метко стрелял рядовой И. Н. Бушнев: он уничтожил три танка. Гитлеровцы засекли окоп бронебойщика и открыли по нему огонь из орудий. Несколько раз Бушнева засыпало землей, но, как только обстрел стихал, товарищи помогали ему выбраться из разрушенного укрытия. Боец снова бросался к брустверу и продолжал стрелять. За свои подвиги, совершенные на плацдарме, рядовой И. Н. Бушнев был награжден орденом Ленина.

Не подвели полк и артиллеристы. Одна за другой загорались вражеские машины. Но и батарейцы понесли потери. Погиб командир огневого взвода. Командование принял на себя старший сержант А. К. Окунев. Когда же у одного из орудий упал сраженный наводчик, он сам стал на его место и продолжал вести огонь.

С утра стало жарко и на участке 89-го стрелкового, куда успели переправиться все три батальона. Гитлеровцы бросили

сюда значительные силы. До четырех рот автоматчиков атаковали восточные скаты высоты 175,9.

Здесь у И. В. Бастеева оборонялась сильно поредевшая рота, которая не смогла сдержать натиск фашистов. Тогда командир полка собрал всех, кто был в районе КП, и вместе с легкоранеными, которые сами вызвались снова идти в бой, повел их в контратаку. Скаты высоты вновь перешли в наши руки.

Перед рассветом, как и было предусмотрено планом форсирования, начал переправляться через реку 117-й полк. Я провожал его так же, как и другие части, все еще находясь по приказу комдива в районе переправы. Подразделения еще на плаву открывали огонь из всех средств, выбирались на берег и сразу же вводились в бой.

Первый батальон высадился на плацдарм и стремительной атакой выбил гитлеровцев с занимаемых в районе деревни Селище позиций. Этот участок местности был очень небольшим и насквозь простреливался автоматным огнем.

В передовой группе здесь вместе с подполковником Винокуровым были начальник штаба батальона капитан Д. П. Виниченко и старший политрук И. И. Махаринец. На берегу Махаринец снова был ранен в ногу, однако от других не отстал. Наскоро перетянув рану бинтом, офицер устремился вперед.

Гитлеровцы открыли ураганный огонь, а затем бросились в контратаку, рассчитывая на то, что десантники не успеют закрепиться и их будет нетрудно сбросить в реку. Но не тут-то было! Винокуров приказал выдвинуть на фланги пулеметы, а на танкоопасное направление послал взвод 76-мм орудий вместе с ротой ПТР. Связавшись с командиром 89-го И. В. Бастеевым, Федор Иванович договорился с ним о прикрытии стыка частей и о взаимопомощи при отражении контратак. Когда фашисты приблизились на сто — сто пятьдесят метров, Винокуров приказал открыть по ним кинжальный огонь. Попытавшиеся было прорваться через наши боевые порядки танки были уничтожены противотанковыми гранатами. Два из них подбили артиллеристы полковника Бастеева, которые вели фланговый огонь. Тесное взаимодействие полков при закреплении на восточных и юго-восточных скатах высоты обеспечило не только отражение атаки врага, но и продвижение воинов вперед еще на двести метров, что значительно улучшило их позиции.

После полудня гитлеровцы с особой силой навалились на левый фланг 117-го стрелкового. Они бросили сюда танки. Положение полка было очень сложным. Стальные громадины могли смять наши подразделения, еще недостаточно прочно закрепившиеся на плацдарме. Их нужно было остановить любой

ценой. И это сделал взвод противотанковых ружей под командованием старшего лейтенанта Д. А. Аристархова. Бронебойщики, высадившись на берег, тут же по приказу подполковника Винокурова заняли позицию на самом танкоопасном направлении. Это как раз и был левый фланг полка, расположенный у северной окраины деревни Селище.

Когда появились танки, старший лейтенант Аристархов предупредил:

— Подпускать как можно ближе и бить наверняка!

Вражеские машины беспрепятственно подошли почти вплотную к позициям полка. И тогда бронебойщики дружно ударили по ним. Два танка загорелись, один завертелся на месте с перебитой гусеницей, остальные замедлили ход и вскоре повернули вспять. За мужество и отвагу, проявленные в этом бою, старший лейтенант Д. А. Аристархов удостоился ордена Красного Знамени. Это была его шестая правительственная награда.

Большую роль в отражении контратак противника, и особенно танков, сыграли также орудия прямой наводки, поставленные, как я уже говорил, на острове Каневский у самого уреза воды. Они вели огонь через реку и не давали гитлеровцам возможности продвигаться и наносить удары вдоль берега на Селище с юга и на высоту 175,9 — с севера. Артиллерия вела огонь и по подходящим к району Студенца и дачи Тальберга резервам фашистов. Таким образом, весь захваченный плацдарм как бы окаймлялся артогнем.

В этой сложной, напряженной обстановке командование дивизии делало все, чтобы обеспечить наиболее успешные действия 225-го и 89-го полков на захваченном ими плацдарме.

Прежде всего для наращивания усилий в направлении южных скатов высоты 175,9 севернее Селища были переправлены подразделения 117-го стрелкового, сумевшие в тесном взаимодействии с полком И. В. Бастеева отразить все контратаки противника как в центре боевого порядка дивизии, так и на своем левом фланге в районе Селища.

Потом (и это, пожалуй, главное) было осуществлено централизованное управление огнем десяти артиллерийских дивизионов; они открывали массированный огонь только по распоряжению генерала А. И. Королева и по той контратакующей группировке гитлеровцев, которая представляла на данный момент главную опасность.

К утру форсировала Днепр и 30-я стрелковая дивизия, наш сосед справа. Как рассказывал мне потом начальник штаба корпуса, ее части переправлялись в более тяжелых, чем мы, условиях, особенно на участке 71-го стрелкового полка. Десант

здесь был обстрелян еще задолго до подхода к правому берегу и понес большие потери. Высадилось всего сорок человек, однако связь с ними вскоре была потеряна. Ни одна лодка не вернулась обратно. Группа под командованием капитана К. С. Морозова, окруженная и прижатая к реке, продолжала сражаться в районе дачи Тальберга. Она отбила восемь вражеских контратак. Воины дрались до последнего патрона и предпочли смерть позорному плену. Капитан Морозов, даже будучи тяжело раненным, продолжал до конца руководить боем.

Преодоление реки силами 71-го полка было приостановлено. Зато 35-й стрелковый действовал более успешно и выполнил поставленную перед ним задачу. При сильном огневом сопротивлении противника 1-й батальон сумел захватить небольшой плацдарм и продвинуться вперед метров на двести. Первыми здесь высадились комбат старший лейтенант В. И. Перевердинцев, заместитель командира полка по политчасти майор К. К. Ермишин, командир взвода старшина Г. Ф. Уманец, старшина роты сержант С. С. Литвиненко, красноармеец И. И. Хохленко. Все они проявляли чудеса героизма. Операторы, приехавшие из штаба корпуса, сообщили мне потом некоторые волнующие подробности. Например, сержант Литвиненко, когда подразделение было окружено гитлеровцами, а командир убит, поднял своих товарищей врукопашную, заколол штыком четырех фашистов, но и сам погиб. А командир расчета старший сержант И. И. Радайкин, как только плот достиг берега, вместе с товарищами на руках вытащил орудие на песок и сразу же открыл огонь по врагу. Вскоре его сильно контузило, но коммунист не покинул командирского места. Придя в сознание, он продолжал корректировать огонь, а когда был сражен наводчик, стал на его место и подбил два танка.

256-й стрелковый полк 30-й дивизии достиг другого берега чуть позже, вслед за 225-м, уже по нашей переправе. Ею же воспользовался потом и сосед слева — 3-й гвардейский мехкорпус, занявший к 4 октября позиции в районе Селища.

Таким образом, к исходу 26 сентября 1943 года частями 23-го стрелкового корпуса на западном берегу реки был захвачен и удержан плацдарм, получивший у наших воинов наименование «каневский». Он был тогда, конечно, невелик: всего до двух километров по фронту и до четырехсот метров в глубину. Нам предстояло еще его расширить.

Задача по захвату и удержанию каневского плацдарма, была, несомненно, трудной и потребовала от всех нас максимального напряжения сил. Однако ее выполнение могло быть в значительной степени облегчено. Дело в том, что в тылу

немецких войск, в районе сел Тростинец и Литвинец, штабом Воронежского фронта планировалась высадка воздушного десанта. И его удар, совмещенный с нашим, наверняка имел бы большой эффект. Однако действия 5-й воздушно-десантной бригады в тылу врага почему-то не были согласованы с наступлением войск с фронта. Выброска десанта была осуществлена в ночь на 24 сентября, мы же начали форсировать Днепр двумя сутками позже. Кроме того, видимо, был неправильно определен район десантирования. Командование бригады не имело ясных данных о противнике. В результате наши воины, заброшенные во вражеский тыл, неожиданно попали в центр расположения гитлеровских войск. Многие из них были уничтожены. Вот почему десант, как справедливо отмечает в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. С. Москаленко, «своей задачи не выполнил»[2]. Следует добавить, что мы не знали о готовящемся броске 5-й бригады в тыл фашистов и при всем желании не могли помочь ей, хотя десантирование производилось в полосе наступления нашего корпуса. Лишь отдельные группы парашютистов сумели потом выйти к нам на плацдарм. Из их рассказов мы, собственно, и узнали о разыгравшейся трагедии.

Бои между тем продолжались. Мы делали все, чтобы закрепить плацдарм, а местами даже расширить его, но явно не хватало переправочных средств. На правобережье Днепра следовало бы уже перебросить не только полковую, но и значительную часть дивизионной артиллерии, что намного повысило бы устойчивость нашей обороны. Поэтому, как только командир корпуса на рассвете 26 сентября появился у нас на КП, генерал Королев первым делом спросил его о понтонерах.

— Вы говорили, что придадите их тому, у кого наметится успех, — напомнил он генералу Чувакову.

— Раз обещал, дам, — сказал Никита Емельянович. — Только не зазнаваться. Успех невелик, надо развивать его.

— Когда же прибудут саперы? — спросил Королев.

— А они уже прибыли. Знакомьтесь: командир двадцать третьего отдельного моторизованного понтонно-мостового батальона майор Тихонов.

Высокого роста офицер шагнул из-за спины комкора. Мы пожали друг другу руки.

— У майора Тихонова большой опыт по части форсирования рек, — заметил Чуваков. — Да и люди у него отличные, можно сказать, асы понтонного искусства. Верно, комбат?

— Так точно, товарищ генерал, — смутился офицер, — народ в батальоне работящий.

Скромность офицера мне понравилась, так же как и его спокойная уверенность. Держался он с достоинством. Чувствовалось, что комбат дело свое знает отлично. Дальнейшие события подтвердили это.

Чуваков, приказав наращивать усилия на плацдарме, уехал. Мы остались в блиндаже втроем, и Королев сразу же стал расспрашивать командира понтонеров о его возможностях и намерениях. Оказалось, что майор А. П. Тихонов и дивизионный инженер Д. В. Слепинкин уже провели разведку района форсирования и имеют хорошо продуманный план. С наступлением темноты было решено организовать пять пунктов переправ, из них две паромные, грузоподъемностью до 12 тонн, и три десантные, легкие. В местах переправ намечалось соорудить пристани, оборудовать укрытия.

Мы одобрили эти предложения. Тут же усилия понтонеров были согласованы с действиями частей 30-й дивизии, которые тоже следовало перебросить на западный берег, уточнен расчет переправы по времени.

Теперь мы получили возможность передислоцировать на противоположный берег не только свою артиллерию, но и орудия приданной дивизии 29-й истребительно-противотанковой бригады, в чем наши полки очень нуждались. Кроме того, на плацдарм предстояло перебросить большое количество боеприпасов, горячую пищу, оружие, а оттуда вывезти раненых. Работа предстояла огромная, а в нашем распоряжении было лишь темное время суток. Днем зеркало реки простреливалось сплошным огнем, и переправляться через нее было почти невозможно.

Понтонеры блестяще справились со своей задачей. Батальон майора А. П. Тихонова переправил на правобережье приданные нам и поддерживающие нас средства, а также главные силы 30-й стрелковой. И все это — под почти непрекращающимся артиллерийско-минометным огнем врага. Майор Тихонов лично руководил переправой, неоднократно перебирался с одного берега на другой, организовывая быструю разгрузку и погрузку понтонов. Умело и бесстрашно действовали его подчиненные. Каждый из них делал за ночь по семь-восемь рейсов. Хотя гитлеровцы стреляли по площадям, тем не менее снаряды иногда поражали и личный состав, и понтоны. Саперы прямо на плаву исправляли повреждения и продолжали свой опасный путь.

За отличное выполнение задания и проявленные при этом отвагу и мужество А. П. Тихонову было присвоено звание Героя Советского Союза. Такой же высокой награды удостоился и моторист ефрейтор С. Е. Седнев. На своем катере БМК-70 он под

непрерывным огнем пересекал Днепр более трехсот раз, переправив множество боевой техники и личного состава. Во время одного рейса паром Седнева был поврежден прямым попаданием снаряда и мог быстро затонуть. Но Сергей, не обращая внимания на продолжающийся обстрел, выбуксировал паром на песчаную отмель и тем спас его вместе с грузом и людьми. В другой раз при подходе катера Седнева к берегу снаряд угодил в его корму. Однако воин и тут не растерялся: с помощью трактора он вытащил суденышко из воды, тут же, на берегу, за несколько часов восстановил его и продолжал перевозить войска и технику.

Как только паромы подходили к берегу, расчеты вручную, на лямках подхватывали орудия и по сыпучему песку, утопая в нем по щиколотки, вытаскивали пушки на огневые позиции. Видя, как трудно артиллеристам, на помощь им приходили пехотинцы.

С утра 27 сентября гитлеровцы возобновили свои контратаки, введя в бой большие силы пехоты и танков. Трудно сказать, как обернулось бы дело, если бы не артиллерия, переправленная за ночь и поставленная на прямую наводку. Особенно трудная обстановка сложилась в районе высоты 175,9, которая господствовала над местностью. Фашисты делали все, чтобы вернуть ее. Здесь на сильно поредевшие левофланговые роты 225-го стрелкового полка навалилось до двух батальонов пехоты и полтора десятка танков. Усилила удары фашистская авиация, ни на минуту не прекращался и артиллерийско-минометный обстрел. Гитлеровцы уже были уверены в успехе и с присущей им наглостью кричали издали: «Рус, буль-буль!»

Два немецких танка прорвались к командному пункту полка, расположенному на северо-восточных скатах высоты. Всем, кто был здесь, пришлось занять место в окопах. Майор Шиянов со своим адъютантом старшим лейтенантом М. Карташовым выдвинулись по ходу сообщения вперед. Одна за другой полетели во вражеские машины брошенные ими противотанковые гранаты. Один танк загорелся, но другой продолжал утюжить окопы. Красноармейцы тут несколько растерялись. И тогда Иван Иванович Шиянов, чтобы спасти положение, бросился к стоявшему рядом в кустах орудию. Оно оказалось разбитым. Но рядом лежали снаряды, а соседняя пушка молчала: расчет ее погиб, израсходовав все боеприпасы.

— Давай-ка снаряды туда, быстро! — крикнул Шиянов Карташову, указывая на соседний орудийный окоп.

Командир полка сам стал к панораме. Прозвучал один выстрел, другой. Фашистский танк вздрогнул и завертелся на одной гусенице. От третьего снаряда, метко пущенного

Шияновым, заклинило башню машины. Экипаж попытался выскочить из танка, но двоих гитлеровцев тут же срезали пули наших стрелков, а остальные были взяты в плен.

Нелегкий поединок с фашистами завязался и на правом фланге 225-го полка. Здесь на горстку наших бойцов — их было всего двадцать семь человек — двинулось две роты автоматчиков и несколько танков. Но воины не дрогнули. Автоматным огнем они прижали гитлеровскую пехоту к земле и стали уничтожать танки. Рядовой Виктор Петрович Иванов поджег один из них бутылкой с зажигательной смесью; другой был подбит связкой гранат. Остальные вражеские машины отошли. И тогда Иванов, видя, что командир ранен, поднял своих товарищей в атаку. Гитлеровцы были отброшены.

В тот же день воины получили благодарственное письмо за подписью командира полка и замполита. Иванову сообщалось, что он представлен к награде. Боец продолжал так же отважно и стойко сражаться на плацдарме, за что был впоследствии удостоен звания Героя Советского Союза.

Благодарственные письма особо отличившимся воинам вручались довольно часто. Это была одна из очень действенных форм партийно-политической работы в боевой обстановке. Применялись, разумеется, и другие методы: широко популяризировался, например, опыт отличившихся красноармейцев в боевых листках, в листовках-молниях, регулярно доводились до личного состава сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего. В окопы бойцам, как правило, своевременно доставлялись дивизионная и армейская газеты. Такая четкая, оперативная форма агитации, конечно, благотворно сказывалась на повышении боевой активности воинов, на росте их политической сознательности. Усилилась тяга бойцов и командиров в партию и комсомол. Нередко, идя в бой, воины просили считать их, если они погибнут, коммунистами и комсомольцами. Только за неделю боев на каневском плацдарме в первичные партийные и комсомольские организации дивизии были поданы сотни заявлений с просьбой о приеме в ряды ВКП(б) и комсомола.

Гитлеровцы начали подтягивать свежие резервы. Нам было известно, что на участке дивизии — в районе дача Тальберга, северная окраина Селища — действует 57-я пехотная дивизия противника в составе 248-го и 164-го гренадерских полков и 157-го саперного батальона; остальные части обнаружены не были. В полосе 30-й дивизии предположительно оборонялась 88-я пехотная, а южнее Селища — 10-я танковая немецкие дивизии. Однако вечером 26 сентября майор Е. И. Карачун доложил, что,

по полученным сведениям, у противника должны произойти смена и усиление частей. Вполне естественно, что это вызвало у нас беспокойство.

Генерал А. И. Королев приказал усилить разведку, чтобы точнее установить намерения противника. В ту же ночь был организован поиск. Группа разведчиков проникла в тыл врага и в районе Бобрица захватила фельдфебеля из штабной роты 22-й пехотной дивизии, которая, как выяснилось, только что подошла к фронту. Но пленный сообщил, что это соединение не сменило 57-ю дивизию, а заняло оборону между ней и 88-й дивизией. Боевые порядки фашистских войск, таким образом, уплотнились. Зная об этом, мы могли теперь вовремя принять соответствующие меры.

Майор Е. И. Карачун сумел так поставить дело, что штаб всегда своевременно имел данные о силах и намерениях противника. Возглавляемое им разведотделение дивизии работало оперативно, творчески. Люди там подобрались смелые, дерзкие. Они нередко сами возглавляли поиски и засады, ходили в тыл врага. Только за первую неделю боев на плацдарме офицерами разведотделения было подготовлено и выслано с различными заданиями сорок пять групп, которые захватили семнадцать пленных, много ценных документов, образцов оружия и уничтожили до ста гитлеровцев.

Сведения, полученные какой-либо из разведгрупп, обязательно перепроверялись. Так было и в случае с немецким фельдфебелем, захваченным в районе Бобрица. Добытые на другой день разведчиками документы и карты гитлеровцев подтвердили прибытие на наш фронт 22-й пехотной дивизии. Было установлено, что в районе высоты 223,8 у немцев проходит стык между 22-й и 57-й дивизиями. Здесь и было решено сосредоточить основные усилия при нанесении удара.

* * *

На рассвете 27 сентября части 23-го стрелкового корпуса получили приказ расширить плацдарм на западном берегу Днепра и овладеть высотами 243,2 и 223,8.

Целый день шел бой. Несколько раз наши бойцы поднимались в атаку, но, встреченные сильным артиллерийско-пулеметным огнем, вынуждены были отходить на свои позиции. Лишь 225-му стрелковому полку удалось к вечеру потеснить гитлеровцев и продвинуться вперед на двести — двести пятьдесят метров.

Такое же положение было и 28 сентября. Противник усилил огонь, особенно в районе высоты 223,8, вероятно почувствовав, что именно здесь мы сосредоточиваем свои основные усилия, и стремясь поплотнее прикрыть стык между своими дивизиями. Активнее стала на этом участке вражеская авиация. Группы по 15–20 самолетов почти беспрерывно наносили бомбовые удары по нашим атакующим подразделениям.

Во второй половине дня фашисты предприняли несколько контратак, правда сравнительно небольшими силами. На участке 117-го стрелкового полка несколько раз доходило до рукопашных схваток. Однако все контратаки врага были отбиты с большими для него потерями. Местами нашим подразделениям удалось даже продвинуться несколько вперед. В частности, вечером полковник И. В. Бастеев доложил, что подразделения 89-го полка полностью овладели юго-западными скатами высоты 175,9.

Днем 28 сентября на командный пункт дивизии позвонил генерал Чуваков. Выслушав короткий доклад А. И. Королева, Никита Емельянович сказал:

— Продвигаемся медленно, но верно. Понимаю, что вам трудно. И все же надо овладеть деревней Селище и высотой двести сорок три и два. Согласуйте свои действия с частями пятьдесят второй и пятьдесят третьей гвардейских танковых бригад, расположенных сейчас в районе Решетки, Лепляво. Переброска их намечена в ночь на четвертое октября. Вы и тридцатая должны пропустить их через свои переправы. С появлением на плацдарме танков вам будет легче бить врага…

— Задача ясна, — отозвался генерал Королев. — Будут еще какие-нибудь распоряжения, товарищ комкор?

Чуваков помедлил.

— Вот что, Александр Игнатьевич, — сказал он после паузы. — Полагаю, что вам будет целесообразней находиться на западном берегу Днепра.

— Вас понял. Думаю так же, — отчеканил Королев. — С вашего разрешения сегодня же ночью передислоцирую свой наблюдательный пункт в район высоты сто семьдесят пять и девять.

Комдив положил трубку и повернулся с улыбкой к Фролову, сидевшему рядом за столом и писавшему политдонесение:

— Ну вот, Александр Иванович, настало время — могу предложить вам место в лодке, как и обещал.

Фролов не отозвался, продолжая работать. Но я заметил, что начальник политотдела чем-то недоволен. Обратил на это внимание и Королев. Отойдя в сторону он спросил:

— У тебя, кажется, на сей счет свое мнение?

— Да, Александр Игнатьевич, — сказал Фролов. — Я считаю, что комдиву пока незачем переправляться на правый берег. Плацдарм ведь удерживается прочно и никаких экстраординарных мер принимать не следует.

— Но это же необходимо для более оперативного руководства главными силами дивизии на плацдарме, да и требования командующего фронтом таковы, — возразил Королев. — Я сам неоднократно говорил Чувакову, что пора мне свой НП иметь на правом берегу.

— И все же я такой необходимости не вижу, — настаивал начальник политотдела.

— Но сам-то ты, если б разрешили, давно был бы там, — засмеялся Королев. — Я ведь тебя еле удержал.

— Мало ли что я…

Фролов так и не согласился с комдивом, будто предчувствуя какую-то беду. Он даже позвонил начальнику политотдела 47-й армии полковнику М. Х. Калашнику и попросил его вмешаться. Однако тот ничего, конечно, уже не смог бы поделать.

Как только стемнело, генерал Королев и майор Фролов в сопровождении адъютанта и двух автоматчиков спустились к реке. Александр Игнатьевич был, как всегда, бодр, подвижен, шутил.

— Танкистов, конечно, пропускайте, — говорил он, — но не давайте им своевольничать. Хозяева переправы мы, мы и должны распоряжаться. Сперва пропустите поток раненых и боеприпасы.

В тот момент мне очень хотелось поехать вместе с комдивом. Главная задача решалась на плацдарме, а здесь, на острове Каневский, было уже что-то вроде тыла. Но я понимал, что кто-то должен оставаться и продолжать руководить переправой. Не без сожаления попрощавшись с Королевым, я долго стоял на берегу, глядя вслед лодке, растаявшей в ночи. Нас с Александром Игнатьевичем связывала тесная дружба. Он был для меня не только непосредственным начальником, но и близким по духу человеком. Мы очень хорошо понимали и поддерживали друг друга.

Высадившись на плацдарм, комдив, как потом стало известно, начал обходить боевые порядки полков, знакомился с расположением батальонов, системой огня, на месте давал указания по взаимодействию при отражении атак противника. Беседуя с бойцами и командирами, он интересовался их настроением, подбадривал. Генерал побывал в самых передовых траншеях, а утром, когда гитлеровцы снова бросились в контратаку, с НП у гребня высоты 175,9 лично руководил боем. Там же были майор Н. Д. Фролов со своей оперативной группой,

командующий артиллерией подполковник А. П. Свинцицкий и начальник разведотделения майор Е. И. Карачун.

Во второй половине дня Королев решил побывать в 225-м стрелковом полку. Туда отправился и начальник политотдела. На КП полка майор И. И. Шиянов доложил о размещении подразделений, об организации обороны и мерах, принимаемых им на случай контратак врага. В полку оставалось мало людей: в ротах не было и трети боевого состава. Поэтому, когда фашисты атаковали, приходилось собирать силы в кулак для нанесения ответного удара. Королев подробно расспросил Шиянова об особо отличившихся воинах. Он намеревался лично встретиться с ними и поблагодарить за проявленные стойкость и мужество. Его интересовали система эвакуации раненых, порядок подвоза горячей пищи и боеприпасов.

Вечером, как мне потом рассказывал А. И. Фролов, он и комдив вышли к берегу реки. Солнце садилось, и его косые лучи золотили воду, Королев сказал:

— Смотри, Александр Иванович, какой великолепный закат. Давненько такого не видывал. У нас на Ярославщине бывают такие красивые закаты, что просто залюбуешься…

С запада порывами налетал ветер, срывая с кустов, росших у воды, уже пожелтевшие листья. Они мягко падали в реку и долго покачивались на волнах, постепенно уносимые течением к югу.

— Что-то прохладно становится, — поежился Александр Игнатьевич. — Осень берет свое.

Он попросил адъютанта принести ему плащ-накидку, оставленную неподалеку в щели, раскрыл портсигар, протянул Фролову, но тот отказался. Комдив закурил сам и стал прохаживаться вдоль берега. В это время гитлеровцы снова начали обстрел плацдарма: они редко давали нам передышку более получаса. Один снаряд разорвался неподалеку от Королева. Даже не вскрикнув, он упал лицом вниз. Фролов бросился к комдиву, перевернул его на спину и увидел на левом виске генерала струйку крови. Рана была совсем крохотной, но осколок, видимо, проник глубоко. Все произошло настолько внезапно, что в руке Королева еще продолжала дымиться папироса.

Вместе с адъютантом Фролов перенес комдива в окоп и начал делать ему перевязку. Александр Игнатьевич еще дышал. Но минут через десять он, не приходя в сознание, скончался.

Вскоре майор Фролов позвонил на командный пункт дивизии и сообщил о гибели комдива. Весть была настолько неожиданной и чудовищной, что, потрясенный, я с минуту молчал, пока Фролов не забеспокоился:

— Ты слышишь меня, Сергей Александрович?

— Да, — с усилием отозвался я.

Должно быть, начальник политотдела понял мое состояние и сочувственно проговорил:

— Что поделаешь, Сергея Александрович, на войне без потерь не бывает. Все здесь потрясены и рвутся в бой, чтобы отомстить за своего комдива.

Всем было известно, что Королев не просто пользовался среди личного состава дивизии большим авторитетом. Его любили бойцы и командиры. Поэтому реакция людей была вполне естественной. Дошло до моего сознания и другое: теперь до прибытия нового комдива на мне лежит ответственность за все, что произойдет в соединении. Эта мысль заставила взять себя в руки.

— Ты, Александр Иванович, попридержи-ка там горячие головы, — сказал я Фролову. — Как бы в гневе чего не натворили.

— Не беспокойся, — ответил он. — Все будет как надо…

Положив трубку, я тут же связался со штабом корпуса и попросил к телефону генерала Чувакова. Никита Емельянович выслушал мое сообщение о трагическом события молча: его выдержке всегда можно было позавидовать.

— Да-а, — протянул он глухо, — кристальной чистоты был человек. Я ведь его очень давно знал… — Чуваков помолчал и уже иным тоном сказал: — Передайте начподиву: тело генерала Королева ночью переправить на этот берег. Похороним его в Гельмязове, отдадим последние почести. И еще вот что, Андрющенко, — командование дивизией возлагаю временно на вас…

Долгая служба в армии, а начал я ее с 1929 года, приучила не выражать эмоций при получении приказа и повиноваться беспрекословно.

— Есть, вступить в командование!

— Задачу вы знаете, — продолжал Чуваков, — надо не только удержать, но и расширить плацдарм. В тылу у немцев авиаразведкой замечено скопление и передвижение войск. Так что будьте готовы ко всяким неожиданностям.

— Все ясно, товарищ генерал, — ответил я. — Разрешите мне сегодня же ночью переправиться на ту сторону.

Комкор отозвался не сразу. Я почувствовал, что он колеблется. По-человечески его можно было понять, но нельзя же было мне оставаться здесь, когда именно на плацдарме решалась теперь судьба всего боя.

— Главные силы дивизии переправились, Никита Емельянович, — сказал я осторожно. — И руководить ими издали…

— Ладно, — вздохнул он, — Действуйте! Только… будьте осторожны.

* * *

Дни 30 сентября и 1 октября были относительно спокойными. Гитлеровцы продолжали, конечно, бомбить, обстреливать наши позиции, несколько раз бросались в контратаки, но силы их были невелики: до роты пехоты, 3–5 танков. Создалось впечатление, что это скорее разведка боем, чем серьезная попытка сбросить нас с плацдарма. Поэтому я дал артиллеристам команду отражать эти контратаки только с временных огневых позиций, чтобы не раскрывать истинное расположение батарей. Следовало ведь думать и о завтрашнем дне, предвидеть возможности изменения обстановки. Функции мои вообще существенно изменились. Одно дело — возглавлять штаб дивизии и совсем другое — командовать соединением. Теперь приходилось уже самому принимать решения и полностью нести за них ответственность, отдавать распоряжения и принимать все меры к тому, чтобы они были точно выполнены. Конечно, штаб (его временно возглавлял Николай Данилович Фролов) во всем помогал мне. Скажу больше: люди, понимая сложность ситуации и мое положение, старались работать предельно четко, оперативно, проявляли во всем инициативу. Вот когда я с особой силой почувствовал, насколько дружный и понимающий сложился у нас коллектив.

Обстановка между тем продолжала усложняться. Учитывая, что в район поселка Студенец прибыла 3-я немецкая танковая дивизия, мы предупредили командиров полков, чтобы они не ослабляли бдительности, создавали прочную оборону, а где можно, продвинулись вперед. Местность на плацдарме была сильно пересеченной: много рытвин, оврагов, и мы стремились использовать их как естественные препятствия на пути контратакующих танков противника.

Главное внимание следовало сосредоточить на удержании высоты 175,9 и на стыке с 30-й стрелковой. Майор Д. В. Слепинкин получил приказание как можно быстрее осуществить наиболее плотное минирование участков местности между оврагами. А подполковник А. П. Свинцицкий доложил, что он, исходя из задачи дивизии, спланировал и подготовил массированные и заградительные огни прежде всего в интересах 225-го и 89-го стрелковых полков.

30 сентября была закончена переброска на западный берег всех противотанковых орудий, в том числе и 29-й истребительно-

противотанковой артиллерийской бригады. Наши позиции значительно усилились. В полках были созданы противотанковые опорные пункты и резервы.

Во взаимодействии с 30-й стрелковой дивизией днем мы атаковали противника в направлениях Трощин и Гришенцы. Однако подразделения были встречены сильным огнем и сумели продвинуться всего лишь на 200–300 метров. Но и это уже было успехом. Шаг за шагом шли наши воины вперед, отвоевывая буквально каждый метр земли у врага.

К 1 октября плацдарм, захваченный корпусом, был расширен до четырех километров по фронту и до двух — в глубину.

В этот же день похоронили нашего боевого товарища генерал-майора Александра Игнатьевича Королева, которому посмертно Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза. В момент опускания тела А. И. Королева в могилу мы решили кроме траурного салюта произвести двухминутный огневой налет по врагу из всех имеющихся в дивизии видов оружия. Этот залп наверняка запомнился гитлеровцам: он прошел по их позициям уничтожительным огненным смерчем. Пленные, захваченные той же ночью, показали, что наш ожесточенный огонь вызвал у них панику. Многие подумали, что началось наступление. Гитлеровцы выскакивали из укрытий и попадали под разрывы снарядов. Противник понес потери как в живой силе, так и в технике.

Мне не довелось участвовать в похоронах генерала А. И. Королева: нельзя было покинуть плацдарм, где не прекращался бой.

И только совсем недавно я побывал в местах минувших боев. Заехал и в Гельмязов. На одной из площадей этого похорошевшего теперь города стоит памятник павшим героям. Рядом в густом обрамлении цветов могила генерала А. И. Королева. Пионеры ближайших школ заботливо ухаживают за ней. А та акация, что посадили бойцы у могилы своего комдива тогда же, осенью 1943 года, выросла в могучее дерево. Я стоял под ним, слушая шелест листвы, и думал о былых сражениях и тех, кто шел с нами по трудным дорогам войны и не дожил до светлого дня победы. Они отдали свою жизнь не напрасно. На земле, навсегда очищенной ими и их боевыми товарищами от фашистской нечисти, расцвела счастливая жизнь, и благодарные потомки навсегда сохранят в своих сердцах имена отважных воинов.

Вместе с А. И. Королевым в Гельмязове похоронен еще один Герой Советского Союза из нашего корпуса, майор Козьма Козьмич Ермишин, замполит 35-го полка 30-й стрелковой

дивизии, погибший в жестоком бою на плацдарме 2 октября 1943 года.

* * *

В ночь на 2 октября оперативная группа штаба корпуса во главе с генералом Чуваковым переправилась через Днепр. На восточных скатах высоты 175,9 был оборудован НП комкора, откуда теперь и шло непосредственное управление боем.

Перед рассветом Никита Емельянович позвонил на командный пункт 117-го стрелкового полка, где я находился.

— На нашем участке, — сказал он, — немцы стягивают танки. Утром могут ударить. Будьте готовы!

В его голосе слышалась явная озабоченность. Тревога командира корпуса была понятна. Ведь в полках к тому времени насчитывалось лишь по 200–220 активных штыков. Да и наша противотанковая артиллерия тоже понесла значительные потери. Словом, если фашисты навалятся большими силами, сдержать их будет довольно трудно.

— Вы бы отдохнули немного, товарищ подполковник, — укоризненно заметил мне адъютант С. Г. Туманов, когда мы вернулись на свой командный пункт. — Сутки же на ногах…

Я прилег, не раздеваясь, на топчане в блиндаже. Но там было душно, и мне не спалось. А тут еще наступила такая тишина, что стало слышно, как звенят комары. Опыт подсказывал, что это безмолвие не предвещало ничего доброго. Тишина на фронте вообще очень обманчива. Часов в пять я позвонил Шиянову. Он тотчас же взял трубку.

— Почему не спишь, Иван Иванович?

— Слишком уж тихо, — ответил он, — а я привык дремать под выстрелы. Неплохая музыка, когда знаешь, что противник играет ее просто так, для острастки…

— Поднимай-ка людей, корми горячим завтраком. Потом фашист может не дать нам на это времени.

— Уже распорядился…

Шиянов всегда отличался предусмотрительностью.

Мне тогда припомнился наш недавний с Иваном Ивановичем разговор. Я спросил: «Сколько людей осталось в вашем распоряжении?» «Если всех собрать, то и на батальон полного штатного состава, пожалуй, не наберется», — ответил Шиянов. «И тем не менее сражаться будет полк». Шиянов посмотрел на меня внимательно: «Не беспокойтесь, Сергей Александрович. Двести двадцать пятый не подведет!»

Должно быть, Шиянов и сейчас почувствовал мое беспокойство, поэтому добавил:

— Мы тут накануне вечером партийные и комсомольские собрания в батальонах провели. Знаете, что бойцы заявили? Будем, мол, драться каждый за троих! Пусть наши погибшие товарищи будут с нами в строю!

Такое же боевое настроение было и в других частях. Вскоре И. В. Бастеев и Ф. И. Винокуров доложили, что люди уже бодрствуют, что они накормлены и готовы к бою.

Со стороны противника по-прежнему не доносилось ни звука. Молчали даже дежурные огневые средства. Тишина все более раздражающе действовала на нервы.

Мы с А. И. Фроловым вышли из блиндажа. Начальник политотдела только что вернулся из 117-го стрелкового полка, где собирал агитаторов и инструктировал активистов. В эти дни он редко бывал на КП. Впрочем, так же работали и другие политотдельцы. Они все время проводили в частях, помогая командирам поднимать боевой дух воинов.

Александр Иванович поинтересовался, все ли раненые эвакуированы ночью с плацдарма (делать это днем было просто невозможно) и доставлены ли свежие газеты и письма. Бойцы на фронте очень ждут писем от родных и близких. Фролов хотел еще что-то сказать, но не успел. Тишина оборвалась внезапно. Раздался артиллерийский залп, и на наши позиции обрушились сотни вражеских снарядов. В небе послышался гул самолетов. Протяжно завыли сбрасываемые бомбы. Я посмотрел на часы: было ровно 6.00.

Почти час не смолкало уханье орудий и минометов, грохотали взрывы бомб. По длительности и мощи огня мы поняли: готовится что-то серьезное. Противник, как видно, стянул к нашему участку большие силы с явным намерением ликвидировать плацдарм. И вскоре доклады командиров полков подтвердили это предположение.

Первым, как только закончилась вражеская артподготовка, позвонил подполковник Винокуров:

— Вижу до двух батальонов пехоты и двадцать танков. Огонь буду открывать с минимальной дистанции.

— На меня движется до полка пехоты, пятнадцать танков и самоходок, — сообщил полковник Бастеев.

Голос Шиянова был, как всегда, спокойным:

— А мне уже надоело слушать доклады батальонных командиров: пять танков, десять, тринадцать… Я приказал не считать их, а бить.

Противник в тот день бросил на части корпуса две пехотные

дивизии, мотополк и свыше шестидесяти танков, создав почти четырехкратное превосходство в живой силе и абсолютное в танках. Сдержать такой удар было, конечно же, нелегко. Наши красноармейцы и командиры должны были проявлять все свое боевое мастерство, мужество и стойкость, чтобы не только остановить врага, но и разбить его.

На позиции левофланговых подразделений 117-го стрелкового полка со стороны Селища устремились две группы танков, сопровождаемые двумя ротами пехоты каждая. Их первыми встретили бронебойщики под командованием старшего лейтенанта Аристархова. Они сразу подбили две машины. Автоматчик Федор Павловский, пропустив танк через свой окоп, бросил противотанковую гранату на его моторную часть. Машина вздрогнула, остановилась и задымила. Вражеская пехота залегла под сильным пулеметным огнем. Большой урон ей нанесли минометчики приданного нам минометного дивизиона. Они накрыли беглым огнем вражескую цепь и не давали ей подняться.

На правом фланге полка бой разгорелся с еще большим ожесточением. Гитлеровцы бросили здесь до батальона пехоты при поддержке десяти танков и САУ. Пропустив машины через свои окопы, бойцы встретили пехоту дружным залповым огнем. Организовал его находившийся там заместитель командира полка по политчасти майор Д. Д. Медведовский, человек исключительной смелости, любимец бойцов. Само его появление среди воинов всегда вызывало воодушевление.

Пехота залегла. Танковый же удар приняли на себя артиллеристы. Они почти в упор вели огонь по прорвавшимся машинам. Некоторые наши пушки были, однако, подбиты, другие смяты гусеницами. Но оставшиеся в строю батарейцы продолжали стрелять до последнего снаряда. Именно в этот момент совершил свой подвиг командир расчета 106-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона старший сержант А. К. Окунев. Все его товарищи были убиты или ранены, и командир один продолжал подтаскивать снаряды, заряжать, наводить орудие и стрелять. Прямо на него надвигался тяжелый фашистский танк. Окунев дважды выстрелил по стальной громадине, но снаряды срикошетировали. Тогда старший сержант, выждав момент, когда машину подбросило на выбоине и показалось ее днище, послал снаряд почти в упор. Танк вздрогнул, замер и больше не двинулся с места. За этот подвиг старшему сержанту А. К. Окуневу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Так же смело действовал и коммунист лейтенант П. М. Ганюшин, командир артиллерийского взвода того же дивизиона. Он мастерски командовал своими двумя расчетами, которые

только за одни сутки боя уничтожили два орудия противника, два танка, миномет и до двух взводов пехоты.

Когда после артподготовки фашисты ринулись вперед, Ганюшин проявил завидную выдержку. Он приказал подпустить противника вплотную. Очень трудно для бойцов это сделать: видишь ведь, что враг приближается, но уничтожить его пока не можешь — запрещает приказ. Какие же крепкие нервы нужно иметь в такой ситуации!

Гитлеровцы приблизились метров на двести пятьдесят. Были уже отчетливо видны даже их лица. И тогда орудия по команде Ганюшина ударили по фашистам картечью. В цепях немцев сразу же образовались бреши, и они, не выдержав, залегли. Понятно, что пушки взвода были засечены противником, и он тотчас же открыл ответный огонь. Но буквально минутой раньше Ганюшин приказал сменить позицию. Удары вражеских снарядов не принесли батарейцам никакого урона. Когда же фашисты снова поднялись в атаку, взвод встретил их меткими выстрелами, а затем снова быстро переместился на другое место.

Много лет спустя после войны меня разыскал оставшийся в живых боец взвода Ганюшина Иван Александрович Куклик и рассказал подробно о том бое и своем командире. Отбивая очередную, уже пятую за день атаку гитлеровцев, взвод потерял одно орудие вместе с расчетом. Возле другого осталось всего три человека. Кончались снаряды. Связи с комбатом не было. И тогда Петр Михайлович Ганюшин сказал заряжающему Куклику:

— Вот что, Иван, ты подал заявление в партию. Можешь доказать сейчас, что достоин быть среди тех, чье место впереди. Трудно под обстрелом преодолеть открытое пространство, но надо! Доберись до НП и доложи капитану Донскому, какое у нас положение. Требуются снаряды, в как можно быстрее!

Куклик выполнил задание командира, но когда вернулся обратно, то увидел, что орудие разбито и вокруг ни души. Тяжело раненного командира боец нашел неподалеку в воронке. Лейтенант Ганюшин истекал кровью, но был еще жив. Открыв глаза и узнав красноармейца, он сказал:

— Напиши домой, как все случилось. Из Сергеевска я. Адрес в кармане гимнастерки. — Собравшись с последними силами, Ганюшин прошептал: — Мы тут еще одну атаку отбили. Не прошли, гады!..

Это были его последние слова. Похоронили Петра Михайловича в деревне Селище. Память о мужественном артиллеристе бережно хранят на его родине. В клубе интернациональной дружбы Куйбышевского пединститута, где он учился до войны и откуда в 1942 году ушел добровольцем на

фронт, создан стенд, посвященный Герою Советского Союза Петру Михайловичу Ганюшину.

Так же отважно сражались воины и других взводов 106-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона, которым командовал опытный и бесстрашный артиллерист капитан К. В. Садовников. По указанию подполковника А. П. Свинцицкого он много раз менял огневые позиции батарей. Маневренность артиллерии обеспечивала ей высокую живучесть, а ее меткая стрельба давала нам возможность прочно держаться на плацдарме.

Шесть раз кряду поднимались гитлеровцы в атаку против подразделений 117-го стрелкового полка, но так и не смогли продвинуться вперед.

Усилился вражеский артобстрел. Вокруг наблюдательного пункта дивизии начали рваться снаряды. Один из них врезался в косогор метрах в тридцати от нас. Начподив Фролов опасливо покосился в ту сторону, недовольно проворчал:

— Нащупывают, гады!

Мы с ним стояли в щели неподалеку от своего блиндажа. Отсюда просматривались позиции полка Бастеева, окутанные дымом разрывов: на них как раз в этот момент надвигались фашистские танки.

В небе снова появились «юнкерсы» и начали пикировать на плацдарм. Послышался свист бомб.

— Двухсотпятидесятикилограммовки бросают, — заметил Александр Иванович, прислушиваясь. — И рвутся все ближе и ближе. Идем-ка в блиндаж от греха подальше. — Он потянул меня за рукав.

Взрыв, ухнувший неподалеку, заставил нас ускорить шаги. Последние метры мы уже бежали. Не успели спуститься по ступенькам вниз, как рвануло совсем близко. А следующая бомба, как потом установили, упала в пяти метрах от стены блиндажа. Меня швырнуло в одну сторону, Фролова — в другую. Я упал и потерял сознание. Блиндаж был разрушен, а нас с начальником политотдела засыпало землей. Хорошо, что неподалеку оказались саперы и связисты. Не успел рассеяться дым от разрыва, как они бросились к нам и стали раскапывать землю. Я очнулся первым. Во рту чувствовался солоноватый привкус крови, а все тело болело так, словно его долго били палками.

— Контузия и ушибы, — услышал я как бы издали голос врача.

Мне сделали укол, и я окончательно пришел в себя. Через несколько минут очнулся и Фролов.

— Считай, счастливо отделались, — проговорил он хрипло.

— В медсанбат бы вас, — нерешительно сказал врач, понимая, насколько нереальна эта затея: днем плацдарм покинуть было нельзя. А, главное, кругом кипел бой, и им нужно было руководить.

Через полчаса мы с начальником политотдела снова включились в работу. Кругом все так же рвались снаряды, но на командном пункте каждый продолжал заниматься своим делом. Командующий артиллерией подполковник Свинцицкий уточнял у разведчиков цели, которые следовало подавить в первую очередь. Начальник связи майор Дроздов инструктировал телефонистов, уходящих на линии. По-прежнему неторопливо наносил обстановку на карту Н. Д. Фролов, оказавшийся теперь в двух ролях: он возглавлял штаб дивизии, но и обязанности начальника оперативного отделения с него никто не снимал. В эти напряженные дни Николай Данилович показал себя отличным оператором. Он постоянно был в курсе всех событий, имел под рукой необходимые для принятия решения данные, мог в любой момент сказать, где находятся части, чем они занимаются, какова их боеспособность. Фролов твердо проводил в жизнь принятые мною решения, а когда требовалось, то и сам проявлял инициативу.

Напряжение боя нарастало. Теперь уже фашисты яростно атаковали и полк И. В. Бастеева, занимавший южные и юго-западные скаты высоты 175,9. Это был самый центр нашего участка плацдарма. И гитлеровцы, конечно, понимали, что, прорвись они тут к Днепру, плацдарм разрежется на две части. А захват очень выгодной в тактическом отношении возвышенности позволит потом врагу беспрепятственно простреливать наши боевые порядки. Знали это и мы. Поэтому и наблюдательный пункт дивизии, и значительная часть приданной нам артиллерии были расположены здесь.

В этот день в окопах 89-го стрелкового неоднократно побывали начальник политотдела, я, мои заместители. Наведывались к ним и работники штаба корпуса. Им, так же как и офицерам управления дивизии, нередко приходилось организовывать бой непосредственно в стрелковых ротах. Хорошо помню, как работник оперативного отдела штакора капитан В. Е. Салогубов дважды водил в контратаку одну из наших рот, которая каждый раз отбрасывала наступающего противника на исходное положение. Отличился в тот день и старший инструктор политотдела корпуса майор Федор Иванович Смирнов. Когда на одном из участков немцам удалось вклиниться в расположение полка, он собрал оставшихся в живых бойцов и дерзкой контратакой восстановил положение. Сам Смирнов был в этом

бою тяжело ранен.

Надо отдать должное политработникам. Они личным примером воодушевляли бойцов на ратные подвиги. Я уже рассказывал о многих из них, в том числе и о парторге 89-го стрелкового полка старшем политруке И. Ф. Живодере, который одним из первых высадился на западном берегу Днепра. Отличился Иван Фомич и в памятный день 2 октября. Я был свидетелем его подвига.

Позицию сильно поредевшего батальона атаковало До четырех рот пехоты в сопровождении пятнадцати танков и САУ. Комбат был ранен в бедро и не мог двигаться, хотя по-прежнему руководил боем. Пехоту противника воины отсекли от танков и прижали к земле. Четыре вражеские машины они подбили еще на подходе к позициям батальона, две подожгли в непосредственной близости от окопов артиллеристы. Затем батальон поднялся в контратаку. И возглавил ее Иван Фомич Живодер. Местами возникали рукопашные стычки. Он все время оставался в гуще боя и лично уничтожил трех гитлеровцев.

Особенно тяжелое положение в этот момент создалось на участке 225-го полка, оседлавшего северные скаты высоты 175,9. Здесь фашисты бросили на узком участке фронта 25 танков и значительные силы пехоты. Основной удар пришелся по 1-му батальону, где в строю оставалось очень мало бойцов, причем многие из них были ранены. Командир батальона старший лейтенант И. П. Занеженков приказал отсекать пехоту от танков и пропускать их через окопы. И тогда в ход пошли гранаты.

Прорвавшиеся через боевые порядки батальона машины были встречены артиллеристами. Орудия прямой наводки били по ним с минимальных дистанций, чтобы наверняка поражать цели. Один тяжелый танк зашел во фланг батарее. До крайнего орудия оставалось метров сто семьдесят. Все мы, видя, как развиваются события неподалеку от наблюдательного пункта, замерли. Еще минута, и танк, ворвавшись на огневую позицию, уничтожит пушку. У артиллеристов практически не оставалось времени. И все же они не дрогнули, быстро развернули орудие. Наводчик приник к панораме, подпустил танк еще ближе и выстрелил наверняка. Машина загорелась, но обращать на нее внимание было некогда. Артиллерист перенес огонь на другие цели и вскоре подбил еще один танк. После боя я узнал имя героя. Это был сержант Суран Гегамович Аветесян. За свой подвиг он был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Не выдержав сильного огня и понеся большие потери в танках, противник на участке 1-го батальона стал отходить. Иван Петрович Занеженков поднял своих бойцов в контратаку. На

плечах отступающих гитлеровцев они ворвались в их траншеи и захватили несколько орудий, пулеметов, четыре грузовые и две легковые автомашины, две рации и пятнадцать пленных.

Однако фашисты вскоре опомнились и снова полезли вперед. Четырнадцать часов почти беспрерывно атаковали они позиции полка И. И. Шиянова, но так ничего и не добились. Продвинувшись днем на сто — двести метров, гитлеровцы к вечеру были отброшены на исходные позиции. Наши бойцы стояли насмерть. Многие даже будучи раненными не уходили с поля боя, продолжая мужественно сражаться. В середине дня осколками снаряда в руку и правое плечо был ранен и сам командир полка. Однако покинуть наблюдательный пункт Иван Иванович отказался.

— Ничего страшного, — сказал он мне по телефону. — Царапины… Нет, мне сейчас никак нельзя покидать полк. Ребята-то без меня как останутся? Не беспокойтесь, Сергей Александрович, будем дышать — будем держать, — закончил он своей любимой поговоркой.

Лишь с наступлением темноты майора Шиянова, уже потерявшего много крови, удалось эвакуировать сначала в медсанбат, а потом — в госпиталь.

Дивизия, таким образом, смогла удержать захваченный плацдарм и отразила все атаки врага. Большую роль здесь сыграла артиллерия, особенно в борьбе с танками. Наши батарейцы под руководством подполковника А. П. Свинцицкого искусно применяли массированные, заградительные огни с закрытых позиций в сочетании с огнем орудий прямой наводкой. Все атаки 3-й немецкой танковой дивизии были отбиты с большим для врага уроном. Только за один день 2 октября противник на нашем участке потерял 15 танков, 3 самоходных орудия, бронемашину и до тысячи солдат и офицеров убитыми.

Геройски сражались и другие части корпуса. На соседа справа — 30-ю стрелковую дивизию гитлеровцы также бросили большие силы мотопехоты в сопровождении тяжелых и средних танков. Обстановка там сложилась угрожающая. Позиции 35-го полка атаковали около четырех батальонов с бронемашинами. На правом фланге они почти прорвались к Днепру, были от уреза воды меньше чем в четырехстах метрах. Положение становилось критическим. А ведь в батальоне, который здесь сражался, выбыли из строя все офицеры, да и красноармейцев осталось небольшая горстка. Тогда сюда срочно прибыл заместитель командира полка по политчасти Козьма Козьмич Ермишин. Он-то и возглавил оборону. На помощь батальону пришла дивизионная артиллерия. Она уничтожила шесть бронемашин, а остальные

заставила повернуть вспять. В тылах были собраны все, кто мог держать в руках оружие, и посланы на помощь майору Ермишину. Подкрепление оказалось своевременным. Батальон истекал кровью под ураганным артиллерийским огнем противника. Ермишин расставил людей и организовал атаку, но, встречаемые кинжальным пулеметным огнем, они не смогли продвинуться ни на метр. Затем Ермишин, используя преимущества изрезанной оврагами местности, вывел группу бойцов во фланг противнику и контратаковал его. Положение было восстановлено. Но сам Козьма Козьмич погиб в этом бою.

Отличились тогда командир стрелкового батальона лейтенант В. В. Гречанный, стрелок рядовой С. И. Чукаев, лично уничтоживший дюжину гитлеровцев, майор И. И. Попов, наводчик сержант С. Х. Сикорский, посмертно удостоенный звания Героя Советского Союза, и многие другие. Отважно сражались все без исключения воины. Именно благодаря их мужеству мы смогли выполнить поставленную задачу и выстоять в борьбе с противником, во много раз превосходившим нас по силам.

Форсирование Днепра явилось беспримерным в истории Великой Отечественной войны подвигом, совершенным не только отдельными бойцами, но и всеми наступающими частями Красной Армии. Героизм был поистине массовым явлением, показавшим высокое воинское мастерство наших солдат и командиров, их беззаветную преданность Родине. Об этом свидетельствует и тот факт, что за короткий период боев на плацдарме только по нашей 47-й армии почти десять тысяч солдат и офицеров были награждены орденами и медалями, а ста двадцати наиболее отличившимся было присвоено звание Героя Советского Союза. В числе тех, кто удостоился этой высшей награды, были генерал-майор Н. Е. Чуваков и наши командиры полков Иван Васильевич Бастеев и Иван Иванович Шиянов[3].

* * *

Перенесение боевых действий за Днепр резко изменило в нашу пользу всю обстановку на советско-германском фронте. Планы фашистского командования, рассчитывавшего на неприступность Восточного вала, рухнули. Над гитлеровцами нависла угроза потери важнейшего стратегического рубежа обороны. Они были, конечно, еще сильны, и впереди предстояли еще трудные бои за Правобережную Украину, но первый шаг был сделан. Мы все более прочно развертывались и укреплялись на правом берегу Днепра.

В ночь на 3 октября корпус получил пополнение. В нашу дивизию влилось около тысячи новых бойцов, бывалых воинов, вернувшихся после ранений из госпиталей. Вместе с теми, кого мы считали уже «старожилами» на плацдарме, они стали нашей надежной опорой. 30-я стрелковая тоже получила хорошее подкрепление. Таким образом, боевые порядки 23-го стрелкового корпуса значительно уплотнились.

Через день на западный берег реки начали переправляться части 21-го стрелкового и 3-го гвардейского механизированного корпусов. Нам пришлось потесниться. Но такое «неудобство» было принято нами с радостью: полоса корпуса сузилась до трех с половиной километров.

12 октября, тщательно подготовившись, мы перешли в наступление. Главный удар наносился в направлении на Студенец. Мощная артиллерийская подготовка взломала оборону противника, и наши части начали успешно продвигаться вперед. К исходу дня дивизия овладела районом Студенца. Однако дальнейшее продвижение было приостановлено сильными контратаками фашистской пехоты и танков.

В последующие дни части дивизии продолжали прочно удерживать захваченный плацдарм, отражая многочисленные попытки противника сбить нас с занимаемых позиций, и нанесли ему большие потери. За все время боев на плацдарме корпусом было подбито 85 танков, самоходок и бронемашин врага, уничтожено более 4000 немецких солдат и офицеров.

В этот период севернее нас, в Букринской излучине, где тоже был захвачен плацдарм, продолжалось наращивание сил. Отсюда советское командование намеревалось нанести основной удар по киевской группировке противника. Однако, несмотря на все принятые меры маскировки, гитлеровцы разгадали этот замысел и тоже стали подтягивать к излучине свежие части. Тогда Верховное Главнокомандование приняло довольно смелое решение: под покровом густых осенних туманов и темных ночей скрытно произвести переброску войск с букринского на лютежский плацдарм и оттуда нанести удар на Киев.

47-я армия под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко, в состав которой входил наш корпус, была, конечно, готова к сложному и стремительному маневру в полном составе. Все на это надеялись, так как прошли вместе по дорогам войны уже немалый и славный путь. Однако Ставка рассудила иначе. Полевое управление армии вместе со штабом и частями непосредственного подчинения выводились в резерв, а все войска передавались соседям. 23-му корпусу предстояло и далее воевать в составе 1-го Украинского фронта, которым командовал

прославленный советский полководец генерал армии Н. Ф. Ватутин.

В ночь на 24 октября дивизия получила приказ сдать свой участок обороны частям 3-го гвардейского Сталинградского мехкорпуса и, переправившись на восточный берег, сосредоточиться в районе Решетки.

С грустью покидал я каневский плацдарм. Да, видимо, не только я один. Слишком много нам здесь пришлось пережить, прочувствовать, чтобы все можно было так просто забыть. Тревожные ночи, редкие минуты тишины, вкрапленные в несмолкаемый гул канонады, бесконечные вражеские атаки, невиданный героизм людей, гибель боевых друзей… Нет, этого никогда не вычеркнуть из памяти!

Упорная борьба за каневский плацдарм не была напрасной: именно отсюда 22 января 1944 года начали свое наступление наши войска, участвовавшие затем в уничтожении большой группировки врага, окруженной в районе Корсунь-Шевченковского.

…Мы шли по берегу вдоль наспех насыпанных могильных холмов. Днепр бесшумно катил в ночи свои волны, и мне невольно вспоминались стихи великого кобзаря:

Как умру, похороните
На Украине милой…

В дни боев на плацдарме мне не довелось побывать на могиле Тараса Шевченко. Но мы уже знали, что фашисты надругались над нею. Для гитлеровцев не было ничего святого. И это не могло не вызвать гнева и ненависти. В те дни в наших сердцах с особой силой находил отклик призыв поэта:

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

Эти слова звали нас вперед. Еще немало украинских городов и сел томилось в фашистской неволе. И нам предстояло освободить их, вернуть радость и счастье на поруганную землю Тараса.

Утром 24 октября меня вызвал к себе генерал Н. Е. Чуваков. Он был почему-то необычно оживлен, весел, приветлив. Таким я его еще не видел.

— Вот такая задача, — сказал Никита Емельянович, улыбаясь, — корпус совершает форсированный марш и к утру тридцать первого октября сосредоточивается на лютежском плацдарме. Поступаем в распоряжение командующего тридцать восьмой армией…

Теперь становилось понятным, почему у комкора такое приподнятое настроение: судя по всему, нам предстоит освобождать столицу Украины. А такая почетная миссия не могла не взволновать.

Чуваков, будто угадывая мои мысли, бодро добавил:

— Да-да, идем на Киев!

Глава вторая
Киев — Житомир — Чеповичи

Дорога, петляя, уходит в балку, где клубится утренний туман, и машина ныряет в него, как в молоко. Звуки становятся приглушенными. А остановишься — сразу наваливается такая тишина, что звенит в ушах. Вслушиваешься в нее, и просто не верится, что совсем неподалеку идут бои: рвутся бомбы и снаряды, рассыпаются пулеметные очереди, льется кровь. Но мы не имеем права об этом забывать даже на отдыхе. Как только колонны останавливались на дневку, осуществлялось прикрытие войск от воздушного нападения противника, личный состав и техника тут же рассредоточивались, отрывались щели. В воздухе постоянно рыскали немецкие разведчики. С особой тщательностью соблюдались нами правила маскировки. Люди прекрасно понимали, что от этого зависит успех предстоящей операции.

На лютежском плацдарме, откуда командование 1-го Украинского фронта решило нанести основной удар на Киев, сосредоточивалось две армии — 38-я и 3-я гвардейская танковая. Скрыть передвижение такой массы войск, конечно, трудно. И тем не менее это удалось сделать.

Пятью ночными переходами части корпуса покрыли расстояние в 150 километров и к 30 октября 1943 года сосредоточились в районе Сваромье. Здесь мы снова получили пополнение. Среди вновь прибывших солдат было много артиллеристов и автоматчиков. А вот саперов и связистов, в которых мы особенно нуждались, явно не хватало. Пришлось сделать перераспределение имеющихся сил, чтобы в каждой части был хотя бы минимум необходимых специалистов. Стрелковые роты и артиллерийские батареи были доведены почти до штатного состава.

В ночь на 1 ноября корпус получил приказ переправиться через Днепр на лютежский плацдарм и в готовности к наступлению сосредоточиться в районе Яблонки. В его состав кроме нашей 23-й и 30-й дивизий была введена еще одна — 218-я стрелковая под командованием генерал-майора Сергея Федоровича Склярова.

Мы двигались через Днепр по уже наведенной переправе. Она была сделана очень искусно. Верхний настил проходил на несколько сантиметров ниже уровня воды. Даже при самом тщательном наблюдении с воздуха заметить переправу было

трудно. Двигались же соединения по ней ночью, а если приходилось днем, то под прикрытием густых дымзавес, чтобы скрыть от противника передислокацию наших частей. И цель была достигнута. Наступление советских войск с лютежского плацдарма, тем более такой сильной группировки, оказалось для немецко-фашистского командования неожиданным.

К утру 1 ноября все части 23-й стрелковой дивизии разместились в указанных им районах. Я вернулся к исполнению своих непосредственных обязанностей начальника штаба: комдивом вместо погибшего Королева был назначен подполковник Григорий Федорович Щербаков.

Утром того же 1 ноября генерал Н. Е. Чуваков вместе с другими командирами корпусов был вызван в село Ново-Петровцы. Там размещался КП 38-й армии, которой командовал генерал Кирилл Семенович Москаленко. На совещании, где присутствовал представитель Ставки маршал Г. К. Жуков, командарм доложил собравшимся план операции по освобождению древней столицы Украины. Как потом стало нам известно, главный удар предполагалось нанести в общем направлении на Святошино смежными флангами 50-го и 51-го стрелковых корпусов во взаимодействии с 5-м гвардейским танковым корпусом — танки его двух бригад должны были непосредственно поддерживать пехоту. Прорыв вражеской обороны осуществлялся на узком шестикилометровом участке, где сосредоточивалась основная масса артиллерии. Количество орудий на один километр фронта, не считая гвардейских минометов, доводилось в среднем до 380, а на участке 50-го стрелового корпуса — даже до 416. Такая плотность артиллерий создавалась впервые.

Дальнейшие события подтвердили правильность решения командарма К. С. Москаленко. Дело в том, что немецко-фашистское командование очень боялось нашего продвижения к Киеву, понимая стратегическую важность этого района. Отсюда для советских войск открывались пути в западные области Украины, в южные районы Польши, к Карпатам, к границам тогдашних союзников, гитлеровской Германии — Венгрии и Румынии, Вот почему на киевском направлении противник создал сильную группировку. Здесь у него была хорошо подготовленная в инженерном отношении, глубоко эшелонированная оборона. Только перед фронтом наступления 38-й армии непосредственно стояли части семи немецких пехотных и двух танковых дивизий, усиленные артиллерией резерва верховного командования вермахта. Сломать такую оборону нелегко, и то, что К. С. Москаленко решил осуществить прорыв на узком участке,

сосредоточив там такую массу артиллерии, было вполне оправданно.

Нашему корпусу предстояло наступать во втором эшелоне армии за соединениями 50-го корпуса. Части 23-го стрелкового предполагалось ввести на второй день операции с рубежа Мостище, Горянка. Нам следовало стремительными наступательными действиями вдоль реки Ирпень на юг овладеть рубежом Дача Буча, Забуч, Негращи и быть готовыми к отражению контрударов противника с запада и к продолжению наступления вдоль Житомирского шоссе.

Вернувшись от командарма, Чуваков собрал командиров, начальников штабов дивизий, проинформировал их о состоявшемся совещании и объявил замысел своего решения. Корпус предполагалось ввести в сражение в полосе 163-й стрелковой дивизии, нанося главный удар на Беличи. Боевой порядок строился в один эшелон; в центре — 23-я стрелковая дивизия. По плану командарма для артподготовки и поддержки атаки намечалось привлечь всю дивизионную артиллерию на участке прорыва 50-го стрелкового корпуса.

2 ноября, проведя рекогносцировку, принял решение на предстоящий бой и подполковник Г. Ф. Щербаков. Дивизии предстояло наступать в направлении станции Беличи и выйти на южный берег реки Нивки на рубеже высот 112,9 и 132,9. Времени в нашем распоряжении оставалось немного. Поэтому работа штаба была спланирована о таким расчетом, чтобы в короткий срок решить все основные вопросы. Проводилась она по нескольким направлениям.

Прежде всего нужно было отрекогносцировать районы огневых позиций в соответствии с поставленной артиллерии задачей. Этим занялся со своим штабом Александр Петрович Свинцицкий. Он трудился в тесном взаимодействии с командующим артиллерией 163-й стрелковой дивизии. На огневых позициях были провешены основные направления, расчищены секторы обстрелов, подготовлены рокадные дороги и пути подъезда, спланированы огни на период артподготовки. В ходе боя предусматривался широкий маневр артиллерии как по фронту, так и в глубину.

Нужно было также изучить и подготовить маршруты выдвижения войск. Задача эта была возложена на дивизионного инженера Дмитрия Васильевича Слепинкина и командира нашего саперного батальона Николая Петровича Добромыслова, опытного и вдумчивого специалиста. Он всегда искал и находил наиболее рациональные пути решения инженерных задач. Так, по его предложению были, например, заранее намечены обходные

пути движения на случай затора войск в районах Мостище и Горянка, где были труднопроходимые участки местности. Эти обходы, подготовленные саперами, потом нам очень пригодились.

Майор Е. И. Карачун со своими разведчиками, как обычно, занялся добыванием свежих данных о противнике. Для этой цели он сам отправился сперва в штаб 163-й дивизии, а потом и в полки, стоящие на переднем крае.

Мы с Николаем Даниловичем Фроловым после рекогносцировки принялись оформлять решение комдива документально. Отрабатывались различные схемы, составлялись боевые распоряжения, которые по мере готовности сразу же доводились до штабов частей. Особое внимание было обращено, как и указывал комкор, на огневое обеспечение ввода дивизии в бой. Тут нам еще раз пришлось встретиться со Свинцицким, продумать и точно спланировать действия артиллерии по этапам боя. Фролов в то же время занялся отработкой вопросов управления, привлек к этой работе начальника связи майора Дроздова. Поскольку планировалось довольно быстрое продвижение вперед, нужно было заранее наметить и подготовить места командных и наблюдательных пунктов, порядок их смены, обеспечения связью.

Мне кажется уместным поделиться здесь мыслями о некоторых вопросах работы штаба. Ведь чем тщательнее и, я бы сказал, скрупулезнее разработан план предстоящего боя, предусмотрены его основные варианты (а делает все это штаб), тем больше вероятность успеха. Как-то на каневском плацдарме Ф. И. Винокуров сказал мне:

— Ну что вы, штабники, так долго и нудно вырисовываете свои схемы, раскрашиваете их, словно играете? Кому это нужно? Прошел бой — и все забылось. Не предусмотришь же всего…

Конечно, всех изменений обстановки предусмотреть невозможно. Там, где есть два варианта, может быть и третий. И все же предугадать действия противника, имея, разумеется, определенный опыт, можно и должно. Ведь даже по теории вероятностей, чем больше проигрывается и продумывается вариантов, тем меньше возможности допустить промах. Но это еще не все. Штабной документ, разработанный в предверии боя, — не только план, но и отчет. Случись неудача, всегда можно определить, где допущен промах, и, проанализировав его, избежать повторения ошибок. То же и в случае успеха: изучение документов позволит оценить верность замысла, ход событий, учесть недоработки, которые, к сожалению, бывают даже при благоприятном завершении боя. Так накапливается дорогостоящий опыт. Во время войны мы в штабах, какой бы ни

была обстановка и в каких бы тяжелых условиях ни приходилось работать, очень тщательно отрабатывали документацию. Тут я стремился быть предельно требовательным и не допускал малейшей небрежности. Сейчас, когда смотришь в архивах на наши раскрашенные цветными карандашами схемы и карты с грифом «секретно» и вспоминаешь, в каких невероятно тяжелых условиях — по ночам, в холод и дождь, под обстрелом и бомбежками — они делались, отчетливо понимаешь, что наш труд, как и труд других людей на войне, был одним из слагаемых победы. Ведь каждая пометка на карте — стрела, обведенный район, намеченные позиции — означала передвижение больших масс войск, сосредоточение техники, запасов, и любая неточность могла привести к очень нежелательным последствиям. Высокая штабная культура была и будет нужна, пока существует армия!

…Итак, подготовка наступления на Киев была проведена в самые сжатые сроки. Поскольку предстояло форсировать реки Нивку и Ирпень, мы предусмотрели создание запасов переправочных средств. Об этом позаботился майор Н. П. Добромыслов. Им же из опытных саперов были созданы специальные команды для быстрого восстановления мостов, которые противник при отступлении, как правило, уничтожал.

Продумано было и зенитное прикрытие войск. Ведь на том периоде войны авиация гитлеровцев еще проявляла очень большую активность.

Приближалась 26-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, поэтому призыв «Освободим Киев к празднику!» стал основой всей партийно-политической работы. Вечером 2 ноября во всех подразделениях состоялись короткие митинги. На них было зачитано обращение Военного совета фронта.

«Боевые друзья! В боях с врагом вы показали величественные примеры отваги, мужества и героизма, — говорилось в этом документе. — Вы разгромили врага на Дону. Вы разгромили немецкие дивизии под Белгородом. От Дона до Днепра вы победно прошли сквозь пламя и лишения войны. Вы героически форсировали Днепр и подошли к стенам великого Киева».

Эти горячие строки воодушевили бойцов. Многие тут же, на митингах, поклялись не жалеть сил и жизни для победы над врагом и освобождения столицы Украины. Писатель И. Эренбург в эти дни писал в нашей армейской газете «За счастье Родины»: «Киев ждет… Нет без Киева Украины. Нет без Киева нашей Родины. На нас смотрит сейчас вся Россия». Газета ходила по окопам из рук в руки, поднимая боевой дух войск.

Наступил знаменательный день — 3 ноября. В 8 часов утра

сорокаминутной артиллерийской и авиационной подготовкой начался прорыв немецкой обороны с лютежского плацдарма. Артиллерия вторых эшелонов также открыла огонь, помогая расчищать путь пехоте и танкам. Большинство вражеских огневых точек было подавлено, доты и дзоты разрушены. Вот где проявилась эффективность высокой плотности артиллерии! Наши войска практически беспрепятственно начали продвигаться вперед.

Фашистское командование стало быстро подтягивать резервы к участку прорыва. Разведчики армии сообщили нам, что из районов Корсунь-Шевченковского и Белой Церкви выдвигаются большие колонны танков и машин.

Перебрасывались части и с юга. Всего оттуда шло до 125 танков и самоходок, не считая пехоты.

Во второй половине дня наступление частей 50-го стрелкового корпуса замедлилось. Немцы, изо всех сил стремясь задержать их, начали усиленные контратаки при поддержке огня артиллерии и минометов. Осложняла продвижение наших войск и сама местность, леса и болота затрудняли маневр подразделений, в первую очередь танковых, как по фронту, так и в глубину. Правда, на правом фланге соседняя 60-я армия генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского прорвала в своей полосе немецкую оборону и к исходу 4 ноября, продвинувшись на значительную глубину, завязала бой за Дымер. Но общий ход наступления на киевском направлении оказался все же медленным. Поэтому командарм К. С. Москаленко, чтобы ускорить продвижение войск и упредить противника, подтягивающего резервы, решил ввести в бой вторые эшелоны.

Ночью 4 ноября наш корпус, усиленный 35-м танковым полком, получил уточненную задачу наступать в направлении Беличи — Коротище и к утру 8 ноября выйти на Житомирское шоссе.

Почти одновременно слева была введена в сражение 3-я гвардейская танковая армия генерал-лейтенанта П. С. Рыбалко. Там же действовала и 1-я отдельная чехословацкая бригада под командованием полковника Людвика Свободы.

В 23 часа, перейдя через боевые порядки 163-й стрелковой дивизии, мы вступили в бой. Ввод в сражение крупного общевойскового соединения ночью — задача весьма сложная, тем более что решалась она нами впервые. Важно было, чтобы каждая часть строго выдерживала заданное направление и безошибочно ориентировалась на местности. Поэтому штаб дивизии заранее определил полкам точные азимуты движения и заметные в темноте ориентиры: дороги, опушки леса, возвышенности,

населенные пункты. Кроме того, Свинцицкий по заданию комдива силами специально выделенных для этой цели артиллерийских подразделений устроил в тылу противника несколько очагов пожара, служивших световым ориентиром.

В ночном бою нужно своевременно разведывать и подавлять очаги сопротивления врага, его артиллерийские и минометные батареи. А делать это не просто, потому что и мы, и противник — в движении. О некоторых целях мы получили данные из штаба 163-й стрелковой дивизии, но остальные пришлось разведывать в ходе боевых действий самим. Засечка их производилась по вспышкам и звуку выстрелов. Майор Карачун, кроме того, выслал вперед две разведгруппы, которые передавали полученные данные по радио.

Большинство полковой и часть дивизионной артиллерии по приказу комдива продвигались в боевых порядках пехоты, расчищая ей путь стрельбой прямой наводкой. С пехотой шли, не вырываясь вперед, и танки. Если встречался очаг сопротивления, они совместно атаковали его.

Первыми на южный берег реки Нивка у высоты 132,9 вышли подразделения 117-го стрелкового полка. Гитлеровцы попытались остановить их, не дать воинам переправиться через водную преграду. Река была хоть и неширокой, но подступы к ней оказались открытыми. А противник имел тут много орудий и минометов, и местность была тщательно пристреляна. Федор Иванович Винокуров понял, что идти напрямик в таких условиях неразумно. Оценив обстановку, он решил сделать обходной маневр и ударить во фланг гитлеровцам, тем более местность справа оказалась лесистой, изрезанной оврагами, там можно было скрытно пройти. Однако следовало отвлечь внимание противника. И Винокуров решил для этого продемонстрировать атаку с фронта. Когда командир полка доложил по радио о своих намерениях комдиву, тот поддержал его и приказал командующему артиллерией Свинцицкому помочь 117-му стрелковому: сделать для большей убедительности во время ложной атаки по позициям противника огневой налет.

Замысел Винокурова удался как нельзя лучше. Демонстрацией атаки с фронта фашисты были введены в заблуждение, удар во фланг оказался для них совершенно неожиданным и заставил их отступить. 117-й полк с ходу форсировал не только маленькую Нивку, но и Ирпень, реку побольше. К исходу 5 ноября части дивизии, переправившись через Ирпень, перерезали шоссе Киев — Житомир западнее Святошина.

Справа от нас 30-я, а слева 218-я стрелковые дивизии также

закрепились на западном берегу Ирпени, повернув твой фронт строго на запад. Вошедшая в состав корпуса уже в ходе боя 74-я стрелковая дивизия, которой командовал полковник Михаил Дмитриевич Кузнецов, продвигалась тоже успешно и, форсировав Ирпень, овладела Мостищем.

Таким образом, 23-й стрелковый корпус во взаимодействии с другими соединениями 38-й армии досрочно выполнил поставленную задачу. Путь на запад киевской группировке гитлеровских войск был отрезан, она оказалась под угрозой окружения. Фашистское командование в ночь на 6 ноября начало поспешно отводить свои главные силы из Киева. Утром 6 ноября 1943 года город был полностью очищен от оккупантов. Вечером, в канун 26-й годовщины Великого Октября, Москва салютовала доблестным войскам, освободившим древнюю столицу Украины. Родина высоко оценила подвиги воинов 1-го Украинского фронта в Киевской операции: 17 500 из них были удостоены правительственных наград, а шестидесяти пяти частям и соединениям, в том числе и нашей 23-й, а также 30-й и 218-й стрелковым дивизиям, было присвоено наименование «Киевские».

В тот день произошло еще одно событие, памятное уже лично для меня. Еще 2 ноября из отдела кадров сообщили, что я назначен начальником штаба 23-го стрелкового корпуса. Нельзя сказать, что это было для меня неожиданностью. Н. Е. Чуваков неделю назад вел со мной разговор об этом. Теперь приказ был подписан. Конечно, у меня был некоторый опыт и командирской, и штабной работы. Только в одном 254-м стрелковом полку 85-й ордена Ленина стрелковой дивизии я прошел по всем «ступенькам» — от командира взвода до начальника штаба полка. В последней должности вступил и в войну, уже в Крыму. А вообще армейскую жизнь я начал в 1929 году в Ульяновской Краснознаменной пехотной школе имени В. И. Ленина, прибыв туда по путевке комсомола. Всего за плечами было почти пятнадцать лет службы. Но все же назначение начальником штаба корпуса меня и радовало и несколько тревожило. Невольно думалось: «А справлюсь ли? Дело-го большое, ответственное!»

Однако уехать из дивизии в ходе наступательной операции не представлялось возможным — нельзя было оставлять соединение без начальника штаба. Только 6 ноября, когда Киев был взят, я смог покинуть ставшую мне родной 23-ю стрелковую. Вместо меня начальником штаба был назначен Иван Иванович Шиянов, только что вернувшийся из госпиталя в полк. Но ему не повезло. Недолго пробыл он в этой должности. Уже 15 ноября, возвращаясь с передовой на КП в районе села Левков, Шиянов снова был ранен, на этот раз очень тяжело. Больше ему не

пришлось участвовать в войне: долго лечился, потом командовал запасным офицерским полком. На фронт, сколько ни рвался, его больше не пустили по состоянию здоровья. В 1945 году Шиянов уволился из армии, поселился по рекомендации врачей в Крыму.

Тепло простился я со своими боевыми соратниками в дивизии. Столько было пережито, пройдено вместе дорог! Этого нельзя забыть… Меня провожали начальник политотдела Александр Иванович Фролов, командующий артиллерией Александр Петрович Свинцицкий, дивизионный инженер Дмитрий Васильевич Слепинкин, Федор Иванович Винокуров, начальник оперативного отделения Николай Данилович Фролов и другие товарищи. Сердечно попрощались мы и с Григорием Федоровичем Щербаковым. Я тогда не мог, конечно, знать, что через три дня комдива не станет: он погиб в бою и был похоронен в освобожденном Киеве.

* * *

Рано утром 7 ноября я прибыл на КП корпуса — дом лесника в районе поселка Любка — и представился генералу Чувакову. Он встретил меня очень приветливо, повел в домик, усадил, стал расспрашивать о моей жизни. Я коротко рассказал о себе: выходец из бедняков Поволжья, рано остался сиротой (родители умерли в 1917 году), воспитывался в детдомах, работал в совхозе, — вот, собственно, и вся доармейская биография. А уж потом пошла служба…

Мы с Чуваковым вместе позавтракали, выпили ради праздника свои фронтовые сто граммов. Потом комкор сказал:

— Что ж, Сергей Александрович, знакомьтесь, входите в курс дела. На все это вам… — Он испытующе посмотрел на меня. — Ну, скажем, четырех часов хватит?

Мне ничего другого не оставалось, ответил:

— Так точно.

Никита Емельянович засмеялся:

— Понимаю, что мало. Но обстановка подстегивает.

Он придвинул к себе карту, лежащую тут же на столе, и объяснил, что корпусу приказано наступать строго на запад.

— Вот здесь, вдоль шоссе, будем продвигаться, — показал Чуваков. — К исходу двенадцатого ноября нам приказано овладеть Житомиром.

Я, конечно, имел общее представление о размахе наступления и о том, что противник всеми силами пытается нас задержать, но многих деталей в масштабе корпуса не знал. А

требовалось все изучить досконально. Корпус — это оперативно-тактическое соединение, в которое в зависимости от сложности решаемых задач входят от двух до пяти дивизий. Действует он, как правило, в составе армии, а иногда и самостоятельно на отдельном оперативном направлении. Руководить такой общевойсковой единицей, а по штатам военного времени в корпусе могло быть от двадцати пяти до сорока тысяч человек, очень сложно. И размах побольше, чем в дивизии, и задачи предстоит решать значительно труднее. Начальник штаба должен иметь как общее представление о ходе боевых действий и соотношении сил сторон на фронте наступления, так и точные данные о противнике, своих соединениях, соседях, приданных и поддерживающих частях. Все сведения стекаются в оперативный отдел, где они систематизируются для принятия решения и затем воплощаются уже в строгие боевые документы. С этого отдела я и начал знакомство с работой штаба корпуса.

Полковник И. Г. Елисеев — начальник отдела — буквально накануне моего приезда был назначен начальником штаба 218-й стрелковой дивизии. Его временно заменил майор А. П. Федоров. Это был человек вдумчивый, он никогда не делал ничего сгоряча, наспех и этим отличался от своего коллеги майора К. Г. Андриевского. Тот был чрезвычайно подвижным, с характером, в котором преобладали командирские качества. При выезде в часть Андриевский мог, например, вместо оказания помощи командиру попросту подменить его. С Федоровым такого не случалось. Он был как бы прирожденным оператором, спокойным, объективным. Ну а графике его можно было просто позавидовать. Если нужно было выполнить с особой тщательностью какой-либо документ, я всегда поручал это дело Федорову, зная, что все будет исполнено самым лучшим образом.

Под стать ему были и другие операторы — капитаны И. Б. Смирнов и В. Е. Салогубов. Они не терпели суеты, могли сутками без сна и отдыха сидеть за исполнением какого-либо документа.

— А я просто забываю о времени, — говорил Салогубов. — И кто только придумал, что штабная работа скучна. По мне, так нет более увлекательного занятия…

Он и говорил всегда медленно, солидно, тщательно взвешивая каждое слово.

Все офицеры в оперативном отделе были очень исполнительными и добросовестными, на них всегда можно было положиться. Кроме того, люди здесь обладали, как говорится, творческой жилкой, не терпели шаблона, искали и нередко находили интересные и оригинальные решения.

Первое же знакомство с операторами оставило у меня

хорошее впечатление. Федоров продемонстрировал составленную им вместе с Андриевским карту с отображением решения комкора на бой и всех связанных с этим вопросов взаимодействия. Она была сделана добротно, с всесторонним учетом возможностей корпуса, намерений противника, и графически оформлена безупречно.

Давая пояснения к разработанным документам, майор Федоров ввел меня в курс дела. После захвата Киева наши войска практически без паузы продолжали свое наступление. Корпус, имея 23, 30 и 218-ю стрелковые дивизии в первом эшелоне и 74-ю во втором, стремительно продвигался вдоль Житомирского шоссе. Только за один день 8 ноября было преодолено с боями 32 километра, а к исходу следующего дня мы вышли на рубеж Ставище, Высокое, находящийся примерно на полпути от Киева до Житомира. Нельзя сказать, что противник оказывал слабое сопротивление. Наоборот, придавая Житомиру большое оперативное значение, немецко-фашистское командование предпринимало все меры к тому, чтобы задержать нас. Перед фронтом наступления 1-го гвардейского кавалерийского, 21-го стрелкового и нашего корпусов отходили остатки частей одной механизированной, одной танковой и четырех пехотных дивизий гитлеровцев, имевших до ста танков. Они цеплялись за каждый промежуточный рубеж и много контратаковали. Вражеская авиация часто наносила бомбовые удары по нашим частям. Но ничто не могло сдержать наступательного порыва советских воинов. Они дрались напористо, умело, проявляли чудеса храбрости и героизма.

В районе Дача Буча один из поредевших полков 74-й стрелковой дивизии (в нем оставалось не более трехсот пятидесяти активных штыков) был контратакован значительными силами противника. Оказавшийся в этом районе комдив полковник М. Д. Кузнецов сам руководил боем. Он организовал огонь всех средств полка, а также дивизионной артиллерии. Вражеская пехота была вынуждена залечь. Затем полковник поднял людей в атаку. На плечах отступающего противника подразделения ворвались в хутор Буча, где у гитлеровцев сосредоточивались склады и артиллерия. Там были захвачены большие трофеи: артбатарея в полном комплекте, шесть шестиствольных минометов, одна самоходка «фердинанд», два склада с боеприпасами и четыре склада с инженерным имуществом.

Трудный бой в районе хутора Милая пришлось вести 117-му стрелковому полку 23-й дивизии. Он был контратакован превосходящими силами пехоты и двадцатью танками, причем в

очень невыгодных условиях: местность открытая, господствующая впереди высота занята противником, и оттуда велся сильный пулеметный огонь. Растеряйся Винокуров, промедли — и полк мог бы понести большие потери. Но командир понял, что от решительности действий воинов зависит успех боя. Он стремительно выдвинул вперед всю свою артиллерию. Часть орудий начала вести борьбу с бронированными машинами, а другая открыла огонь прямой наводкой шрапнелью по пехоте. Один из батальонов, усиленный самоходными установками, был направлен в обход по балке, проходящей справа от хутора Милая. С ним Винокуров послал своего заместителя по политчасти Д. Д. Медведовского. Батальон в короткий срок совершил обходной маневр и нанес удар по гитлеровцам с фланга. От неожиданности те поспешно оставили высоту.

Продвижению частей активно способствовала артиллерия. Она расчищала путь пехоте, отражала танковые удары врага. Корпусу в тот период были приданы 83-й гвардейский минометный, 839-й гаубичный, 222-й и 1660-й противотанковые артиллерийские полки. Кроме того, нас поддерживала 17-я артиллерийская дивизия под командованием генерал-майора С. С. Волкенштейна. Однако чуть позже она стала отставать от наших боевых порядков из-за нехватки горючего. И это, конечно, в первую очередь обеспокоило командующего артиллерией корпуса полковника Владимира Александровича Квашневского, с которым мы к тому времени уже познакомились. Я побывал в его штабе, посмотрел документацию, выслушал доклад о наличии огневых средств в корпусе и их обеспеченности боеприпасами. Через день, вернувшись из поездки по поискам, Квапшевский зашел ко мне под вечер и сказал:

— Волкенштейн стоит. Горючее для его тягачей на исходе. Да и наша артиллерия в таком же бедственном положении. Что будем делать? Корпус лишается мощной артиллерийской поддержки…

Перед приходом Квашневского мы с Федоровым и Андриевским говорили о том же самом. Начальник разведотдела подполковник П. В. Дубильер, докладывая свежие сведения о противнике, обратил внимание на левый фланг корпуса, где между нами и соседом образовался разрыв. Против этого места у немцев начала сосредоточиваться довольно крупная группировка войск.

— А какое будет соотношение сил на фронте, — спросил я тогда Дубильера, — если нашу двести восемнадцатую дивизию передадут соседу? Сумеем ли мы наличными силами взять Житомир?

— По имеющимся у нас данным, в Житомире у немцев нет крупных войск, — ответил подполковник. — И если учесть, что мы будем действовать совместно с кавкорпусом, то сил для захвата города достаточно…

Беспокойство командующего артиллерией передалось и нам. Квашневский был совершенно прав.

— Обратите на это внимание комкора, — попросил он.

Примерно через час, докладывая Н. Е. Чувакову обо всех делах, я указал на недопустимость обнаженного фланга слева. Никита Емельянович согласился со мной. Связавшись с командармом К. С. Москаленко (это было поздно вечером 9 ноября на КП в лесу близ Юрова), Чуваков сообщил ему, что в связи с нашим стремительным продвижением между 21-м стрелковым корпусом и нашей 218-й стрелковой дивизией образовался разрыв до пятнадцати километров, и это представляет определенную опасность, особенно если учесть, что противник как раз на данном направлении в районе Андрушевки, Котлярки, Попельни сосредоточивает крупные силы с явным намерением нанести контрудар. Разведкой там обнаружены и части танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». Комкор сказал, что считает целесообразным, усилив 218-ю дивизию противотанковой артиллерией, переподчинить ее 21-му стрелковому корпусу и выдвинуть на рубеж реки Гуйва, поселков Быстры и Ивница, чтобы прикрыть образовавшуюся брешь.

Что ответил на это генерал Москаленко, я не слышал. Но Чуваков был явно недоволен состоявшимся разговором. Закончив его, он нахмурился и сдержанно сказал:

— Приказано как можно скорее взять Житомир… Командующий требует ускорить продвижение…

Склонившись над картой, Никита Емельянович укоризненно покачал головой. Левый фланг беспокоил его, как показали дальнейшие события, не напрасно. На следующий день разрыв с 21-м корпусом увеличился. Узнав об этом, Чуваков приказал мне подготовить донесение непосредственно командующему фронтом генералу Н. Ф. Ватутину, обрисовав в нем реальное положение вещей и подчеркнув, что отставание нашего соседа, а также нехватка в частях боеприпасов и горючего могут иметь самые неприятные последствия.

Такое донесение было составлено и отправлено 10 ноября командующему 1-м Украинским фронтом и командарму генералу К. С. Москаленко.

Однако и на этот тревожный сигнал никто, к сожалению, не отреагировал. Штаб фронта лишь продублировал то, что было уже сказано генералом Москаленко: не позднее 13 ноября нам

следовало овладеть Житомиром.

День 12 ноября начался как обычно: командиры дивизий доложили, что полки довольно быстро продвигаются вдоль Житомирского шоссе и находятся в каких-нибудь двадцати километрах от города. Противник оказывает сопротивление и местами даже контратакует, но небольшими группами, которые уничтожаются с ходу. В хорошем темпе шел вперед наш правый сосед — 1-й гвардейский кавалерийский корпус, с которым нам было приказано взаимодействовать при взятии Житомира.

В полдень из штаба кавкорпуса сообщили, что наши подразделения перерезали железную дорогу на участке Житомир — Городище, лишив тем самым гитлеровцев возможности что-либо вывозить из города. Это было очень важно, так как в Житомире у них были крупнейшие военные склады. Город был, по существу, базой снабжения фашистских войск на этом участке фронта.

Наступление развивалось успешно. Но после полудня командир 30-й стрелковой дивизии генерал-майор В. П. Янковский доложил, что на рубеже юго-западнее Студеницы встречено сильное огневое сопротивление врага; подразделения, понеся потери, вынуждены были остановиться. Аналогичное донесение последовало и от полковника И. В. Бастеева, принявшего после гибели Г. Ф. Щербакова командование 23-й стрелковой дивизией.

Самым тревожным было сообщение из 218-й стрелковой. Части ее также были остановлены и, развернувшись, вели бой с контратакующим противником. Кроме того, дошла потрясающая весть о том, что при бомбежке в районе деревни Левково одновременно погибли командир дивизии генерал-майор С. Ф. Скляров и начальник штаба полковник И. Г. Елисеев. Последнего я знал очень близко: он до меня исполнял обязанности начальника штаба корпуса. Потери на войне, конечно, неизбежны. И тем не менее с этим всегда трудно примириться. Разум еще долго отказывается верить, что человек, с которым ты еще вчера делил все невзгоды, больше никогда не протянет тебе дружескую руку и не сможет выручить в минуту опасности. Всякий раз, когда гибли в бою товарищи, сердце наполнялось горечью и болью и вместе с тем росла ненависть к врагу, заставлявшая нас мстить за погибших и драться с фашистами с еще большим ожесточением и непримиримостью.

Генерал-майор С. Ф. Скляров и полковник И. Г. Елисеев так же, как и погибший до этого командир 23-й стрелковой дивизии подполковник Г. Ф. Щербаков, были похоронены в Киеве со всеми воинскими почестями.

* * *

…Обстановка на нашем участке фронта складывалась неблагоприятно. Фашисты начали подбрасывать подкрепления, явно намереваясь задержать нас на подступах к Житомиру. В 15.00 гитлеровцы контратаковали подразделения 30-й, а полчаса спустя — 218-й дивизий.

К этому времени ухудшилась обстановка на левом фланге и в центре нашей 38-й армии. Оправившись от шока, вызванного сокрушительным ударом советских войск в районе Киева, немецко-фашистское командование решило восстановить положение и начало лихорадочно подтягивать резервы. На Киев была повернута 25-я танковая дивизия немцев, прибывшая из Франции. В Казатине срочно разгружалась переброшенная с севера танковая дивизия СС «Адольф Гитлер», появление первых частей которой было обнаружено нашими разведчиками еще несколько дней назад. К Белой Церкви подбрасывалась 198-я пехотная дивизия, а в район Гребенки — танковая дивизия СС «Рейх». Подходящие гитлеровские войска сразу же вводились в бой. Резко замедлилось продвижение наших частей в районе Фастова. Там с 9 ноября развернулось ожесточенное сражение, в котором с обеих сторон было применено большое количество танков.

К 12 ноября фронт наступления 38-й армии расширился до 220 километров, хотя в начале операции он не превышал 34 километров. Плотность войск, естественно, резко уменьшилась. Артиллерия из-за нехватки горючего отставала. Между частями и соединениями появились опасные разрывы и промежутки, об одном из которых уже говорилось выше. Мы тогда еще не знали в деталях, что отставший левофланговый сосед — 21-й стрелковый корпус, выйдя на рубеж железной дороги Житомир — Фастов западнее Корнина, был контратакован значительными силами пехоты и 40 танками. Его 71-я стрелковая дивизия не выдержала удара и отступила к району поселка Озера, оголив фланг и тыл 135-й стрелковой дивизии, двигавшейся на Котлярку, и та тоже стала отходить под угрозой окружения. Таким образом, создалась реальная опасность выхода гитлеровцев в тылы нашего корпуса.

Повторяю, полностью мы тогда этого не знали, хотя о многом уже догадывались, получая лишь первые разрозненные сведения о противнике, действующем слева от нас. В той сложной обстановке генерал Н. Е. Чуваков настойчиво требовал от командиров 23-й и 218-й дивизий отразить контратаки противника на подступах к Житомиру и стремительным ударом овладеть городом, выполнив поставленную задачу, а в

последующем развернуть часть сил фронтом на юг и обеспечить безопасность своего левого фланга.

Для более быстрого и надежного отражения контратакующего противника, особенно его танков, до половины имеющейся у нас артиллерии было выдвинуто в боевые порядки пехоты на прямую наводку. Однако и в руках комкора оставался довольно мощный артиллерийский кулак: до пяти гаубичных и двух пушечных дивизионов, несколько батарей тяжелых гвардейских минометов. Их огнем Н. Е. Чуваков маневрировал по фронту, сосредоточивая его на наиболее угрожаемых направлениях и помогая таким образом продвижению наших частей.

Штаб корпуса разработал план овладения Житомиром. Суть его была такова: во взаимодействии с частями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса нанести концентрические удары с трех сторон — силами 30-й стрелковой дивизии с северо-востока, 23-й — с востока и 218-й — с юго-востока. Генерал Чуваков одобрил этот замысел и отдал приказ готовиться к штурму города. На это поискам отводилась всего одна ночь. А сделать предстояло немало. Необходимо было доразведать систему обороны противника, вывести части на исходные позиции, подтянуть артиллерию, подвезти боеприпасы и создать необходимый их запас, сформировать штурмовые отряды для уличных боев. В полки для контроля и помощи на местах выехали работники штаба, в том числе почти все операторы. На КП остались лишь А. П. Федоров и В. Е. Салогубов.

На рассвете полковник В. А. Квашневский позвонил мне с НП и сообщил, что артиллерия выведена в намеченные районы, заняла огневые позиции и может открыть огонь.

О готовности полков к наступлению доложили также все комдивы.

— Ну что ж, начнем! — сказал Чуваков, выслушав их.

Ровно в 9.00 утра, после короткой артиллерийской подготовки, совмещенной с мощным налетом авиации, наши части атаковали гитлеровские позиции, проходившие по окраине города. Оборона немцев здесь строилась по очаговому принципу. Промежутки между опорными пунктами прикрывались пулеметным и артиллерийским огнем. Некоторые каменные дома, подвалы были превращены в долговременные огневые точки.

Первым ворвался в Житомир полк Винокурова. Федор Иванович сконцентрировал удар по одному из промежутков в обороне противника. После подавления огневых точек врага орудиями прямой наводки, выдвинутыми в боевые порядки пехоты, он бросил вперед свой штурмовой отряд, который вышел

сперва во фланг, а потом и в тыл немецких позиций. В образовавшуюся брешь Бастеев быстро ввел еще один полк. Оборона противника была прорвана, гитлеровцы начали отходить. Уже в 17.30 полковник Бастеев доложил комкору:

«Веду уличные бои на восточной окраине Житомира. Продвигаюсь к центру».

Вскоре такое же сообщение последовало от штаба 218-й стрелковой дивизии. В тот же день 12 ноября командиром этого соединения был назначен полковник Николай Николаевич Мезенев.

К 19 часам стремительными ударами конницы и пехоты город был полностью очищен от врага. Наши части вышли на рубеж реки Каменка. 667-й стрелковый полк 218-й дивизии, как и было предусмотрено планом, достигнув северной окраины Лиски, развернулся фронтом на юг и занял оборону по берегу реки Гуйва с задачей прикрыть левый фланг корпуса. В Житомире нами были захвачены большие трофеи: 7 самолетов, более 400 автомашин, много складов с боеприпасами и продовольствием.

* * *

В результате стремительного наступления на запад части корпуса с 5 по 12 ноября освободили 175 населенных пунктов, пройдя с боями 125 километров. При этом было уничтожено 78 танков противника, 35 самоходных орудий, 200 автомашин, 36 тяжелых орудий, более 2500 вражеских солдат и офицеров.

Наши воины проявили исключительную стойкость и мужество. Десятки, сотни из них были отмечены правительственными наградами, а 23-я и 30-я стрелковые дивизии получили почетное наименование «Житомирские». 218-я дивизия была награждена орденом Красного Знамени. 13 ноября 1943 года всему личному составу корпуса Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

Потери у нас тоже были немалые. К концу боев за Житомир 218-я дивизия насчитывала всего около 800, а 23-я и 30-я дивизии — по 900 активных штыков. Пополнения нам в тот момент не обещали: его просто неоткуда было взять. Когда я намекнул в телефонном разговоре с начальником штаба армии генералом А. П. Пилипенко о необходимости усилить соединения, он с укоризной сказал:

— У других положение еще труднее, и то не просят. Вы же переходите к жесткой обороне. Приказ уже послан. Так что рассчитывайте лишь на свои силы…

Недостаток людей, боеприпасов, да и других материальных средств не мог не сказаться отрицательно на итогах последующих боев, начавшихся 15 ноября. Накануне нам было приказано перейти к жесткой обороне на рубеже Альбиновка, Ивница. Нас перебрасывали к месту, где сосредоточивались части противника, намеревавшиеся нанести контрудар в тот самый разрыв между нашим и 21-м стрелковым корпусом, о котором мы доносили ранее.

Сдав свой рубеж обороны под Житомиром частям 1-го гвардейского кавкорпуса, мы начали марш в назначенный район. Здесь произошел любопытный эпизод. Воины одного из батальонов 658-го стрелкового полка 218-й дивизии подошли к деревне Сингури, не подозревая о том, что там находится противник. Но и немцы не ожидали нас. Обнаружив уже входящих в село советских бойцов, они переполошились. Поднялась невообразимая суматоха, и наши воины этим воспользовались. Быстро развернувшись, они атаковали отступающих гитлеровцев и выбили их из Сингури. Нам достались немалые трофеи: около 400 автомашин, 15 складов с продовольствием. Но главное — мы получили в свое распоряжение свыше ста тонн бензина, и теперь можно было подтянуть дивизионную и приданную корпусу артиллерию, отставшую из-за отсутствия горючего. Однако осуществить это уже не удалось.

Рано утром 15 ноября, когда мы еще не успели не только окопаться на новом рубеже, но и подтянуть главные силы (к реке Гуйва вышли лишь передовые отряды), нас атаковали из района юго-западнее Ивницы четыре вражеские дивизии, одна из которых была танковой. Основной удар пришелся по позициям 30-й стрелковой дивизии и особенно ее 71-го полка. Силы оказались слишком неравными. Полк был сразу же смят. Комкор попытался прикрыть образовавшуюся брешь гвардейцами-десантниками, но группа их была малочисленной и тоже была отброшена. Дело в том, что накануне в подчинение корпусу была передана 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. Звучало это вроде бы внушительно, но на самом деле в составе соединения после изнурительных боев оставалось не более 300 десантников.

Потом выяснилось, что против нас действовали 68-я, 88-я пехотные, 20-я моторизованная и 7-я танковая дивизии гитлеровцев. На нашу еще не созданную оборону фашисты обрушили огонь десятков батарей. Их авиация группами в 20–30 самолетов беспрерывно бомбила наши позиции.

Прорвав оборону 30-й дивизии, танки и пехота противника устремились по шоссе из Тарасовки на Житомир. Позиции

стоящей здесь 23-й стрелковой дивизии были рассечены на части. В полдень полковник И. В. Бастеев доложил по радио, что полки дерутся в окружении: 89-й — в районе Лука, а 225-й — у Млынищей и Песков.

— Попытайтесь восстановить положение, — распорядился Н. Е. Чуваков. — Контратакуйте противника сто семнадцатым полком в направлении из Левково на Млынищи с задачей перерезать шоссе и соединиться с двести двадцать пятым…

Энергии и решительности у командира 117-го стрелкового полка было достаточно, так же как и смелости. Быстро перегруппировав свои подразделения, Винокуров контратаковал противника и попытался выполнить поставленную задачу. Дважды Федор Иванович лично поднимал полк в атаку. Однако, встреченные плотным артиллерийско-минометным огнем, подразделения не смогли продвинуться вперед. Гитлеровцы бросили против них более полка пехоты и до 30 танков. Полк понес большие потери, по приказу Винокурова отошел на южную опушку рощи северо-восточнее Млынищ и тоже фактически оказался окруженным. В этом бою погиб начальник штаба полка майор Дмитрий Павлович Виниченко, назначенный на эту должность в конце октября. Я уже рассказывал, что ранее он отличился при взятии Гельмязова и форсировании Днепра. Когда был получен приказ об отходе, Виниченко возглавил группу прикрытия. Бойцы сражались до последнего, все пали смертью героев, но задержали врага и дали полку возможность отойти с минимальными потерями.

В исключительно тяжелое положение попал 225-й стрелковый полк. Немцы окружили его и, продолжая наседать, стремились уничтожить. Захватив деревню Млылищи, они установили орудия и самоходки за стенами разбитых домов и открыли ураганный огонь прямой наводкой по нашим позициям, располагавшимся неподалеку от села Пески. В составе оборонявшейся здесь роты осталось не более полутора десятка бойцов, часть из которых были к тому же ранены. Обстановка создалась критическая. И, как всегда в таких случаях, в окопах роты появился майор П. С. Литвинов. С ним было около десяти красноармейцев. Помощь, конечно, невелика, но моральный эффект был очень важным. Бойцы сразу воспрянули духом. Усилился огонь. Два немецких танка, надвигавшихся на окопы, были тут же подбиты. Залегла и вражеская пехота, прижатая к земле метким огнем. Несколько раз она пыталась подняться и атаковать, но только несла потери и продвинуться не смогла. А с наступлением темноты полк ударом из района Песков прорвал кольцо окружения и соединился с другими частями дивизии. Но майора Литвинова среди

вышедших из окружения уже не было. В разгар схватки пуля сразила отважного политработника. Бойцы вынесли его тело с поля боя. Похоронен он был в братской могиле севернее Песков, а на обелиске, воздвигнутом в Житомире в честь воинов-освободителей, в перечне Героев Советского Союза можно найти и имя Павла Семеновича Литвинова.

Несколько раз пытались продвинуться к шоссе части 30-й стрелковой, но успеха не имели. Гитлеровцы встречали их сильным огнем и контратаковали.

Весь день, не смолкая, шел тяжелый бой. Несмотря на все наши усилия, немцы продолжали продвигаться к Житомиру. Плетью обуха не перешибешь!

Ночью Н. Е. Чувакову позвонил К. С. Москаленко.

— Как дела на вашем участке? — спросил он.

Комкор коротко доложил обстановку. Подкреплений он не просил, зная, что взять их командарму неоткуда. Из состава 38-й армии к этому времени 51-й корпус был передан 40-й армии, оборонявшей полосу у Днепра, а 50-й корпус — 3-й танковой армии, на которую возлагалась оборона Фастова. Правда, часть сил 13, 40 и 60-й армий выводилась во фронтовой резерв и сосредоточивалась в нашем оперативном тылу. Но все это находилось пока в стадии перегруппировки, и 38-я армия продолжала драться в ослабленном составе.

— Вот что, Никита Емельянович, — сказал генерал Москаленко, — я понимаю, что положение у нас нелегкое. Сил, конечно, маловато. И тем не менее завтра с утра надо сделать все, чтобы вернуть утраченные позиции. Используйте для этого части двадцать третьей и тридцатой дивизий. А мы поможем вам артиллерией…

Положив трубку, Чуваков какое-то время молчал. Лицо его было хмурым. На высокий крутой лоб набежали морщины.

— Давайте готовить контратаку, Сергей Александрович, — тихо сказал он наконец.

В голосе комкора я не уловил привычной уверенности. Видно, в глубине души Никита Емельянович сомневался в успехе. Он знал силы противника и прекрасно понимал, как нелегко будет нашим войскам вести предстоящий бой.

Штаб быстро, буквально за полтора-два часа, подготовил необходимые боевые документы, с нарочными разослал в дивизии и одновременно доводил их по радио — телефонной связи с некоторыми частями не было. Тогда же для контроля за исполнением наших распоряжений в войска были посланы операторы К. Г. Андриевский и В. Е. Салогубов. Они на месте помогли командирам в планировании боя, проследили за

подготовкой дивизий к атаке.

Однако попытка восстановить положение с утра 16 ноября не удалась, несмотря на активную огневую поддержку армейской артиллерии. Части корпуса не смогли продвинуться вперед. Более того, в 8.00 противник силами 8-й танковой и 88-й пехотной дивизий атаковал нашу 218-ю стрелковую, в батальонах которой оставалось всего по 30–50 человек. С большими потерями она стала отходить на южную окраину Житомира.

Не лучше было положение и остальных двух соединений. Не имея артиллерии усиления, они, отражая танковые удары превосходящих сил гитлеровцев, несли большие потери и оттеснялись к северу. Противник форсировал реку Тетерев и вышел на северную окраину Левково, где находились штабы 23-й и 218-й дивизий. Бастеев и Мезенев организовали круговую оборону своих командных пунктов и, находясь вблизи от передовых окопов, продолжали руководить боем своих соединений.

Поскольку вклинившиеся немецкие части отрезали нас от основных сил 38-й армии и связь с ее командованием была затруднена, днем 16 ноября приказом командующего 1-м Украинским фронтом корпус был передан в состав 60-й армии.

Ночью 17 ноября я связался по рации с начальником штаба 60-й армии генералом Г. А. Тер-Гаспаряном и сообщил ему о тяжелом положении на нашем участке фронта.

— Особенно плохо обстоит дело с противотанковой артиллерией и связью, — доложил я. — Не сможете ли чем-нибудь помочь?

— О ваших бедах мы знаем, — ответил Тер-Гаспарян. — Но поймите и вы нас. В других местах обстановка не легче. Так что рассчитывайте пока на свои силы.

В глубине души я надеялся на какую-то, пусть минимальную, но все же реальную помощь и был несколько обескуражен разговором с начальником штаба армии. Положение у нас было действительно очень тяжелое. Корпус имел слишком мало сил, чтобы прикрыть отведенный нам участок шириной 32 километра. Поэтому оборону можно было строить по очаговому принципу, со значительными промежутками между частями. И гитлеровцы этим воспользовались. Введя в бой на участке корпуса две танковые (до 140 танков) и одну моторизованную дивизии, они проникали в разрывы между опорными пунктами, выходили в тылы наших подразделений и оттуда атаковывали их. Под давлением превосходящих сил противника корпус по приказу генерала Чувакова начал отходить в северо-западном направлении.

218-я стрелковая дивизия, находясь в Житомире, продолжала совместно с частями 1-го кавкорпуса вести бой в окружении. У нас оставалось совсем мало средств связи. И надо отдать должное связистам — работали они самоотверженно: нередко по кускам собирали кабель на поле боя, тут же на передовой ремонтировали разбитые и поврежденные аппараты и, несмотря ни на что, обеспечивали связь штаба корпуса с дивизиями. Особенно отличились в те трудные дни воины роты 359-го отдельного батальона связи под командованием коммуниста гвардии капитана В. В. Редькина. Сам Редькин геройски действовал на каневском плацдарме, сумев тогда под огнем противника обеспечить надежную связь с передовыми отрядами. Так же умело он организовал дело и теперь. Связь если и прерывалась, то ненадолго, повреждения быстро исправлялись. Помнится, в селе Левково узел связи корпуса был накрыт огнем тяжелой вражеской артиллерии. Некоторые бойцы были убиты, многие ранены, аппаратура значительно повреждена. Я уже, честно говоря, подумал: «Ну все — остались без связи. И это в тот момент, когда дивизии ведут такие тяжелые бои и нам нужно знать малейшие изменения обстановки, чтобы реагировать на них…»

Но не прошло и полутора часов, как Редькин сумел перебазировать узел связи в близлежащий лес и восстановить его под непрекращающимся обстрелом. Под стать командиру работали и его подчиненные: младший сержант А. В. Федин, рядовой А. Ф. Кушнарев. За боевые отличия все они вскоре были удостоены правительственных наград.

Однако вернусь к разговору с Тер-Гаспаряном. Когда я, положив трубку, безнадежно махнул рукой, находившийся тут же Н. Е. Чуваков все понял без слов.

— Да-а… Положеньице… Что же будем делать? — рассуждал он вслух, расхаживая по комнате и, разумеется, не ожидая от меня подсказки. — А что, если позвонить генералу Нефтереву? Вот кто мог бы помочь!

Иван Федорович Нефтерев был помощником командующего 1-м Украинским фронтом по формированию. Чуваков хорошо знал его: они когда-то служили вместе. Комкор рассказывал, что это был исключительно чуткий человек, настоящий партиец. Будучи членом РКП (б) с апреля 1917 года, он всю гражданскую войну провел на фронте как комиссар полка. Уже одно это говорило о многом. Характерная деталь: Нефтерев дважды был награжден именными часами: золотыми — за форсирование Белой на Восточном фронте и серебряными — за форсирование Луги под Петроградом. На Польском же фронте за боевые отличия он был удостоен ордена Красного Знамени.

— Попробовать можно, — задумчиво продолжал Чуваков. — Авось поможет хотя бы со связью. Иначе мы скоро совсем останемся без средств управления.

Никита Емельянович тут же связался со штабом фронта и попросил к аппарату генерала Нефтерева. Иван Федорович, к счастью, оказался на месте. Он сразу стал подробно расспрашивать, как обстоят дела, что мы намерены предпринять в дальнейшем. Чуваков рассказал о наших бедах.

— Сейчас иду на доклад к Ватутину, — ответил Нефтерев. — Обрисую ему обстановку и попрошу разрешения выехать к вам, чтобы во всем разобраться на месте ну и, вполне естественно, помочь…

Иван Федорович сдержал слово. На другой же день он приехал к нам в корпус и решил побывать в 23-й и 30-й дивизиях. Мы его всячески отговаривали от этой затеи. Обстановка оставалась напряженной и не всегда ясной. 23-я вела тяжелые бои в районе Кмитов, а 30-я под давлением превосходящих сил противника отходила на Студеницы. 3-я гвардейская воздушно-десантная дивизия дралась в окружении западнее Харитоновки, пытаясь прорвать вражеское кольцо и выйти в район севернее хутора Козак, как ей было приказано комкором. И она эту задачу к исходу 18 ноября выполнила.

Переубедить генерала Нефтерева мы не смогли. Он хотел все увидеть своими глазами и поехал сперва в Студеницы, а оттуда в 23-ю дивизию. Тут-то он и попал в переплет. Машина Ивана Федоровича была обстреляна прорвавшимися на этом участке вражескими автоматчиками. Лишь наступающая ночь да близкий овраг спасли Нефтерева от гибели. Вместе с адъютантом он сумел, отстреливаясь, уйти от гитлеровцев. Мы уже начали беспокоиться за судьбу генерала, не имея от него никаких известий. Но позвонил Бастеев и сообщил, что Нефтерев у него и собирается ехать на север, в штаб 60-й армии.

Словом, Иван Федорович воочию убедился, что нам очень трудно, и, вернувшись в штаб фронта, сумел помочь. По его настоянию в корпус были присланы пополнение, средства связи, а позже запчасти для автомашин и горюче-смазочные материалы. Я так подробно остановился на этом случае только потому, что он, на мой взгляд, очень характерен и показывает правильный стиль работы вышестоящего штаба. Именно так и должно быть: контроль, осуществляемый на месте, в войсках, необходимо всегда сочетать с последующей конкретной помощью им. С Иваном Федоровичем мы на фронте больше не встречались. Но после войны, начиная с 1948 года, вместе работали в Академии Генерального штаба, оба были старшими преподавателями.

Нефтерев же вдобавок был бессменным секретарем нашей парторганизации и всегда пользовался у людей большим авторитетом.

* * *

В ночь на 19 ноября 218-я стрелковая дивизия, окруженная в Житомире, по приказу командующего 1-м Украинским фронтом генерала Н. Ф. Ватутина прорвала совместно с частями 1-го кавалерийского корпуса вражеское кольцо и вышла в район Каменный Брид.

В ту же ночь в район Студеницы прибыла 322-я стрелковая, которую подчинили нам. Мы познакомились с ее командиром полковником Петром Николаевичем Лащенко. Он тоже участвовал в форсировании Днепра, только севернее нас, в районе города Чернобыль, высаживался на западный берег вместе с десантом и лично руководил захватом и удержанием плацдарма, за что был удостоен звания Героя Советского Союза. Отличилась его дивизия и при взятии Житомира. Ей было присвоено наименование Житомирской, а Лащенко награжден орденом Богдана Хмельницкого II степени.

Чуваков приказал Лащенко занять оборону на рубеже западнее Слипчицы, чтобы не допустить прорыва противника по дороге Вересы — Горбулев. В составе корпуса 322-я фактически приняла лишь один бой. Это случилось утром 23 ноября. Гитлеровцы силой до полка с танками попытались прорваться вдоль железной дороги Черняхов — Слипчицы, но были остановлены и, понеся значительные потери, отошли. В полдень же мы получили приказ передать дивизию П. Н. Лащенко в распоряжение командира 15-го стрелкового корпуса. Вместе с ней от нас уходила и 218-я дивизия. Обстановка была настолько серьезной и чреватой самыми неожиданными осложнениями, что состав войск постоянно менялся. Точнее, командарм И. Д. Черняховский делал все, чтобы создать на наиболее угрожаемых направлениях сильные группировки частей и соединений и сдержать натиск врага. В тот же день 23 ноября в состав корпуса были введены три новые стрелковые дивизии — 3-я и 75-я гвардейские и 132-я Краснознаменная, а также 1-я гвардейская кавалерийская и 248-я отдельная курсантская стрелковая бригады. Одновременно мы получили приказ передать 23-ю и 30-ю дивизии в распоряжение 94-го стрелкового корпуса.

Перед отъездом полковник И. В. Бастеев забежал ко мне на КП.

— Ну, вот и расстаемся, Сергей Александрович, — вздохнул он.

Обоим, конечно, было грустно. Столько все-таки пройдено и пережито вместе на дорогах войны!

— Что ж, Иван Васильевич, успехов тебе! — сказал я. — Очень хотелось бы снова где-нибудь встретиться.

— Обязательно… И лучше — в Берлине, — улыбнулся Бастеев.

Потом ко мне зашли Ф. И. Винокуров и А. И. Фролов. Мы обнялись. На долгое прощание не оставалось времени. Бои продолжались, и немцы, подбрасывая подкрепления, рвались вперед, тесня наши войска. Обстановка оставалась тяжелой.

Приняв в свой состав новые дивизии, корпус вступил в сражение юго-восточнее Радомышля, на правом фланге 60-й армии. Немецко-фашистское командование на этом направлении бросило в наступление крупную танковую группировку, и гитлеровцы снова овладели Житомиром. Они намеревались ударом танковых соединений в направлении Радомышль — Малин разбить наши войска западнее Киева и вернуться к Днепру. Однако осуществиться этим замыслам не было суждено.

Последние дни ноября шли тяжелые оборонительные бои. Немцы атаковали позиции наших войск превосходящими силами пехоты и танков. Части корпуса местами были вынуждены отойти. Мы оставили колхоз имени Ленина на ближайших подступах к Радомышлю и Гарбарову. Попытались отбить его обратно, но это не удалось. Продвижение под Гарбаровом было остановлено сильным артиллерийско-минометным огнем и последовавшей затем контратакой противника.

В этих боях гитлеровцы стали применять ночные танковые атаки. Переняв нашу тактику, они начали бросать машины в бой с зажженными фарами и включенными на всю мощь сиренами. Психологический эффект от этого был довольно сильным. Свет бил по глазам, мешая вести прицельный огонь, а нарастающий вой сирен угнетающе действовал на нервы. Некоторые бойцы, особенно молодые, не выдерживали и отступали.

Нам пришлось повести решительную борьбу с этой особой танкобоязнью. Штаб корпуса, политотдел во главе с полковником А. И. Романовым провели в частях большую работу. Бойцам было разъяснено, что смелому, хладнокровному красноармейцу танк ночью не страшен: он становится даже менее опасным, чем днем, потому что сектор видимости экипажей ограничен, он не выходит за пределы лучей фар. Была выпущена специальная памятка. Усиленно пропагандировались — и устно, и через дивизионные газеты — подвиги бронебойщиков, уничтожавших немецкие танки

в ночных боях. Организовывались и выступления таких людей в кругу товарищей. Все это делалось в ходе непрекращающегося сражения, в редкие минуты затишья. Работа проводилась с группами бойцов, а чаще — индивидуально. Командиры и политработники учили людей на личном опыте, а в бою подавали им пример. Агитаторы, активисты вели разъяснительную работу непосредственно в окопах, используя малейшую возможность. И это давало хорошие результаты. Сопротивление ожесточенно рвущемуся вперед врагу нарастало с каждым днем. Бойцы корпуса научились метко поражать фашистские танки как днем, так и ночью, умело владеть «карманной» артиллерией и, отсекая бронированные машины от пехоты, уничтожать ее в ближнем бою.

* * *

1 декабря корпус, был выведен во второй эшелон армии, а 8 декабря получил приказ перегруппировать свои соединения в район Гута Добрынская, Чеповичи, Малин, где к этому времени создалось напряженное положение. Гитлеровское командование сняло основную группировку войск из-под Радомышля и начало перебрасывать ее сюда, чтобы ударом в стык между 60-й и 13-й армиями с одновременным продвижением 7-й танковой дивизии в направлении Малина окружить и уничтожить группировку советских войск у Чеповичей.

9 декабря немецкие танки, прорвав оборону стоящего справа от нас западнее Малина 24-го стрелкового корпуса, начали быстро продвигаться в юго-восточном направлении. В полдень на нашем КП раздался телефонный звонок. На проводе был командарм генерал И. Д. Черняховский. Он подозвал к аппарату Н. Е. Чувакова.

— Мною только что получено сообщение, — сказал Иван Данилович, — что немцы захватили район Мелени, Шершни. Вы понимаете, что это значит?

Никита Емельянович придвинул карту, внимательно разглядывая ее. По его хмурому лицу нетрудно было догадаться, что информация о положении дел у нашего соседа справа была неутешительной.

— Так точно, товарищ командарм, — отозвался он. — Создалась реальная опасность выхода противника в тылы нашего корпуса.

— Обстановку поняли правильно, — продолжал Черняховский. — Что намерены предпринять?

Известно, что Черняховский, как правило, старался не

навязывать своего мнения подчиненным, полагаясь на их инициативу и умение. У таких людей, как Чуваков, за плечами были и боевой опыт, и большие знания. К тому же он лучше видел положение дел на месте: состояние своих войск и оперативную обстановку.

Никита Емельянович на минуту задумался, прикидывая, очевидно, как лучше поступить в данной ситуации. Черняховский не торопил.

— Полагаю, следует остановить продвижение противника на рубеже Сычовка, Мелени, — уверенно сказал генерал Чуваков.

— Не только остановить, но и выбить его из Шершни! — поправил Черняховский. — Какими силами будете действовать?

— Использую для этого двести сорок восьмую курсантскую бригаду. Она находится сейчас на второстепенном направлении, и ее оттуда можно снять, оставив лишь заслон.

— Хорошо. Решение утверждаю, — заключил командарм. — Кроме того, в ваше распоряжение передается восьмая стрелковая дивизия, занимающая сейчас оборону западней Мелени. Комдив там толковый — генерал Смирнов. Ну, желаю удачи!

Выбор Чувакова был не случаен. Костяк 248-й бригады составляли курсанты военных училищ, люди отборные, идейно закаленные, тактически грамотные, к тому же прекрасно владеющие всеми видами оружия. В предыдущих боях они зарекомендовали себя умелыми и отважными воинами, о чем мы, разумеется, знали. Командовал бригадой полковник С. П. Хотеев, офицер с большим боевым опытом и решительным характером. Внешне он ничем не выделялся, говорил неторопливо, не повышая голоса, но в словах его и интонациях была покоряющая сила и властность. Уж если Хотеев приказывал, то все исполнялось не только безоговорочно, без чего на фронте вообще нельзя, но и абсолютно точно. Отдавая распоряжение, он никогда не забывал проконтролировать его выполнение.

Во второй половине дня 10 декабря Хотеев, получив приказ комкора, после форсированного марша с ходу ввел бригаду в бой. Нанеся удар во фланг противнику, она успешно решила поставленную ей боевую задачу. Гитлеровцы потеряли два танка, две бронемашины, до семидесяти солдат и офицеров только убитыми и начали отходить.

На рассвете 11 декабря полковник Хотеев связался со мной по радио и доложил об успешном завершении боя. Бригада вышла и закрепилась на рубеже юго-западная окраина Мелени, Шершни.

Между тем обстановка на участке 60-й армии, особенно на ее правом фланге, где проходил стык с 13-й армией, складывалась явно неблагоприятно. Сюда, на узкий участок фронта,

гитлеровское командование, как я уже указывал, перебросило значительные силы. 15 декабря разведчики 8-й стрелковой дивизии захватили пленного, о чем мне на рассвете доложил начальник штаба полковник П. Е. Шелковенков.

— Случилось это в районе деревни Рудня Шершневская, — сообщил он. — По нашим данным, новых частей там прежде не было, а тут появились.

— Давайте-ка сюда пленного, — распорядился я. — Разберемся.

Через час захваченный разведчиками немец был доставлен на КП корпуса. Он оказался рядовым штабной роты 2-го дивизиона артполка танковой дивизии СС «Адольф Гитлер». Допрашивал его наш новый начальник разведотдела майор Федор Семенович Курнышев, сменивший ушедшего на повышение П. В. Дубильера. Из показаний гитлеровца мы узнали, что его дивизия двигалась из Житомира через Радомышль на Малин, но в пути была остановлена и повернута строго на север — на Коростень. Сюда же, как раз на участок нашего корпуса (это удалось установить в тот же день), были стянуты также части двух пехотных дивизий и отдельные штурмовые отряды 7-й танковой, основные силы которой располагались в районе Фортунатовки — против правого соседа.

Становилось ясным, что немцы создают ударную группировку. События показали, что мы не ошиблись. Как потом окончательно выяснили разведчики, против наших изрядно потрепанных в боях частей гитлеровцы имели более чем двойное превосходство в пехоте, около 300 орудий и минометов и до 140 танков.

Какие же меры противодействия этой силе были предприняты командованием и штабом корпуса?

Надо сказать, что с 12 по 18 декабря активных боевых действий на нашем участке не велось. Немцы лишь изредка обстреливали боевые порядки 8-й стрелковой дивизии и 248-й отдельной курсантской бригады. Они, видимо, только готовились к решительным действиям. Но и мы не теряли времени даром. Корпусу было приказано прочно оборонять занимаемый рубеж, не допустить прорыва противника в восточном и северо-восточном направлениях к Чеповичам. Получив такой приказ командарма, мы подготовили подробный план оборонительного боя, при разработке которого каждый отдел, служба вносили свои предложения.

Новый начальник оперативного отдела подполковник Василий Семенович Новиков высказал, например, мысль, что надо предусмотреть два варианта боя: западный — на случай

наступления противника из районов Холостно, Десятины, Остарки и северный — если удар будет наноситься из Добрыни на Мелени, Чеповичи. Оба варианта предполагалось построить на активных действиях нашей пехоты в тесном взаимодействии с артиллерией и танками.

Новикова поддержал майор Ф. С. Курнышев. Начальник разведотдела, как я заметил, всегда имел свою точку зрения и горячо отстаивал ее. Он сказал:

— Если судить по сосредоточению войск противника, немцы могут действовать именно с этих двух направлений. Посмотрите, как нацелены их танковые части: одна группа на севере от нас, а другая — западнее Чеповичей.

— Да и местность к тому располагает, — вмешался в разговор корпусной инженер капитан И. Т. Макурин. Он тоже был у нас человеком новым, прибыл в августе, но успел зарекомендовать себя толковым специалистом, смелым и изобретательным. Немолодой уже человек, капитан был очень подвижным и энергичным. При отходе наших частей от Житомира Макурин руководил устройством заграждений на пути наступающих немцев в арьергардных боях и отлично справился с поставленной задачей.

Этот разговор происходил на КП 15 декабря при обсуждении системы мероприятий, которые следовало немедленно осуществить для усиления обороны корпуса. Как всегда в таких случаях, каждый мог высказать все, что считал нужным, непременно, однако, обосновывая свою точку зрения. Такой порядок был у нас в штабе. Деловое свободное обсуждение насущных вопросов всегда, если позволяет обстановка, создает необходимый рабочий настрой у людей, поощряет их инициативу и содействует выработке наиболее целесообразных решений.

— На этих двух направлениях, как наиболее танкоопасных, — продолжал, жестикулируя, Макурин, — нужно создать систему заграждений.

Инженер изложил план, предусматривающий постановку минных полей, различного рода противотанковых и противопехотных заграждений, устройство завалов, отрывку траншей. С доводами его трудно было не согласиться. Генерал Чуваков одобрил все предложенные Макуриным мероприятия.

Затем мы заслушали артиллеристов и тоже приняли их предложения. Докладывал полковник В. А. Квашневский. Он высказал мысль, что в полосе обороны корпуса следует создать одиннадцать противотанковых районов, разместив в них 160 орудий и сильный противотанковый резерв. Были предусмотрены массирование огня на наиболее опасных в смысле прорыва

противника местах, а также широкий маневр артиллерии по фронту и в глубину.

Мы наметили также направления для контрударов по противнику во взаимодействии с частями 25-го танкового корпуса.

В окончательном варианте план был утвержден комкором, и тут же началось его воплощение в жизнь. Операторы сразу разъехались по частям для того, чтобы проконтролировать выполнение намеченных мероприятий, а где нужно, и помочь. Не остались на месте и другие работники штаба. У нас был заведен такой порядок: приняв решение, самим доводить его до исполнителей на месте и там же отыскивать наиболее рациональные способы действий частей и подразделений, передавая нижестоящим командирам опыт и знания, которыми обладали работники штаба корпуса.

Была проделана огромная работа. Артиллерия заняла позиции с таким расчетом, чтобы значительная часть ее могла вести огонь прямой наводкой. В противотанковых районах орудийный огонь сочетался с инженерными заграждениями и взаимодействовал с группами истребителей танков, созданных в каждом стрелковом подразделении. Очень многое сделал личный состав частей в инженерном отношении. Было отрыто около двух тысяч стрелковых окопов полного профиля, 14 километров ходов сообщения, создано 87 наблюдательных пунктов с соответствующими укрытиями, сделано 6,3 километра лесных завалов, установлено 13 000 противотанковых и 4500 противопехотных мин. К работе привлекались не только подразделения, но и местное население, в основном на второй и третьей позициях. Позже капитан Макурин после подсчетов доложил мне, что на инженерное оборудование полосы обороны было затрачено 84 000 человеко-дней.

Все эти меры, безусловно, упрочили нашу оборону, сделали ее более гибкой, маневренной, активной, способной противостоять превосходящим силам противника.

На фронте продолжалось относительное затишье. Как-то вечером мы с Чуваковым устроили чаепитие. Никита Емельянович очень любил крепкий чай, пил его помногу и в таких случаях непременно приходил в доброе расположение духа. Тогда, если позволяла обстановка, он начинал вспоминать свое дореволюционное житье-бытье, работу на московской военно-обмундировочной фабрике «Персец и Понсон».

— Знаешь, сколько стоила пара вот такого чая в кофейне нашего Понсона? — спрашивал он. — Впрочем, откуда тебе знать, ты еще тогда под стол пешком ходил.

— А сколько же все-таки? — подзадоривал я его.

— Семишник. По тем временам целое состояние. Ведь нам за пошив одного солдатского ремня платили копейку. Столько же за чехол для саперной лопатки. В день, бывало, и полтинника не наберешь, особенно если учесть штрафы. Как-то раз мы взбунтовались, пошли к хозяевам требовать прибавки. Они, конечно, показали нам кукиш. Меня же, вдобавок, еще с фабрики выгнали и в черные списки занесли. Полгода потом без работы ходил и только в июне семнадцатого устроился шорником в Дорогомиловские мастерские — были такие тогда, конскую сбрую шили…

Слушать Чувакова было очень интересно. Он умел увлекательно рассказывать. Да и биография его была насыщена самыми неожиданными событиями. Никите Емельяновичу, например, дважды пришлось столкнуться с эсерами, вести против них борьбу. Первый раз в мастерских после Февральской революции, когда они засели в заводском комитете и стали агитировать за Временное правительство Керенского. Чуваков выступил против них, разоблачив преступную политику эсеровского ЦК, ведущего линию на продолжение мировой войны. К нему примкнули передовые рабочие, и вскоре заводской комитет был переизбран, стал большевистским. Второй раз Чуваков столкнулся с левыми эсерами уже в начале 1918 года, когда по заданию партячейки возглавил борьбу с беспризорностью. Эсеры были против организации школ и клубов для подростков, но большевики их в конце концов создали…

В тот вечер мы долго засиделись за чаем. На нашем участке фронта стояла удивительная тишина. Я обратил на это внимание Чувакова. Он умолк, прислушался.

— Да-а, — протянул Никита Емельянович задумчиво, — готовятся… Скоро начнут.

Комкор не ошибся. На следующий день, 19 декабря, после артиллерийской подготовки гитлеровцы нанесли удары с трех направлений: из Грабы на овощной совхоз в полосе 24-го стрелкового корпуса; со стороны Янивки на Фортунатовку в стык между 1-м гвардейским кавалерийским и 18-м гвардейским стрелковым корпусами и, наконец, от хуторов Чубаровские на Шершни по левому флангу 248-й отдельной курсантской стрелковой бригады. Фашисты действовали хоть и небольшими силами пехоты, но при поддержке танков. Это, как мы вскоре правильно, оценили, были усиленные передовые отряды, имевшие цель разведать нашу оборону на указанных направлениях и там, где удастся, развить успех главными силами.

Передовой отряд противника, действующий на нашем участке

фронта, стремился захватить Шершни и тем самым открыть дорогу на Чеповичи. Однако это гитлеровцам не удалось. Командир 248-й курсантской бригады С. П. Хотеев и его начальник штаба Р. Г. Абдулин (я познакомился с ним уже в ходе боев) умело построили оборону. Эшелонировав ее по глубине, они на танкоопасных направлениях создали огневые мешки. На флангах здесь были поставлены орудия прямой наводки, которые смогли вести огонь по танкам в борт, то есть в наиболее уязвимые места. Была организована также система многослойного косоприцельного огня. Попадая под него, гитлеровская пехота несла большие потери.

В первой же атаке противник потерял два танка, потом еще один. Остальные повернули обратно. За ними откатились и автоматчики.

Во время второй атаки было сожжено три бронемашины из восьми, уничтожено до роты пехоты. Полковник Хотеев, находясь на наблюдательном пункте, расположенном во второй траншее, лично руководил боем. Ближе к переднему краю перенес свой КП и подполковник Абдулин. Потом он, докладывая мне о прошедшем бое, говорил:

— Когда боец знает, что командиры впереди, рядом с ним, у него даже мысли не появляется об отступлении. Такой психологический момент не раз проверен на практике. И мы со Степаном Павловичем частенько им пользуемся.

У соседа слева — 18-го гвардейского стрелкового корпуса — гитлеровцам удалось потеснить полк, оборонявший Фортунатовку, и вклиниться в нашу оборону на глубину до полутора километров. Но потом они вынуждены были остановиться. Танки безнадежно застряли на лесных дорогах, перекрытых многочисленными завалами. Четырнадцать из них было подбито, остальные отошли. Таким образом, и здесь наступление врага практически захлебнулось.

Иная картина сложилась на левом фланге 24-го стрелкового корпуса — нашего правого соседа. Сильным фронтальным ударом гитлеровцы прорвали его оборону и, продвигаясь вперед, захватили важный опорный пункт — хутор Балярка. Для наращивания успеха они ввели в бой еще до шестидесяти танков с пехотой и, не считаясь с потерями, ринулись вперед. К исходу дня им удалось овладеть узлом дорог, расположенным в двух километрах юго-восточнее Стремигорода. Создалась реальная угроза выхода противника во фланг и тыл нашего корпуса.

Получив это тревожное сообщение, мы поняли, что надо срочно принимать дополнительные меры для прикрытия своего правого фланга. В резерве у нас был только 151-й полк 8-й

стрелковой дивизии, расположенный на южной окраине Чеповичей. Но он вряд ли бы смог сдержать лавину наступающих немецких танков. Тут требовалось кое-что посильнее.

Понимали это и в штабе армии. Надо отдать должное оперативности генерала Г. А. Тер-Гаспаряна да и самого командарма, обладавшего даром предвидения и всегда чутко реагировавшего на малейшие изменения обстановки. Уже к вечеру 19 декабря распоряжением И. Д. Черняховского в наше подчинение были переданы 140, 149 и 226-я стрелковые дивизии. Правда, две из них до нас так и не дошли. Обстановка на фронте правофлангового соседа продолжала осложняться, поэтому 149-я стрелковая, занявшая оборону в районе Липляны, то есть в полосе 24-го стрелкового корпуса, была передана в его подчинение, так же как и 140-я, находившаяся еще на марше. Лишь 226-я дивизия к исходу 19 декабря прибыла в наше распоряжение.

В ту тревожную ночь, когда гитлеровские танки продолжали рваться на восток, никто не спал. Враг был рядом. Опасность увеличивалась с каждым часом. Штаб корпуса размещался в нескольких рубленых избах на северной окраине Чеповичей. Генерал Чуваков уехал в 8-ю дивизию, чтобы на месте посмотреть, как усилить ее оборону на правом фланге, где проходил стык со 147-й стрелковой. Это было наиболее уязвимое место. Я же остался на КП. Только что поступили новые сведения от разведчиков. Их нужно было нанести на рабочую карту и подготовить комкору данные для принятия решения.

Неожиданно в комнату вошел высокий, туго перепоясанный ремнями, стройный полковник. Коротко представился: командир 226-й Глуховско-Киевской стрелковой дивизии. Поглощенный делом, я поздоровался с ним машинально, но услышав фамилию Петренко, оторвал голову от карты и не поверил глазам: неужели Василий? Вот так встреча!

Теперь я узнал его. За десять лет, что мы не виделись, Петренко мало изменился. То же худощавое выразительное лицо, жесткие непокорные волосы, добродушная улыбка. Только в плечах, пожалуй, чуть раздался.

С Василием Яковлевичем мы учились вместе еще в Ульяновской пехотной школе. Он уже тогда имел некоторый боевой опыт: воевал против мусаватистов в Нагорном Карабахе и против басмачей в Средней Азии, за что пользовался среди курсантов большим уважением. Мы все немного завидовали ему. Однако это не мешало нам быть друзьями. Не расстались мы и после окончания учебы, служили в одном полку вплоть до 1934 года.

Обрадованные встречей, мы обнялись. Посыпались вопросы,

восклицания. Петренко снял шинель, и на его груди блеснула Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Ого! — воскликнул я, обрадованный успехами друга. — В героях ходим!

— Не отставать же от тебя, — весело отозвался он.

— За что получил?

— За Днепр.

— Поздравляю!

— Взаимно!

Мы сели к столу. Я попросил ординарца принести нам чаю, да покрепче. Нужно было взбодриться.

— Ну, а теперь о делах. Общую обстановку знаешь?

— Тер-Гаспарян обрисовал.

Оказывается, Петренко еще утром был вызван в штаб армии. Хорошо, что догадался поехать туда верхом, а не на машине, иначе ни за что бы не добрался в срок. Дороги забиты войсками, вдобавок еще шел снег, было скользко.

— От Тер-Гаспаряна я пошел к Черняховскому, где меня уже ждали, — рассказывал Петренко. — А ты знаешь, он скверно выглядит. Лицо бледное, осунувшееся, вид усталый…

— Еще бы! Беспокоится, не спит. Обстановка, сам знаешь, какая.

— Да, немцы жмут. Иван Данилович так и сказал: контрнаступление продолжается и на житомирском, и на коростеньском направлениях. В полосе армии немцы наносят удар через Чеповичи на Малин, чтобы разрезать наши войска на две части. Насколько я понял, Глуховско-Киевской как раз и предстоит принять этот удар на себя.

— Ты всегда был догадлив, — подтвердил я. — Смотри на карту. Вот тут обороняется сто сорок седьмая дивизия; слева — восьмая. Между ними образовался разрыв, который ты и прикроешь. Полоса обороны дивизии шесть километров. Задача: не допустить прорыва противника к станции Чеповичи.

Петренко ушел. Нам бы, конечно, хотелось о многом еще поговорить, вспомнить, как водится при встрече старых друзей, былое, но на это не было времени. События торопили. Части 226-й дивизии уже начали подходить, и полковнику Петренко нужно было размещать их, организовывать оборону, чтобы к утру быть готовым встретить врага. Костяк в соединении был крепкий, закаленный, участвовавший в боях на Курской дуге, при освобождении Киева, но пополнение не имело боевого опыта — его предстояло обучать и воспитывать на ходу.

К утру 20 декабря В. Я. Петренко доложил мне, что части заняли свою полосу обороны, однако оборудовать местность в

инженерном отношении не успели. Были вырыты лишь одиночные окопы, да кое-где на особо опасных направлениях внаброс поставлены минные поля.

С рассветом противник после короткой, но сильной артподготовки начал наступление, бросив в атаку до двух танковых дивизий. Удар приняли на себя два полка — 987-й и 989-й, усиленные противотанковой, самоходной артиллерией и танковой бригадой. Третий полк дивизии — 985-й — оставался в резерве командира корпуса и находился у водокачки на станции Чеповичи в готовности к контратаке в направлении поселка Перемога. Так решил генерал Чуваков.

На участке 989-го стрелкового гитлеровцы атаковали наши позиции, пустив вперед тяжелые танки. Артиллеристы не смогли сразу справиться с «тиграми», и те, прорвавшись к окопам, стали утюжить их. Необстрелянные красноармейцы, а их было немало, растерялись. Некоторые стали выскакивать из укрытий и попадали под губительный огонь. Наступил критический момент. Упусти командир оборонявшейся здесь роты руководство боем из своих рук — и гитлеровцы смяли бы нашу оборону на данном участке. К счастью, этого не произошло. Старший лейтенант Р. Ф. Лев оказался толковым, решительным командиром. Он воевал еще на Курской дуге, не раз уже встречался с «тиграми» и «фердинандами», поэтому знал, как с ними можно бороться.

Быстро оценив обстановку, офицер решил выдвинуть влево бронебойщиков, позиция там была для них теперь наиболее удобная: небольшая возвышенность, прекрасный обзор, можно вести фланговый огонь. Одновременно он переместил вправо группу истребителей танков и приданный ему взвод 57-мм орудий с той же задачей — уничтожать вражеские машины фланговым огнем. Таким образом, гитлеровские танки должны были попасть как бы в огневые клещи.

Однако производить любой маневр в ходе боя, да еще при отсутствии сплошной линии траншей, очень затруднительно. Даже передвигающиеся по-пластунски бойцы хорошо видны на снегу. Поэтому старший лейтенант Лев прикрыл выдвижение артиллеристов, бронебойщиков и группы истребителей танков залповым огнем роты, что уже само по себе подействовало на противника отрезвляюще. Одновременно он вызвал огонь поддерживающей его минометной батареи. Густые разрывы накрыли гитлеровские цепи. Минометчики работали точно. Особенно метко вел огонь расчет коммуниста сержанта А. Г. Звягина. Наводчик у него был убит в первые же минуты боя, и командир сам стал к прицелу. Он воевал к тому времени уже второй год и дело свое знал досконально. За два часа

минометчики уничтожили два станковых и четыре ручных пулемета. Полковник Петренко представил Звягина к награде, и вскоре ему был вручен орден Отечественной войны II степени.

Многие огневые точки противника были подавлены, а его пехота залегла, чем не преминули воспользоваться бронебойщики и артиллеристы. Они выдвинулись на фланги роты и оттуда открыли огонь по танкам. Первым подбил «тигр» рядовой Ф. Ф. Горбунов, старый испытанный боец, впоследствии также удостоенный награды. Через несколько минут загорелись два танка, подожженные батарейцами, а вскоре еще один, подбитый опять-таки бронебойщиками. Не отстали от товарищей истребители танков — противотанковыми минами на шестах и гранатами они подожгли три бронемашины гитлеровцев.

Понеся такой урон, фашисты остановились. Танки их начали поспешно отходить. И тогда старший лейтенант Лев поднял роту в контратаку. Одновременно с ним ударил по противнику и первый батальон 989-го стрелкового полка. Командир капитан Ф. С. Ларичкин был ранен, и руководство боем взял на себя его заместитель по политической части старший лейтенант М. И. Читалин, офицер в тактическом отношении очень подготовленный. Еще при форсировании Днепра он командовал батальоном вместо погибшего командира и, защищая захваченный плацдарм, сумел с горсткой оставшихся бойцов отбить восемь контратак противника, во много раз превосходящего по силе нашу группу. За этот подвиг Михаилу Ивановичу Читалину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Об этом мне подробно рассказал майор Андриевский, который накануне был послан в 226-ю стрелковую дивизию. Оператор активно участвовал в подготовке и ведении боя, подсказывал офицерам наиболее целесообразные в данной обстановке решения. Он, в частности, помог молодому командиру 897-го стрелкового полка майору И. Г. Кузнецову организовать оборону, главным образом — противотанковую.

На участке 226-й дивизии гитлеровцы были отброшены на исходные позиции. Однако правее нас они продолжали продвигаться и к 10 часам утра полностью овладели Липлянами и Стремигородом. Создалась угроза нашему флангу. Для того чтобы обезопасить его и помочь соседу справа, генерал Чуваков принял решение с рубежа станция Чеповичи, Перемога контратаковать противника двумя полками 226-й дивизии в направлении хутора Балярка. Для выполнения этой задачи полковнику В. Я. Петренко придавались два истребительно-противотанковых полка, танковые и самоходно-артиллерийские подразделения.

Поддерживала их удар и корпусная артиллерийская группа.

Ровно в 11.00 на КП корпуса позвонил Петренко.

— Можно начинать? — спросил он. — Мы готовы!

Я передал его слова Чувакову. Никита Емельянович вынул карманные часы, сверил с моими и, повернувшись к стоявшему рядом полковнику Квашневскому, сказал:

— Давайте, Владимир Александрович! Только побольше огоньку им подбросьте. Задача у Петренко трудная. Если артиллерия не расчистит ему путь, то…

Комкор не договорил и выразительно посмотрел на «бога войны».

— Есть, подбросить огоньку! — вытянулся Квашневский.

После десятиминутного огневого налета, в котором участвовало около двухсот пятидесяти стволов, 226-я стрелковая перешла в контратаку. Но она сразу же встретила ожесточеннейшее сопротивление гитлеровцев, которые усилили огонь из всех видов оружия и несколько раз поднимались в контратаку. В воздухе почти беспрерывно висела вражеская авиация, наносившая по наступающим частям бомбовые удары. За три часа жестокого боя Петренко удалось продвинуться вперед всего лишь на полтора километра, да и то не везде.

В полдень мы получили первые сообщения о том, что противник подбрасывает подкрепления к Чеповичам. На нескольких дорогах было замечено движение его танковых колонн. Одна из них шла от хутора Балярка, другая — из района Липлян. Гитлеровцы, очевидно, намеревались нанести удар с разных направлений, стягивая для этого силы.

Начальник разведки майор Ф. С. Курнышев доложил мне что, как показали захваченные пленные, в полосе 226-й дивизии действуют части двух танковых соединений, в том числе дивизия СС «Адольф Гитлер». Картина постепенно прояснялась. Оценив обстановку, комкор приказал полковнику Петренко прекратить контратаки и закрепиться на занятом рубеже. Главное теперь — не дать противнику прорваться в Чеповичи.

Гитлеровцы начали атаку в 14.30. На узком участке, как раз в стык между 987-м и 989-м полками, они бросили до сорока танков и самоходок. Первыми встретили их артиллеристы. Им было приказано с дальних дистанций огня не открывать, чтобы заранее не обнаруживать себя. Поэтому батарейцы подпустили врага поближе и ударили меткими залпами. Уже в первые пятнадцать — двадцать минут боя было подбито до десяти машин.

Об артиллеристах можно рассказывать много. Сражались они отважно и, я бы сказал, мастерски. Приведу один пример. Батарея

лейтенанта В. Н. Анисимова стояла сразу же за передовыми окопами. Поскольку открывать огонь было приказано только с двухсот — трехсот метров, стрелять ей пришлось почти в упор. Первым же залпом батареи была подбита тяжелая самоходная установка «фердинанд», после третьего — загорелся шедший рядом с ней «тигр». Остальные танки продолжали лезть вперед. Два из них вышли батарее во фланг. Анисимов приказал повернуть пушки на девяносто градусов и продолжать стрельбу. Танки приблизились вплотную. Батарейцы несколько раз попадали в них, но мощная броня выдерживала: снаряды, ударившись в нее, рикошетировали.

Один из танков раздавил наше крайнее орудие. Тогда наперерез ему выскочил со связкой гранат в руке наводчик соседней батареи рядовой Федор Клименко. Он остался один на один со стальной громадиной. Батарейцы, затаив дыхание, наблюдали за этим поединком. Клименко подпустил танк вплотную, но гранаты почему-то не бросил, нырнул в окоп и замер там. И лишь когда «тигр» прошел через укрытие, он швырнул связку гранат ему вслед. Танк вздрогнул, замер и через минуту окутался густым дымом.

Позже нам довелось побеседовать с Федором Михайловичем Клименко. Мне тогда было поручено вручить ему за совершенный подвиг солдатский орден Славы II степени (орден III степени он уже имел).

— Что же ты в лоб танку гранату не бросил? — поинтересовался я.

— Несподручно было, товарищ полковник, — смутившись, ответил боец. — И потом я ж как рассудил? Мотор-то у него где? Сзади. Значит, сзади вернее будет его стукнуть.

— А вдруг придавил бы тебя в окопе?

— Никак невозможно! — хитровато улыбнулся Клименко. — Земля — она, матушка, завсегда выручит. Проверено, можете не сомневаться…

Я от всего сердца поздравил героя с наградой и пожелал ему новых боевых успехов.

…Первая атака немцев была отбита с большим для них уроном. Петренко доложил мне, что противник потерял восемь танков, четыре бронетранспортера, два «фердинанда»; более ста трупов остались лежать на поле боя. Но и у нас потери были немалые.

— Может быть, усилим Петренко? — предложил я командиру корпуса. — Немцы наверняка скоро полезут вновь.

— Хорошо, — согласился Никита Емельянович. — Верните ему девятьсот восемьдесят пятый полк. Теперь мы с вами

практически останемся без резерва. Но пусть Петренко знает: больше никаких подкреплений он не получит и должен рассчитывать только на свои силы. Так ему и передайте…

Кстати, Чуваков и Петренко не были еще тогда лично знакомы. Василий Яковлевич не смог застать комкора на КП и представился ему потом по телефону: отлучиться из дивизии ему не позволяла обстановка.

Вскоре гитлеровцы снова пошли в атаку, были отброшены и после короткой передышки опять ринулись вперед. Потом атаки стали следовать одна за другой почти без пауз, и в каждой из них участвовали десятки танков. Противник хотел во что бы то ни стало прорвать наш фронт и захватить Чеповичи.

Всеми противотанковыми средствами в этом районе по указанию Чувакова руководил гвардии полковник Григорий Мартынович Фарафонов. Он был заместителем Квашневского и считался одним из лучших специалистов. Фарафонов всегда вызывал у меня да и у других товарищей невольную симпатию, потому что был очень душевным и в то же время твердым, пунктуальным человеком. Ему можно было поручить любое дело, зная, что оно будет четко выполнено. Вот и в тот раз Фарафонов лично контролировал выдвижение противотанковых средств в районы, назначенные комкором, помогал командирам размещать орудия, организовывал взаимодействие между батареями, а затем сам же принимал участие в отражении танковых атак противника. Находясь на одной из огневых позиций во время боя, Григорий Мартынович был ранен в ногу осколком снаряда. Его хотели увезти в медсанбат, но офицер наотрез отказался, только попросил санитара потуже перебинтовать рану. Фарафонов продолжал руководить артиллеристами до конца боев за Чеповичи. Вскоре после этого Григорий Мартынович был удостоен правительственной награды и был переведен от нас с повышением.

Не прорвавшись на участке 987-го и 989-го полков, гитлеровцы перенесли свои усилия чуть правее. Здесь стоял 985-й полк, отданный полковнику В. Я. Петренко из резерва комкора. Батальоны его только что вышли на указанные рубежи и, вполне естественно, не успели еще как следует обосноваться на новом месте. Не налажена была по-настоящему система огня, не организовано взаимодействие между подразделениями. Удар врага пришелся по левому флангу полка, и оборонявшаяся здесь рота была почти полностью уничтожена. Образовалась небольшая брешь, в которую противник сразу же устремился, правда пока небольшими силами. Тем не менее создалась реальная опасность прорыва нашей обороны. Положение спас сержант А. Ф.

Афанасьев, командовавший взводом, расположенным чуть правее. Афанасьев был мужественным, опытным фронтовиком. Еще на Днепре сержант проявил не только смелость и сноровку, но и находчивость, подлинное командирское умение при форсировании реки и взятии деревни Толкунская Рудня, за что был удостоен звания Героя Советского Союза.

Быстро оценив сложившуюся ситуацию, Афанасьев развернул свой взвод фронтом влево и приказал красноармейцам затаиться, не выдавая себя. Выждав момент, когда гитлеровцы подошли почти вплотную, сержант дал команду на открытие огня. Стрельба велась в упор, с дистанции 20–30 метров. Немецкие солдаты к тому же оказались на совершенно открытом пространстве. Одни сразу же были сражены меткими очередями автоматчиков, другие заметались в панике. Тогда Афанасьев поднял своих бойцов в контратаку. Фашисты откатились, и положение было восстановлено.

К вечеру в дивизии В. Я. Петренко не осталось в резерве ни одного взвода. Все, кто мог держать в руках оружие, дрались с врагом. В боевых порядках пехоты находились вся противотанковая артиллерия и минометы. По распоряжению штаба корпуса все специальные и тыловые подразделения тоже заняли оборону на указанном им рубеже. Воины отдельного саперного батальона под командованием капитана Г. С. Полуляхова продолжали минировать местность на наиболее опасных направлениях и одновременно дрались с фашистами на отведенном им участке как стрелки.

Командир саперного отделения Герой Советского Союза старший сержант И. К. Боев по приказу комбата выдвинулся со своими подчиненными вперед для постановки минного поля внаброс на пути фашистских танков. Но не успели они закончить работу, как гитлеровцы ринулись здесь в атаку. Один танк подорвался на мине, но другие прошли. Тогда Боев приказал бойцам укрыться в глубоких воронках и пропустить танки через себя. А как только машины прошли, саперы встретили приближающуюся пехоту врага дружным огнем. Вскоре на помощь им пришли артиллеристы 329-го противотанкового артиллерийского дивизиона майора И. А. Санченко. Командир, видя бедственное положение саперов, сосредоточил огонь одной из своих батарей по танкам противника и сумел остановить их. Вражеская атака была отбита.

Трудно даже перечислить всех, кто в те дни отважно, не жалея сил, сражался с врагом, — их были сотни. Память сохранила лишь некоторые имена. Это минометчик младший сержант Н. В. Кашин, действовавший в качестве артиллерийского

разведчика, как у нас тогда говорили, «на самом передке», автоматчик Герой Советского Союза рядовой Уразбай Джуманьязов, сапер рядовой В. Г. Акатов, командир взвода кавалер ордена Красной Звезды младший лейтенант Н. С. Шолтаев, разведчик капитан П. Д. Цеба, политработник майор Д. И. Фещук, полковой инженер старший лейтенант Е. В. Бекетов, командир 897-го стрелкового полка майор И. Г. Кузнецов и многие, многие другие. Героизм был поистине массовым!

К вечеру немцы, убедившись в том, что их попытки продвинуться вперед безуспешны, решили применить огнеметные танки. Это произошло на участке второго батальона 989-го стрелкового полка, где наши окопы не имели перекрытий, и, следовательно, бойцам негде было укрыться от палящего пламени. Вслед за «тиграми» огнеметные танки внезапно подошли к нашим окопам. Длинные струи желтого пламени в одно мгновение покрыли высоту. Рота старшего лейтенанта Р. Ф. Лев понесла серьезные потери: многие погибли, другие были обожжены и надолго вышли из строя. Гитлеровцам в этом месте удалось прорваться: позицию защищать было уже некому.

После ожесточенного десятичасового боя немцы овладели поселком Перемога и, вклинившись в нашу оборону до 3,5 километра, заняли станцию Чеповичи. Поздно вечером бой начал затихать.

Штаб корпуса, находившийся на северной окраине Чеповичей, в одном километре от переднего края обороны, переместили на юго-восточную окраину поселка, чтобы сохранить управление частями.

Вечером 20 декабря на КП корпуса приехал заместитель командующего 60-й армией генерал-майор Петр Максимович Зыков, чтобы на месте разобраться в обстановке. В армии уже знали о случившемся и принимали необходимые меры.

Одна бригада 4-го гвардейского танкового корпуса уже взаимодействовала с 226-й дивизией. На наше направление был переброшен для нанесения контрудара и резерв фронта — 25-й танковый корпус. Было приказано к исходу следующего дня восстановить положение. Исходя из этого, командир корпуса решил в ночь на 21 декабря произвести перегруппировку сил: за счет расширения фронта обороны частей второстепенного направления усилить группировку войск на правом фланге и создать здесь мощный ударный кулак. В частности, командиру 147-й стрелковой дивизии генерал-майору М. П. Якимову была поставлена задача вывести 640-й и 600-й полки с переднего края и занять ими оборону во втором эшелоне корпуса, чтобы не допустить прорыва противника на Чеповичи в юго-восточном

направлении. 248-я курсантская бригада растянула свои боевые порядки от юго-западной окраины Мелени до отметки 180,5, что позволило освободить часть сил 8-й стрелковой дивизии для использования их на главном направлении.

После полуночи генералы Чуваков и Зыков, решив все дела в штабе корпуса, выехали к Петренко, чтобы конкретнее познакомиться с положением дел на месте. Путь их лежал южнее станции Чеповичи. Мы тогда еще не знали, что отдельные немецкие танки с наступлением темноты могли прорваться дальше и выйти к железнодорожной насыпи, а следовательно, и к дороге, пролегающей рядом. Комкор и заместитель командарма, не подозревая об опасности, спокойно ехали по шоссе. Когда они обнаружили неподалеку от себя танки с крестами на броне, было уже поздно: те открыли огонь. Один из снарядов попал под машину генерала Зыкова. Взрывом был убит шофер. Петра Максимовича ранило. Адъютант вытащил его из горящего «виллиса» и укрыл в кювете, а потом, выждав, когда стрельба немного стихла, на плечах понес генерала к близлежащим позициям одного из наших подразделений. Там Зыкова перевязали и потом срочно отправили в медсанбат.

Машина Чувакова, в которую тоже попала болванка, перевернулась, и Никита Емельянович получил сильную контузию. Правда, вгорячах он выбрался сам из машины и сумел отбежать в сторону, но потом силы оставили его. Падающего, его подхватил шофер и вывел из зоны обстрела.

В такой же переплет и там же вскоре попали Петренко с полковником С. М. Черным, заместителем командира корпуса. Черный весь день пробыл на наблюдательном пункте 226-й стрелковой, находившемся в одном километре от переднего края. Отсюда открывался хороший обзор и было удобно руководить боем.

С наступлением темноты, когда немцы прекратили наконец атаки, Петренко и Черный решили перебраться на командный пункт дивизии, размещенный на юго-восточной окраине Чеповичей. Сев в свои машины, они отправились все по той же злополучной дороге. Потом Петренко рассказывал мне:

— Едем, ни о чем не подозревая. Вдруг вижу — впереди танк. Одна гусеница на середине дороги, другая — в кювете. И чего, думаю, его сюда черт занес. Еще хотел остановиться да выругать танкистов. Говорю шоферу: «Езжай тише, а то эта махина вздумает развернуться и нас нечаянно раздавит». Подъезжаем вплотную, гляжу — мама родная! — крест на башне, да и окраска характерная для «тигра». Шофер как жиманет на газ. А я ему: «Не гони, машина-то у нас трофейная. Немцы наверняка за своего

приняли, иначе бы уже огонь открыли». Ну и проскочили мы мимо. А вот «виллис» полковника Черного фашисты уже не пропустили, опомнились, видно, и открыли огонь из пулемета трассирующими. Машина загорелась. Черный с адъютантом и шофером еле успели выскочить. Все трое, отделавшись легким испугом, сумели скрыться между домами: ночь темная, иначе дело могло кончиться худо…

Вскоре после этого происшествия при довольно драматических обстоятельствах состоялось наконец личное знакомство генерала Чувакова с полковником Петренко.

Едва Василий Яковлевич отъехал немного от места встречи с «тигром», как увидел, что на дорогу выбежал какой-то красноармеец, замахал руками.

Петренко велел водителю остановиться.

— В чем дело? Кто вы? — спросил он бойца.

— Я шофер комкора. Вашу трофейную знаю по номеру, потому и остановил. Генерал здесь, в укрытии…

Тут подошел и Никита Емельянович:

— Я Чуваков… К вам направлялся, да вот какая история произошла…

Петренко привез комкора на свой КП и оттуда позвонил мне. Мы уже беспокоились, не имея от Никиты Емельяновича никаких известий.

Часа в два ночи Чувакова привезли на командный пункт корпуса. Состояние его было неважное. Говорить он почти не мог, страдал от страшной головной боли. И все же первым делом он спросил, как Зыков. Я успокоил комкора, сказав, что заместитель командующего уже отправлен в медсанбат. Предложил и Чувакову поехать туда же, но он отказался.

— Тут… отлежусь, — сказал с трудом. — Ничего мне… не сделается.

Мы уложили генерала на кровать. Врач сделал ему укол, и вскоре комкор заснул.

Меня позвали к телефону. Звонил генерал Тер-Гаспарян.

— Как дела? — спросил он.

Я коротко обрисовал обстановку.

— Какие меры приняты? — поинтересовался начальник штаба армии.

— К месту прорыва выдвинут корпусной противотанковый резерв в составе одного истребительно-противотанкового артполка и подвижной отряд заграждения. Немцы остановлены.

— Но Чеповичи вы все-таки сдали?

— Станцию — да. Но поселок продолжаем удерживать. Все, что зависело от нас, сделали. Вы же знаете, какая сейчас тут

сложная ситуация.

Тер-Гаспарян все, конечно, прекрасно понимал.

— Ждите решения командующего, — ответил он.

Вскоре позвонил начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов. Прежде всего он спросил о состоянии здоровья Чувакова. Там уже было известно о контузии комкора.

— Может быть, лучше в госпиталь его отправить? — предложил Боголюбов.

— Пытался уговорить. Не соглашается.

— Узнаю Чувакова, его настойчивость… Он всегда был таким. Но смотрите — вам виднее. Военному человеку, если он только в состоянии, и в самом деле лучше всего оставаться в строю… Как там у вас положение? Только что звонили из Генштаба, интересовались обстановкой в районе Чеповичей.

— Противник остановлен.

— Знаю. Но этого мало. Надо восстановить положение.

— Примем все меры.

— Готовьте свои соображения. Утром к вам прибудет командующий фронтом, — сказал в заключение А. Н. Боголюбов.

Сразу же после разговора я вызвал к себе всех начальников отделов и служб и, проинформировав их о прибытии командующего фронтом, дал указание подготовиться каждому по своей линии к докладу. На это отводилось два с половиной часа. К этому сроку все данные должны были сосредоточиться в оперативном отделе, где их следовало обобщить, чтобы подготовить комкору для принятия решения.

Никому из операторов, так же, впрочем, как и мне, в ту ночь не пришлось даже вздремнуть. Но зато к утру работа была закончена, и начальник оперативного отдела подполковник В. С. Новиков с удовлетворением сказал мне:

— Все готово, Сергей Александрович.

— Подождите радоваться, — предупредил я. — Могут быть такие вопросы, которых мы с вами не ожидаем.

— Ручаюсь, что мы предусмотрели все.

Чуваков встать не смог, и встречать командующего фронтом пришлось мне. Заслышав шум подъезжающих машин, я выскочил из избы и сразу почувствовал леденящий холод. Сыпал снег. Резкими порывами налетал ветер, пронизывая шинель как решето. Невольно подумалось: «Каково-то сейчас в окопах…»

Вместе с генералом Н. Ф. Ватутиным приехали член Военного совета фронта К. В. Крайнюков, командир 4-го гвардейского танкового корпуса П. П. Полубояров и командир 25-го танкового корпуса Ф. Г. Аникушкин.

Когда мы вошли в дом, лежащий на кровати Чуваков

попытался приподняться.

— Лежите, лежите, — торопливо остановил его Ватутин. — И не разговаривайте: вам это тяжело. Отвечать будет ваш начальник штаба. Он же в курсе дела. Верно, товарищ Андрющенко?

Я впервые видел командующего фронтом так близко. Николай Федорович был невысокого роста, коренастый, плотный. На его широком улыбчивом лице светились большие умные глаза. Высокий бугристый лоб был исчерчен резкими наломанными морщинами.

Ватутин попросил подробнее доложить ему о противнике. Я сделал знак начальнику разведотдела, и Курнышев подал заранее приготовленную карту. Ее ночью захватили в одном из подбитых немецких танков разведчики 226-й стрелковой дивизии. На карте были подробно нанесены обстановка, расположение гитлеровских войск, места нанесения их ударов на нашем направлении. Это был ценнейший для нас документ, раскрывающий замысел противника. Из него вытекало, что 1-я танковая и дивизия СС «Адольф Гитлер» наступают вдоль железной дороги Коростень — Малин, а 7-я танковая дивизия — с юга в направлении Устиновка, Слободка с целью соединиться с указанной выше группировкой и, окружив часть сил 60-й армии в районе Малин, Чеповичи, уничтожить их.

Едва взглянув на карту, командующий фронтом быстро спросил:

— Где раздобыли?

Я коротко рассказал, при каких обстоятельствах была захвачена карта.

— Молодцы ваши разведчики! — заметил Ватутин. — Эта карта лишний раз подтверждает правильность нашего прогноза относительно замысла противника. Немедленно снимите для себя копию, а карту отправьте нам для доклада Генштабу. Продолжайте, пожалуйста…

Я обрисовал положение, сложившееся к исходу минувшего дня, доложил о потерях, которые были особенно большими в 226-й стрелковой дивизии, принявшей на себя танковый удар врага.

— А где были ваши танки? — повернулся Ватутин к Полубоярову. — Вы же должны были взаимодействовать с двадцать третьим корпусом на этом направлении.

Поскольку командир 4-го гвардейского танкового корпуса задержался с ответом, я был вынужден доложить, что одна из подчиненных нам бригад вела бой вместе с 226-й дивизией.

— Я обращаюсь к Полубоярову, — строго заметил Ватутин.

Полубояров пожал плечами и спокойно сказал:

— Начальник штаба корпуса доложил вам правильно,

товарищ командующий, но танков-то у нас маловато: в бригадах по пятнадцать — двадцать машин, не более. Главные же силы по распоряжению генерала Черняховского ведут тяжелые бои с танками противника на стыке с тринадцатой армией.

Ватутин повернулся к Аникушкину:

— А к вам Чуваков обращался за помощью?

— Но мы же в вашем резерве, товарищ командующий, — доложил командир танкового корпуса.

Ватутин наклонился к карте и, обращаясь к Чувакову и ко мне, сказал:

— Необходимо за счет сто сорок седьмой и восьмой дивизий, собрав силы, двадцать третьего декабря восстановить утраченное положение. Я дам команду поддержать ваши действия авиацией. Через несколько дней нам предстоят новые большие дела. Конкретную задачу получите от командарма.

Генералы Н. Ф. Ватутин и К. В. Крайнюков уехали в штаб Черняховского, а мы начали ускоренными темпами готовить контрудар. Начать его было решено во второй половине дня 23 декабря. 226-я стрелковая должна была действовать совместно с частями, снятыми со второстепенных направлений. К участку прорыва мы подтянули три четверти всей артиллерии корпуса, а противотанковые орудия выдвинули в боевые порядки пехоты непосредственно к переднему краю. Для более конкретного руководства предстоящим боем, поскольку Н. Е. Чуваков чувствовал себя еще очень плохо, мне с группой офицеров штаба пришлось перебраться на наблюдательный пункт корпуса, расположенный в нескольких десятках метров от НП Петренко, где мы и оставались до завершения ликвидации прорыва. Вместе со мной там находились артиллеристы во главе с полковником В. А. Квашневским, начальник связи подполковник А. Ф. Шацкий с командиром корпусного батальона связи майором Н. М. Готовченко, операторы В. Е. Салогубов и К. Г. Андриевский.

Утром гитлеровцы предприняли четыре атаки силою до двух пехотных батальонов в сопровождении 20 танков. Ни одна из них успеха не имела. Тогда противник попытался ударить по участку обороны 8-й стрелковой дивизии. Генерал А. С. Смирнов позвонил мне и сказал:

— Мой левый фланг атакуют до полка пехоты и двадцать танков. А там у нас очень жидкая оборона. Мы же сняли часть сил. Может быть, подбросите туда что-нибудь?

— Ни в коем случае… Держитесь наличными силами. Постараемся помочь вам артиллерией, — ответил я и тут же приказал Квашневскому огнем корпусной артиллерийской группы помочь дивизии отразить атаку противника.

Для выяснения того, как организована оборона в левофланговом полку 8-й стрелковой и какой рубеж он занимает, туда был послан начальник топослужбы майор А. Ф. Зозуль. Через три часа он доложил, что атака немцев отбита, полк занимает позиции согласно приказу.

Видимо, чувствуя, что мы готовимся к ответному удару, гитлеровцы начали срочно укреплять занимаемые позиции, устанавливать минные поля, закапывать в землю танки, превращая их в огневые точки, значительно укреплявшие опорные пункты обороны.

В 14.00 23 декабря после короткой артиллерийской и авиационной подготовки 226-я дивизия во взаимодействии с подразделениями 4-го гвардейского танкового корпуса, частями 8-й и 147-й дивизий перешла в наступление. Противник попытался задержать наши войска на рубеже железнодорожной насыпи севернее Чеповичей и даже заставил наши стрелковые цепи залечь под артиллерийским и танковым огнем. Но полковник В. А. Квашневский приказал корпусной и трем дивизионным артиллерийским группам накрыть немецкие артбатареи и опорные пункты. Они были подавлены. Совместно с танками наша пехота снова двинулась в атаку.

В какой-то момент боя произошла заминка в продвижении частей 147-й стрелковой. Я связался с начальником штаба дивизии полковником И. С. Герасимовым:

— Почему топчетесь на месте?

— Встретили узел сопротивления, — доложил Герасимов. — Там у немцев танки и орудия, много инженерных заграждений.

— Так обтекайте этот узел и двигайтесь дальше не задерживаясь! Ваш сосед Петренко ушел вперед.

Подозвав капитана Макурина, я приказал послать корпусную группу разграждения на участок 147-й дивизии.

— Разрешите самому проследить за этим на месте? — попросил он.

Я ценил смелость капитана, но ведь место корпусного инженера было все-таки там, где решались основные вопросы управления войсками, потому спросил его:

— Разве у вас нет исполнителей, в которых вы были бы абсолютно уверены?

— Свой глаз вернее, — смутился Макурин и тут же добавил: — Сейчас распоряжусь, товарищ полковник.

К 16 часам гитлеровцы были выбиты из всех пристанционных построек. Станция Чеповичи перешла в наши руки. Линия фронта теперь проходила за ней более чем в полутора километрах. Развивая успех в направлении хутора Балярка, наши полки

овладели восточной окраиной Липляпы, колхозом «Перемога» и селом Иосифовка. Положение на участке 226-й стрелковой дивизии было полностью восстановлено.

На следующий день немцы, правда, попытались вернуть утраченные позиции. Они атаковали части 8-й стрелковой большими силами пехоты в сопровождении 30 танков, 12 самоходок и 15 бронемашин, но были отброшены, понеся большие потери. Всего в этих тяжелых боях в районе Чеповичей нами во взаимодействии с 4-м гвардейским танковым корпусом было подбито и сожжено свыше 100 танков и бронемашин, уничтожено 78 пулеметов, 24 миномета, 15 орудий и до 4200 солдат и офицеров противника. Большую роль, особенно в борьбе с танками, сыграла артиллерия. Опыт боев за Чеповичи показал возросшую маневренность противотанковых средств. Именно благодаря тому, что мы могли быстро перемещать их на наиболее угрожаемые направления, наши части успешно противостояли массированным танковым ударам немцев.

План немецко-фашистского командования по окружению советских войск в районе Чеповичи, Малин полностью провалился. 24 декабря потерпевшие поражение гитлеровцы начали отводить танковые дивизии с нашего участка в юго-западном направлении, где уже началось наступление основной ударной группировки 1-го Украинского фронта.

* * *

Во второй половине декабря 1943 года советское командование завершило сосредоточение довольно значительных стратегических резервов в районе Киева. В подчинение генералу Н. Ф. Ватутину были переданы 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко, 18-я армия генерал-полковника К. Н. Леселидзе, 1-я танковая армия генерал-лейтенанта М. Е. Катукова. Было решено начать новое мощное наступление в Правобережной Украине с целью разгрома противостоящих сил противника и выхода на реку Южный Буг. Предусматривалось нанести два удара: главный — по району Брусилова с последующим выходом на рубеж Липовец, Винница, Любар; вспомогательный, начав его двумя днями позже, — по малин-радомышльской группировке немцев с выходом на рубеж Любар, река Случь. Эту вторую задачу и предстояло решать войскам нашей армии, усиленной к тому времени двумя танковыми и одним кавалерийским корпусами.

60-й армии пришлось в тот период активно участвовать в

дезинформации противника. По распоряжению командующего фронтом в районе Перемога, Мелени, Чеповичи, Ксаверов демонстрировалось сосредоточение крупных войск пехоты и танков, распускались слухи, что мы перешли к жесткой обороне на всем фронте, а наступать будем лишь на коростеньском направлении. Гитлеровцы были введены в заблуждение, и удар основной группировки 1-го Украинского фронта оказался для них полной неожиданностью, что, безусловно, способствовало успеху Житомирско-Бердичевской операции.

28 декабря перешли в наступление и войска 60-й армии. Корпус прорывал оборону противника западнее Мелени на фронте до 18 километров. В первом эшелоне у нас были 8-я и 226-я дивизии, во втором — 147-я. 248-я отдельная курсантская стрелковая бригада, сыгравшая свою роль в боях за Чеповичи, была уже к этому моменту расформирована. Всем оставшимся в живых курсантам, превосходно показавшим себя в боях, по приказу Черняховского были присвоены офицерские звания, и они получили назначения в полки корпуса на должности командиров взводов.

За шесть дней наступления мы с боями продвинулись на юго-западном направлении до 120 километров. Наступавший правее нас 24-й стрелковый корпус начал отставать: немцы оказывали здесь более ожесточенное сопротивление. Фланг нашего корпуса, таким образом, оказался открытым. Тем временем действующие справа части 13-й армии обходом с севера перерезали дороги западнее Новоград-Волынского, лишив 147-ю немецкую пехотную дивизию путей отхода. Боясь полного окружения, она стала быстро отступать в южном направлении, то есть практически на нас. Утром 3 января 1944 года гитлеровцы, стремясь через Рогачев выйти к Шепетовке, достигли Кикова, где находился штаб 8-й стрелковой. Кроме штаба здесь были и спецподразделения. Завязался бой. Командир дивизии генерал-майор Андрей Семенович Смирнов лично возглавил оборону. В окопах вместе с бойцами сражались все офицеры штаба во главе с его начальником полковником Петром Ефимовичем Шелковенковым.

Срочно был поднят по тревоге 229-й стрелковый полк 8-й дивизии, находившейся на коротком отдыхе в районе Полонистое. Он был брошен к Юзефовке, чтобы не допустить выхода противника из окружения. Подразделения полка с ходу вступили в бой, так же как и два батальона 985-го полка 226-й дивизии, находившиеся в Рогачеве и срочно перемещенные в район Мазуры. Хотя немцы на этом участке были отброшены, но вскоре снова атаковали наши позиции из района Орелы силою до полка пехоты, но — безуспешно. К вечеру окруженная

группировка была полностью уничтожена.

11 января корпус возобновил наступление и, преодолевая сопротивление отдельных групп противника, к исходу следующего дня вышел к реке Корчик на рубеж Березцов, Романув. Здесь ему было приказано занять оборону и не допустить прорыва немцев из Шепетовки в северном направлении.

Укрепляя оборону, мы одновременно очень успешно вели разведку боем. Например, 15 января полковник В. Я. Петренко выслал усиленную стрелковую роту в направлении Славуты. Подразделение, не встретив сильного сопротивления, ворвалось в город и, уничтожив находившиеся там небольшие подразделения противника, овладело им. Было захвачено 25 складов продовольствия, отбит госпиталь военнопленных, где находилось 600 раненых и больных, которых гитлеровцы намеревались уничтожить. Помощь подоспела вовремя. Петренко поспешил усилить оборону Славуты еще одним батальоном 989-го стрелкового полка.

…Наступили январские морозы. Земля заледенела, стала как каменная. Сооружая укрытия, приходилось пускать в ход ломы, кирки. Красноармейцы в кровь сбивали себе ладони. И все же мы продолжали укреплять оборону. За десять дней было отрыто только ходов сообщения и траншей 23 000 погонных метров. И это сыграло свою роль при отражении контратак гитлеровцев, начавшихся 28 января из района Шепетовка, Городище. Противник рвался на Славуту и даже имел частичный успех: окружил в районе Плесной один батальон 985-го полка 226-й дивизии и овладел Плешином. Однако танки гитлеровцев вскоре были остановлены, а два из них, прорвавшиеся к Славуте, были уничтожены под Каменкой. Всего противник потерял здесь 13 танков, 3 бронемашины, 2 бронетранспортера и до 250 солдат и офицеров убитыми. Вечером 28 января немцы оставили Плешин. Вскоре они были выбиты и из Шепетовки. Здесь действовали 18-й гвардейский стрелковый и 25-й танковый корпуса.

Бои, которые вел корпус, продолжались. 25 февраля по распоряжению генерала Н. Е. Чувакова 8-я стрелковая дивизия перешла в наступление. Выйдя на реку Горынь, она освободила населенные пункты Болотовки, Хорошев, Юровка, Корнища, где и закрепилась. Части корпуса начали готовиться к мартовскому наступлению.

Глава третья
Мартовское наступление

Наступила весна третьего года войны. На Украине она была необычно ранней. Уже в январе начал таять снег. Вскоре пошли обильные дожди; реки вскрылись и вышли из берегов. К середине февраля распутица достигла предела. На многие десятки километров местность стала непроходимой. Под водой оказались не только пойменные луга, но и примыкающие к ним огромные площади низин и оврагов. На дорогах в жидком месиве увязали даже танки. Передвижение войск в таких условиях крайне затруднено. И если не принять предварительно продуманных и обоснованных мер, боевая техника и тылы будут отставать, а части не получат самого необходимого: продовольствия, боеприпасов, горючего.

Именно поэтому весной 1944 года немецко-фашистское командование надеялось, что распутица задержит наше наступление, даст ему передышку для пополнения потрепанных частей и создания надежной глубоко эшелонированной обороны, которую советским войскам уже не преодолеть. Кроме того, фашисты хотели еще хотя бы некоторое время попользоваться богатейшими ресурсами Правобережной Украины и судорожно вывозили из оккупированных районов все, что можно: уголь, железо, лес, продовольствие, культурные ценности. И, самое главное, угоняли в рабство население. Десятки эшелонов везли нашу молодежь на каторжные работы в Германию. Сотни тысяч советских людей томились в концлагерях, ставших фабриками смерти, стонала под фашистским сапогом еще значительная часть нашей многострадальной земли. Народ ждал освободителей, считая дни и часы до своего вызволения.

И мы понимали это, видя, через какой ужас фашистской неволи прошли люди в освобожденных нами городах и селах. Не было в армии воина, который бы всей душой не рвался вперед, не жаждал поскорее расквитаться с ненавистным врагом и избавить Родину от гитлеровской нечисти. Высокий наступательный дух в войсках нужно было поддерживать и направлять на решение больших и трудных задач. И для этого делалось все.

Противник, несмотря на большие потери, понесенные в предыдущих сражениях, был еще силен. По приказу Гитлера на восток после тотальных мобилизаций подбрасывались новые резервы. Везде, где только можно, гитлеровцы снимали боеспособные части и срочно перебрасывали их на советско-

германский фронт, особенно на участок от Черного моря до Припяти, который считали наиболее уязвимым. Сюда из Франции, Югославии, Дании, Германии спешно были передислоцированы четырнадцать дивизий, из них три танковые. Лихорадочно оборудовали фашисты рубеж обороны, строили укрепленные полосы по Южному Бугу, Днестру, на границах Румынии. Ряд городов — Ковель, Тернополь, Хотин, Каменец-Подольский, Могилев-Подольский, Яссы и другие — они объявили «крепостями» и приспосабливали их к упорной обороне. Комендантами в них назначались самые фанатичные нацисты, которым давалась неограниченная власть.

Разумеется, советское командование знало об этих мероприятиях и расчетах противника, однако приостанавливать наступление не намеревалось. Наоборот, еще в ходе зимней кампании Ставкой был разработан план освобождения всей Правобережной Украины. Уже 18 февраля, фактически еще при завершении Корсунь-Шевченковской операции, войска 1-го Украинского фронта получили указание готовиться к дальнейшему наступлению. Почти без паузы было решено начать новую операцию, вошедшую в летопись Великой Отечественной войны под названием Проскурово-Черновицкой.

Перед войсками нашего фронта у немцев были две танковые армии — 1-я и 4-я. Всего в них насчитывалось одна моторизованная, четырнадцать пехотных и десять танковых дивизий, а также одна мотострелковая бригада, действия которых поддерживала авиация 4-го воздушного флота. По данным нашей разведки, наиболее уязвимым у противника был левый фланг. Вот почему сюда и было решено нанести главный удар из района Шепетовки в общем направлении на Чертков силами нашей 60-й общевойсковой, а также 3-й и 4-й танковых армий. Ставилась задача расчленить группировку противника между Тернополем и Скалами, выйти к Карпатам, перерезав основную и, по сути, единственную железнодорожную магистраль, питающую южную группу гитлеровских войск. В результате немцы были бы вынуждены перейти на снабжение через Румынию, то есть путем, который вдвое длиннее и, конечно же, значительно сложнее.

По решению командарма И. Д. Черняховского районом прорыва обороны противника был установлен участок нашего корпуса. Таким образом, мы как бы ставились на острие главного удара.

К 24 февраля части корпуса занимали рубеж Хотень-2, Плужное, Плешин, составляющий примерно 50 километров по фронту. Непосредственного соприкосновения с противником мы не имели. Дело в том, что корпус располагался в лесах, удобных

для маскировки войск, а впереди была совершенно открытая, невыгодная в тактическом отношении местность. Кроме того, от линии Плужное, Михля до реки Горынь тянулась низина, залитая во многих местах водой. Вот почему между нами и немцами, оборона которых проходила по реке, была нейтральная зона шириной до 40 и глубиной 12–15 километров, в которой действовали разведгруппы. Помимо того, как у нас, так и у противника стояло местами боевое охранение.

25 февраля во второй половине дня корпус получил приказ командарма: для подготовки к предстоящей операции под прикрытием передовых отрядов уничтожить подразделения противника в нейтральной зоне, выйти на линию Ямполь, Белогородка к реке Горынь, с ходу захватить и удержать плацдармы на ее южном берегу, после чего приступить к инженерному оборудованию исходного района для наступления.

Прочитав шифровку, генерал Чуваков задумался, медленно прошелся по комнате, остановился у окна. По стеклу сползали тяжелые капли дождя. День был пасмурный, в доме царил полумрак.

— Да-а, погодка, — покачал он головой. — Ног из грязи не вытянешь.

К этому времени комкор уже оправился от контузии, так и не согласившись лечь в медсанбат хотя бы на день.

— Трудненько нам будет, — продолжал Никита Емельянович. — Всю артиллерию надо переводить на конную тягу. Иначе пехота останется без огневого прикрытия. Машины не пройдут даже по дорогам…

Глубина колеи на дорогах достигала 60–80 сантиметров. «Виллисы», считавшиеся вездеходами, и те застревали на околицах Белотина, где располагался штаб корпуса. Артиллерии же предстояло в ходе боя маневрировать не только огнем, но и, как говорится, колесами.

— Нам надо иметь хотя бы один маршрут, идущий вдоль фронта, — предложил я.

Чуваков тут же повернулся к полковнику Квашневскому:

— Верно. Будем прокладывать рокадную дорогу. Мобилизуем все внутренние резервы. Кроме того, надо связаться с местными властями и попросить у них помощи. Думаю, не откажут. — Комкор покосился на корпусного инженера, находившегося тут же. — Не забудьте, что нам еще предстоит готовить маршруты и переправы не только для себя, но и для танкистов. Следует обеспечить ввод в сражение двух танковых армий. А это при такой распутице очень нелегко!

— Понимаю, товарищ генерал, — отозвался капитан И. Т.

Макурин. — Надо — значит, сделаем. Мы уже подготовили предварительный расчет, по которому должны восстановить и проложить заново до тридцати километров дорог. Без помощи местного населения нам, конечно, не обойтись.

Постучавшись, вошел высокий плечистый генерал с худощавым волевым лицом, в мокрой от дождя плащ-накидке. Увидев Чувакова, он козырнул, представился:

— Командир триста пятьдесят первой стрелковой Шепетовской дивизии генерал Козик…

Мы уже ждали это соединение, зная, что оно вводится в состав корпуса.

— Что-то вы задержались, Емельян Васильевич, — заметил Чуваков, протягивая руку комдиву. — Теперь придется поторопиться.

Никита Емельянович подозвал Козика к карте и показал район, где его дивизия должна сменить 280-ю стрелковую — нашего соседа слева. Мы тут же прикинули расстояние, которое предстояло пройти дивизии Козика, и поняли, что раньше трех часов ночи он на месте не будет. Начало же действий передовых отрядов, которые должна была выделить 351-я, было назначено генералом И. Д. Черняховским на 8 утра. Так что на рекогносцировку своей полосы наступления времени почти не оставалось. Как показал опыт войны, смену и перегруппировку частей нужно производить хотя бы за сутки. К чести генерала Е. В. Козика и его начальника штаба полковника Г. М. Каравана, проявившего предельную оперативность, воины дивизии сумели в срок выполнить поставленную комкором задачу.

Когда генерал Козик собирался уходить, его вызвался проводить заместитель командира корпуса полковник С. М. Черный.

— Я знаю тот район, Никита Емельянович, — сказал он Чувакову, — все покажу, а потом останусь в дивизии и пройду с ней до реки Горынь.

Чуваков бросил на своего боевого товарища быстрый и суровый взгляд. Казалось, что вот-вот у него сорвется какое-нибудь крепкое словцо. Но он только суховато сказал:

— Нет, Степан Макарович, вы мне будете нужны здесь.

Я понял комкора. Всем нам был памятен недавний случай, происшедший с С. М. Черным под Славутой. Чуваков приказал ему выехать к Петренко для уточнения обстановки на месте. Сначала все шло хорошо. Степан Макарович вместе с передовым отрядом 226-й дивизии двинулся в направлении Славуты и, когда немцы перешли в контратаку, даже помог командиру организовать отпор. Однако дальше он поехал вперед сам, не

дождавшись подхода подразделений, которые двигались медленно. В поле бушевала метель, и трудно было ориентироваться. Черный добрался-таки до Славуты, оставленной уже к тому времени противником. Но он, разумеется, этого не знал и действовал, как говорится, наугад. При возвращении назад заместитель комкора напоролся на немцев, отходивших в западном направлении. Группа их оказалась немногочисленной, и полковник решил захватить ее в плен. Человек он был по натуре горячий, начинал войну командиром разведроты и привык смотреть в лицо опасности. Завязалась схватка. Однако гитлеровцы оказали сильное сопротивление. Вскоре к ним присоединилась еще одна группа, вышедшая из лесу. Черному с тремя сопровождающими его автоматчиками пришлось отходить, отстреливаясь. Адъютант его капитан И. Акимов был убит, один из бойцов ранен. Потом Степан Макарович получил от Чувакова не очень-то приятное внушение. «Ишь какой молодец-удалец нашелся! — сказал тогда комкор. — Помните, что каждый должен знать свое место в боевом строю».

Больше, правда, полковник Черный не допускал таких промахов. Исполнительный, знающий офицер, он понимал душу бойца и пользовался среди личного состава большим авторитетом. Через некоторое время Степан Макарович ушел от нас: он был назначен командиром 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии.

* * *

Подготавливая форсирование реки Горынь, мы учитывали, что оборона противника по ее южному берегу построена отдельными узлами и опорными пунктами с гарнизонами в 50–200 человек, а промежутки между ними прикрывались огнем. Но зато в районе Ямполя у немцев был сосредоточен значительный резерв пехоты и до 50 танков. Обладая большой маневренностью, эти силы могли в короткие сроки выдвинуться на угрожаемое направление. Исходя из этого, Н. Е. Чуваков решил построить боевой порядок корпуса в один эшелон и форсировать Горынь одновременно в нескольких местах, чтобы гитлеровцы не смогли определить, где наносится главный удар. По первоначальному плану, разработанному штакором, основная группировка артиллерии сосредоточивалась в полосе 8-й стрелковой дивизии, на нашем правом фланге. Туда же нацеливалась и приданная нам 1-я гвардейская артиллерийская дивизия. Но поскольку в ходе боя могли возникнуть самые непредвиденные обстоятельства (так

оно, кстати, потом и случилось), мы предусмотрели и другой вариант — использование артиллерии с маневром ее в центр боевого порядка.

Преодолеть расстояние, отделяющее нас от реки, предстояло передовым отрядам. Под их прикрытием выдвигались основные силы дивизий. Они должны были вступить в бой непосредственно при форсировании Горыни.

Накануне наступления почти все операторы выехали в части. Майор А. П. Федоров отправился в 8-ю дивизию. Туда же вскоре прибыл и я, поскольку именно там решалась главная задача. Майор К. Г. Андриевский был направлен в 351-ю стрелковую, а майор В. Е. Салогубов — в 226-ю. На месте с генералом Чуваковым остались лишь В. С. Новиков и И. Б. Смирнов.

Утром 26 февраля части корпуса перешли в наступление. Сбивая противника с промежуточных рубежей, передовые отряды 8-й стрелковой во взаимодействии с одним батальоном 4-го гвардейского танкового корпуса первыми вышли к реке Горынь на участке Германка, Вариводки, Ляховцы. Однако переправиться на другой берег они не смогли, остановленные сильным артиллерийским и пулеметным огнем.

В полдень я доложил комкору, что дивизия несет большие потери — зеркало реки простреливается насквозь, нет никакой возможности пустить в ход лодки и плоты, — и разумнее всего приостановить здесь наступление. Никита Емельянович согласился. Важно также было, что к этому времени у нас наметился успех на левом фланге. Генерал Козик сообщил, что один из его передовых отрядов сумел закрепиться на южном берегу Горыни. Вскоре подразделения 351-й дивизии захватили мост в районе Покащевки, и в ночь на 27 февраля ее главные силы начали переправу. Рано утром мне позвонил Андриевский (к тому времени я уже вернулся на КП корпуса) и радостно доложил, что дивизия расширила плацдарм в ширину до десяти километров и в глубину — от четырех до шести. Узнав об этом, Чуваков тут же приказал полковнику Петренко как можно скорее развить успех соединения Козика, чтобы немцы не успели опомниться. Это распоряжение было продублировано нашим оператором майором В. Е. Салогубовым, который к исходу дня сообщил, что 226-я дивизия тоже форсировала Горынь и расширила плацдарм еще на восемь километров.

Это заставило немцев снять основную часть танков из района Ямполя и перебросить их в район Белогородки. Они хотели во что бы то ни стало ликвидировать наш плацдарм. Одна за другой последовали контратаки крупными силами пехоты с 30 танками.

Нелегко пришлось нашим частям, не успевшим еще ни

врыться в землю, ни как следует организовать систему огня. Особенно трудное положение сложилось на участке 1161-го стрелкового полка 351-й дивизии, где как раз находился К. Г. Андриевский, рассказавший потом о подробностях боя. На позиции полка шло до 15 танков противника и до четырех батальонов пехоты. Артиллерии в наших боевых порядках было еще мало, поэтому основную борьбу с танками пришлось вести пехоте. И тут бойцы проявили подлинное бесстрашие и умение. Созданные заблаговременно из наиболее стойких и мастерски владеющих оружием красноармейцев команды истребителей танков выдвигались вперед и гранатами, минами, прикрепленными к длинным шестам (с их помощью мины подсовывались под гусеницы), подрывали вражеские машины, не давая им продвинуться вперед. Командир части подполковник Д. М. Банюк, находясь во втором батальоне, лично руководил отражением атаки. Он сумел так организовать огонь, что вражеская пехота была отсечена от танков и залегла. Стремительной контратакой гитлеровцы были отброшены назад. Полк продвинулся еще на несколько сот метров.

В тот день, 28 февраля, отважно сражались и воины 226-й дивизии. Они стойко обороняли захваченный плацдарм, отражая многочисленные атаки противника.

На одну из рот 987-го полка майора А. И. Иванова надвигалось до сотни гитлеровцев в сопровождении шести танков. Превосходство врага было явное. Командир роты лейтенант В. Ф. Котов запретил открывать огонь без его команды. Немцы были уже метрах в ста, рота молчала: дисциплина в бою соблюдалась свято. Кое-кто из красноармейцев, особенно молодых, заволновался. Люди нетерпеливо поглядывали на командира: скоро ли? Но лейтенант Котов, обладавший завидной выдержкой, молчал. Воевал офицер уже второй год, а для пехотного командира это срок немалый.

И когда считанные десятки метров отделяли гитлеровцев от наших окопов, последовала наконец долгожданная команда «Огонь!». Первые же залпы, сделанные почти в упор, буквально скосили бежавших впереди солдат противника. Остальные пришли в замешательство. Истребители танков подбили сразу две машины. Через несколько минут загорелась третья. Огонь усиливался, гитлеровцы несли большие потери и вскоре начали откатываться на исходные позиции.

За мужество и высокое командирское мастерство, проявленные в этом бою, лейтенант В. Ф. Котов был награжден орденом Красного Знамени.

Большую роль при отражении танковых атак сыграли

полковые артиллеристы. Они буквально на руках перетаскивали пушки на южный берег Горыни. Орудия были поставлены в боевые порядки пехоты на прямую наводку. Батарейцы сражались геройски. Хорошо помню одного из них — рослого, широкоплечего красавца курянина с круглым, добродушным лицом. Он, Матвей Константинович Дербунов, командовал взводом 76-мм пушек в 985-м стрелковом полку все той же 226-й дивизии.

В бою под селом Гулевицы гитлеровцы бросили на левый фланг полка до двух батальонов пехоты и восемь танков. Два из них двигались прямо на позицию артиллеристов. Старший сержант Дербунов сам стал на место наводчика первого орудия. Двумя выстрелами он подбил одну машину. В это время рядом разорвался снаряд. Дербунову землей запорошило глаза, осколком зацепило бедро. Но воин не оставил места у панорамы. Протерев глаза и наспех перетянув рану, он продолжал вести огонь и вскоре поджег еще один танк. Но тут неожиданно из-за бугра вывернулась третья машина. Поливая наши окопы из пулеметов, она двинулась прямо на огневую позицию взвода Дербунова. Матвей приказал быстро развернуть орудие и, прицелившись, выстрелил. Танк замер метрах в пятидесяти от пушки.

Вскоре старший сержант М. К. Дербунов за проявленное мужество был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Поскольку обстановка на левом фланге усложнилась и немцы продолжали контратаковать, комкор решил перебросить туда на усиление группировки приданную нам 1-ю гвардейскую артиллерийскую дивизию. Сделать это было не так-то легко. Даже «студебеккеры», имеющие большую проходимость, застревали. Люди выбивались из сил, помогая передвижению техники. Все прекрасно понимали, что от них сейчас во многом зависит успех боя на плацдарме.

К указанному сроку орудия были установлены на новых позициях. Своим огнем они помогли 351-й и 226-й стрелковым дивизиям отбить многочисленные атаки противника и удержать плацдарм.

Тем временем на участке 8-й стрелковой дивизии создалась благоприятная для нас обстановка. Сняв отсюда общевойсковой и танковый резервы, немцы ослабили свою оборону. Об этом сразу же стало известно штабу дивизии, которым руководил опытный специалист, человек большого тактического кругозора полковник Петр Ефимович Шелковенков. Когда он сообщил генералу Смирнову о сложившейся ситуации и предложил воспользоваться

ею, комдив согласился с ним. Позвонив мне, он сказал:

— Прошу доложить комкору, что мы можем начать форсирование реки ночью. Момент очень выгодный. Его не следует упускать!

Н. Е. Чуваков дал Смирнову разрешение действовать, и в ночь на 1 марта дивизия начала форсирование Горыни. Не встречая сколько-нибудь серьезного сопротивления, части высадились на южном берегу реки и стали быстро продвигаться вперед. Утром, часов около десяти, Шелковенков сообщил мне: соединением захвачен плацдарм протяженностью шестнадцать километров. Я поздравил его и выразил надежду, что он сделает все для закрепления достигнутого успеха.

По распоряжению генерала Чувакова на плацдарм, захваченный 8-й дивизией, была срочно переброшена 12-я бригада 4-го гвардейского танкового корпуса. Немного позже под прикрытием темноты на участки, занятые 351-й и 226-й дивизиями, была перебазирована 13-я танковая бригада того же корпуса. Теперь-то противнику было трудно сбросить наши войска с плацдарма. Все попытки гитлеровцев добиться этого окончились неудачей. Лишь на участке одного из полков 226-й дивизии они немного потеснили наши подразделения и захватили мост через реку в районе Сосновки. Однако остальные участки войска корпуса удерживали прочно.

Учитывая, что две дивизии — 351-я и 226-я — заняли плацдарм до 18 километров по фронту и около шести в глубину, Чуваков, обсудив с работниками штаба сложившуюся обстановку, решил перенести направление главного удара с правого фланга, как это намечалось ранее, в район Мокра Воля, ближе к левому флангу.

— Так и будем докладывать командующему армией, — подытожил наш разговор Никита Емельянович. — Он приезжает завтра.

В памяти отчетливо запечатлелся тот холодный мглистый день 1 марта. Дождя не было, но промозглая погода держалась уже неделю. Сырость пропитывала воздух, густой туман лежал в узких уличках поселка Белотин, куда 24 февраля передислоцировался КП корпуса. Накануне нам позвонили из штаба 60-й армии и сказали, что генерал Черняховский выехал в части и намеревается вскоре быть в корпусе. Ждали мы его с понятным нетерпением. Приезд командарма обычно предвещал важные события.

И. Д. Черняховский приехал сразу же после обеда. Был он, как всегда, энергичен, подтянут, подвижен. Глаза генерала поблескивали задорно, но на усталом красивом лице его можно

было заметить озабоченность.

Командарм подтвердил печальную весть, которая уже дошла до нас: при объезде войск командующий фронтом Николай Федорович Ватутин был тяжело ранен украинскими буржуазными националистами (15 апреля он скончался). Мы все знали Ватутина лично, неоднократно встречались с ним, и поэтому эта утрата была для каждого особенно тяжелой.

— С сегодняшнего дня, — сказал Черняховский, открывая совещание, — по приказу Ставки в командование войсками нашего фронта вступил Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Просторная изба, которую мы занимали, была переполнена. Помимо оперативной группы, приехавшей с Черняховским, Чувакова, меня, Новикова, Макурина, Квашневского и начальника политотдела корпуса полковника Романова здесь находились оба командующих танковыми армиями генералы В. М. Баданов и П. С. Рыбалко со своими операторами, а также командир 1-й гвардейской артиллерийской дивизии генерал А. Н. Волчок.

Черняховский говорил негромко, размеренно, четко. Нам всегда нравилась его собранность и сдержанность. При постановке боевых задач он был подчеркнуто точен и предельно лаконичен. В напряженной тишине, стоявшей в комнате, отчетливо звучал его спокойный голос.

Нашему 23-му стрелковому предстояло, действуя на главном направлении совместно с частями 4-го гвардейского танкового корпуса, прорвать оборону противника и обеспечить ввод в сражение обеих танковых армий с рубежа Ляховцы, южная окраина Белогородки. Для усиления нам помимо 1-й гвардейской артиллерийской и 23-й зенитно-артиллерийской дивизий, уже бывших в нашем распоряжении, придавались 24-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада и пять отдельных истребительно-противотанковых полков, а также два полка гвардейских минометов и три саперных батальона. Силы были, конечно, немалые, но и задача ставилась довольно сложная, особенно если учесть весеннюю распутицу и то количество боевой техники, которое предстояло пропустить по почти непроходимым дорогам. Естественно, что именно это и беспокоило всех в первую очередь.

— А как же будет обеспечиваться продвижение наших танковых колонн? — спросил генерал Баданов, едва командарм умолк.

Иван Данилович, развернув карту инженерного обеспечения операции, ответил:

— Двадцать третий корпус и инженерные части армии

подготовят вам два маршрута. Первый — Плужное, Ляховцы. Второй — Белотин, Михнов.

— Маловато, — заметил с места генерал Рыбалко. — Хотя бы еще по одной дороге на армию.

— Понимаю ваше беспокойство, но… нам с имеющимися инженерными средствами дай бог справиться с двумя маршрутами. Кроме того, еще предстоит завершить постройку и восстановление двенадцати мостов грузоподъемностью от шестнадцати до шестидесяти тонн через Горынь…

— Мы решили добавить строительство еще четырех мостов, товарищ командующий, — подсказал армейский инженер. — Иначе танковые армии не пройдут.

— Вот видите! — воскликнул Черняховский. — Уже не двенадцать, а шестнадцать мостов. Представляете, какой это объем работ!

— Тогда возникает законный вопрос, — поднялся Рыбалко. — Как быть с авиационным прикрытием? Ведь танки, вытянувшиеся длинной кишкой, при выдвижении для ввода в сражение будут прекрасной мишенью для воздушного противника…

— Резонно, Павел Семенович, — отозвался командарм. — Если позволит погода, истребительно-авиационное прикрытие будет осуществляться по особому плану фронта, о чем вы, очевидно, частично знаете.

Большое внимание на совещании было уделено вопросам взаимодействия, особенно до рубежа ввода в сражение танковых армий. Черняховский в деталях разобрал все варианты возможных действий, тщательно согласовал по месту и времени боевые усилия соединений, порядок пропуска танков через боевые порядки пехоты, их артиллерийское и инженерное обеспечение.

После перерыва на картах была проведена военная игра на тему предстоящей операции. Н. Е. Чуваков доложил И. Д. Черняховскому, что, по его мнению, главный удар корпус должен наносить своим левым флангом, прорывать оборону противника смежными флангами 351-й и 226-й дивизий на участке Мокра Воля, Белогородка, но для этого он будет просить командарма сузить полосу наступления корпуса, которая в настоящее время достигает 50 километров.

— А как вы полагаете, где лучше всего наметить рубежи ввода в сражение танковых армий? — поинтересовался Черняховский.

Мы заранее думали над этим вопросом и пришли к единому мнению. Поэтому Чуваков уверенно ответил, что эти рубежи выгоднее определить для 4-й танковой армии — Вязовец,

Погорельцы, а для 3-й — Окоп, Белогородка.

Рыбалко и Баданов согласились с комкором. И Черняховский остался доволен таким единодушием. Затем он дал несколько вводных о предполагаемых контрмерах противника и «проиграл» наши наиболее целесообразные ответные действия. Это позволило участникам совещания хорошо уяснить и порядок предстоящих боевых действий, и свое место в выполнении поставленных задач, что потом очень благотворно сказалось на ходе операции.

Подводя итоги, командарм подчеркнул, что нам оказана большая честь: в полосе корпуса будут одновременно вводиться две танковые армии — подобного в истории войны еще не было. Это, конечно, ко многому нас обязывало.

Совещание закончилось поздно. Все сразу заторопились в части. Собрался уезжать и Черняховский.

— Может быть, останетесь у нас переночевать, товарищ командующий? — предложил генерал Чуваков.

— За приглашение спасибо. Но… — Черняховский развел руками, — извини, Никита Емельянович, некогда. Отдыхать будем в основном после войны. — Он улыбнулся и протянул Чувакову руку. — Да и тебе, вероятно, сегодня не придется поспать. Поезжай-ка в двести двадцать шестую и наведи там порядок. Даю вам пять часов, чтобы восстановить положение!..

* * *

На плацдарме в 226-й дивизии оборонялись два полка. Командовали ими еще молодые, недавно назначенные на эти должности офицеры — майор А. И. Иванов и капитан С. М. Цехмистро, люди горячие, отважные, но не имевшие большого боевого опыта. Дрались воины упорно. Оба полковых НП находились почти на линии передовых окопов, откуда Иванов и Цехмистро руководили боем. Но если 987-му стрелковому ценой больших усилий удалось остановить врага, а затем и вернуть утраченные позиции, то 989-й полк не выдержал танковых ударов противника и начал отходить. Немцы, как уже было сказано, захватили на его участке мост через Горынь, который был очень нужен для предстоящего наступления.

На левом фланге полка Цехмистро был отрезан и прижат к самому берегу батальон капитана И. А. Топоркова. Гитлеровцы хотели во что бы то ни стало сбросить его в Горынь, однако, несмотря на превосходство в силах, особенно в танках, не смогли этого сделать. Подразделение закрепилось на узком участке и

больше не отступило ни на шаг. Топорков, воевавший третий год (он имел ранение, был награжден двумя орденами, а за описываемый бой комбат получил третий — орден Красного Знамени), быстро восстановил систему огня, связался со штабом полка по рации и попросил помочь ему артиллерией. Гитлеровцы несколько раз атаковали батальон, но безуспешно.

Когда я ночью позвонил В. Я. Петренко, чтобы узнать, как у него дела, и предупредить о приезде комкора, комдив сказал:

— Меры уже принимаем, Сергей Александрович. Решили провести ночную атаку.

— Какими силами?

— Двумя полками во взаимодействии с танкистами.

— А успеете ли подготовиться?

— Раз надо, должны успеть. Как твое мнение?

— Думаю, Чуваков утвердит ваше решение.

Потом мне Петренко сообщил, что прибывший на НП дивизии Чуваков одобрил его план, только добавил, что и батальону Топоркова необходимо атаковать противника.

Начало атаки было назначено на два часа ночи 2 марта. Таким образом, Петренко и его штабу во главе с подполковником В. Ф. Наумовичем пришлось решать эту задачу в очень ограниченные сроки. А сделать предстояло многое. Правда, артиллерию они стали подтягивать к реке заблаговременно. Но всякое ее продвижение было связано с большими трудностями. Пушки, к тому времени переведенные на конную тягу, тонули в непролазной грязи. Бойцам приходилось впрягаться в лямки и тащить орудия, помогая лошадям. Нужна была величайшая организованность, чтобы осуществить смену огневых позиций в столь сжатые сроки. И тут очень хорошо проявил себя командующий артиллерией дивизии полковник Б. Г. Кляцких, отличившийся еще при форсировании Днепра. Все эти дни Борис Генрихович находился в артиллерийских частях и лично руководил перегруппировкой. Около двух часов ночи он доложил полковнику Петренко, что орудия установлены на указанных им позициях и готовы к открытию огня. Только после этого комдив обратился к Чувакову, остававшемуся на НП дивизии, и попросил разрешения начать атаку.

После короткого, но сильного артналета 985-й полк и полк С. М. Цехмистро поднялись в атаку. Первой на злополучный мост, который уже не раз переходил из рук в руки, ворвалась рота лейтенанта Т. Е. Клементьева из 989-го полка. Немцы взорвали один из пролетов. Но это не остановило наших бойцов. Они перебросили через провал веревки, потом бревна. Через несколько минут воины уже атаковали фашистские окопы,

расположенные вдоль берега. Подразделения 985-го полка на плечах отступающего противника ворвались в деревню Сосновка. Вместе с ними действовал также и батальон капитана Топоркова.

В десять утра Н. Е. Чуваков доложил генералу Черняховскому, что его приказ выполнен. 226-я стрелковая Глуховско-Киевская Краснознаменная дивизия не только вернула утраченные позиции, но и значительно расширила захваченный плацдарм. Мост через Горынь действует: взорванный пролет восстановлен саперами.

Пока происходили описываемые события, штаб корпуса развернул работу по подготовке предстоящего наступления. В связи с тем что изменялось направление главного удара (об обстоятельствах, заставивших комкора сделать это, уже рассказывалось выше), предстояло не только все рассчитать, перепланировать заново, но и проделать еще массу дополнительной работы. К району Мокра Воля, в частности, нужно было перегруппировать большое количество войск и особенно артиллерии, инженерных средств, перенацелить транспорт, подвоз боеприпасов, завершить большой объем дорожных работ. Задача это нелегкая, и выполнить ее в ходе боевых действий очень сложно.

В течение почти двух суток штаб корпуса, все отделы и службы не имели ни минуты отдыха. Для разработки проекта боевого приказа, плановой таблицы боя, схемы огней артиллерии по периодам артнаступления и плана контроля за выполнением решения комкора мы выделили специальную группу во главе с Василием Семеновичем Новиковым, работавшим, кстати, у нас последние дни, так как вскоре он ушел на повышение. В группу вошли операторы Андриевский и Федоров, представители танковых армий и 1-й гвардейской артиллерийской дивизии, а также начальник штаба артиллерии корпуса майор С. П. Михайлов, начальник отдела связи подполковник А. Ф. Шацкий и начальник штаба тыла подполковник В. И. Бочкарев. Им отвели специальную комнату, куда никому, кроме комкора, меня и В. А. Квашневского, входить не разрешалось.

Особое внимание при планировании было обращено на обеспечение войск в связи с распутицей: передвижение артиллерии, подвоз боеприпасов, питания, эвакуацию раненых и организацию связи. По предложению Алексея Федоровича Шацкого связь была организована многоканальная — по линии основных КП и отдельно по линии НП, что обеспечивало ее бесперебойность на весь период прорыва. С вводом в сражение танковых армий планировалось перейти на осевое направление связи с подачей шлейфов от штадивов. Основной упор при этом

был сделан на сочетание работы проводных и радиосредств связи.

При планировании пришлось пересматривать и построение боевых порядков дивизий. Дело в том, что по распоряжению генерала Черняховского, поскольку мы находились на острие главного удара армии (командарм учел здесь и просьбу Н. Е. Чувакова), фронт, занимаемый нами, был значительно сужен. 8-я стрелковая дивизия сдала часть участка обороны в 12 километров соседу справа — 28-му корпусу, а 351-я свои 14 километров — правофланговому полку 280-й дивизии 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Таким образом, у нас остался участок фронта шириной всего 27 километров. В связи с этим высвободившаяся 351-я дивизия к утру 3 марта была выведена в район Ляховцы для использования ее в центре боевого порядка.

На направлении главного удара было сосредоточено 564 орудия и миномета и, кроме того, два полка гвардейских минометов, то есть больше сорока установок М-13. Для прорыва очаговой обороны противника такого количества было достаточно.

Части 351-й и 226-й стрелковых дивизий должны были прорвать оборону противника на участке Мокра Воля, выйти на рубеж Вязовец, Погорельцы, Белогородка и обеспечить проход через свои боевые порядки сил 3-й и 4-й танковых армий. В полосе действий 8-й стрелковой на правом фланге оставался лишь один истребительно-противотанковый полк и пушечно-артиллерийская бригада на тот случай, если немцы вздумают все-таки контратаковать из района Вязовец, где у них сосредоточивалось еще довольно значительное количество танков. Очень правильно — и бой это подтвердил — была нами использована 1-я гвардейская артиллерийская дивизия. Оставаясь в распоряжении командира корпуса как мощный огневой кулак, она была поставлена в центре боевых порядков для создания массированного огня на любом направлепии в полосе прорыва.

Артподготовка планировалась нами продолжительностью сорок минут. Поскольку у противника не было сплошного рубежа обороны, огонь намечалось вести по всем опорным пунктам, артиллерийским и минометным батареям, районам скопления пехоты и танков.

Времени для подготовки наступления, как всегда, было мало. Операторы, за исключением майора А. П. Федорова и капитана И. Б. Смирнова, выехали в дивизии, чтобы на месте конкретно довести до командиров частей боевые задачи и проверить, как они выполняются войсками. Федоров же и Смирнов под руководством подполковника В. С. Новикова занялись оформлением боевой документации.

Оперативно, с предельной нагрузкой работали все отделы и службы штаба корпуса. Особенно трудно было в тот период саперам, которыми по-прежнему руководил капитан И. Т. Макурин. Сам он почти все время находился в частях, создавая специальные подвижные отряды для обслуживания дорог и их содержания в ходе боя.

На рассвете 4 марта после мощной артиллерийской подготовки соединения 60-й армии перешли в наступление. В то утро на командном пункте корпуса, как это обычно бывает в начале большого наступления, царило напряжение. Каждый с тревогой и надеждой ждал первых вестей с передовой. Как там пойдут дела? Удастся ли прорвать оборону противника? Насколько велики будут потери? Особенно нервничали корпусной инженер И. Т. Макурин и заместитель командира корпуса по тылу подполковник Г. Ф. Величко. Один из них шагал по блиндажу из угла в угол, другой беспрерывно курил. Я понимал их: погода оставалась скверной — шел дождь, и проходимость техники и подвод была сильно ограничена. А тому же Величко с его тыловиками предстояло на гужтранспорте ежедневно подвозить около 60 тонн боеприпасов и 30 тонн фуража, не считая продовольствия и иного имущества — тоже десятки тонн.

Макурин, более нетерпеливый, несколько раз подходил ко мне, спрашивал:

— Ну как там, товарищ полковник? Продвинулись?

Обычно меня опережал с ответом сидевший неподалеку начальник политотдела полковник А. И. Романов:

— Выдержки побольше, товарищ инженер! Дайте срок, продвинутся!

В голосе его звучала непоколебимая уверенность. Я так же, как и Макурин с Величко, опасался, что техника и особенно артиллерия отстанут от танков и пехоты. Темп наступления планировался довольно высокий: до 13–15 километров в сутки. А наступать ведь без огневого сопровождения…

Опасения наши, кстати, оправдались, но значительно позже — в глубине. К четвертому дню наступления истребительно-противотанковая артиллерия отставала на сутки, а гаубичная и пушечная — на двое. Орудия, сопровождавшие пехоту в боевых порядках, не имели уже достаточного количества боеприпасов и не могли надежно подавлять встречающиеся очаги сопротивления. И это замедляло наше продвижение на отдельных направлениях.

Часов в одиннадцать утра поступило наконец первое донесение от Василия Яковлевича Петренко. Он сообщил, что прорвал оборону гитлеровцев на своем участке и, обходя с

востока группировку противника в Жмерицах и Мокрой Воле, продвигается вперед, встречая довольно сильное сопротивление.

Вскоре пришла весть и от генерала А. С. Смирнова. Его дивизия, не встречая серьезного сопротивления, подходила к указанному ей рубежу — Вязовец, Долгаевка.

В заданном темпе продвигалась и 351-я стрелковая. Генерал Е. В. Козик донес, что его 1161-й полк окружил небольшую группировку противника в районе Новой Гребли, а 1159-й и 1157-й стрелковые, разгромив врага под Мокрой Волей, развивают наступление в направлении Денисовки.

В полдень мы получили долгожданное сообщение о том, что по выходу корпуса на рубеж Вязовец, Чолгузов, Окопы, Белогородка в прорыв введены части 3-й и 4-й танковых армий. Они продвигались на юг и юго-восток в сторону Проскурова.

— Свершилось то, за что мы больше всего переживали, — обрадованно сказал мне полковник Романов после звонка Чувакова на командный пункт. Комкор, конечно, первым узнал о вводе танковых армий, так как все это время находился на наблюдательном пункте, расположенном на южном берегу Горыни.

Начальник политотдела, повеселев, надел шинель и заторопился к выходу.

— Поеду к Петренко, — сказал он мне. — У него, пожалуй, сейчас складывается самая трудная обстановка.

С вводом в сражение армий Баданова и Рыбалко 226-я дивизия во взаимодействии с частями 4-го гвардейского танкового корпуса разгромила вражескую группировку в районе Белогородки. Части штурмовой бригады СС «Лангемарк», опасаясь окружения, начали поспешно отходить в направлении поселка Туровка. В этот момент немецкое командование стало выдвигать из Проскурова в район Базалии танковую дивизию СС «Адольф Гитлер», чтобы нанести контрудар по прорвавшимся частям 3-й танковой армии. В полосе же наступления корпуса у противника действовало до полутора дивизий пехоты, один артполк и до 70 танков и самоходок. Эти данные начальник разведотдела корпуса майор Ф. С. Курнышев доложил Чувакову, когда мы поздно вечером собрались на КП.

— А поконкретнее можно? — спросил Никита Емельянович.

— Можно и поконкретнее, — спокойно отозвался Курнышев. Он был удивительно хладнокровным человеком. В любых, даже самых драматических, обстоятельствах поступал осмотрительно, не торопясь. — Против нас действуют части шестой танковой дивизии противника, остатки разбитой двести девяносто первой пехотной дивизии, курсанты танковой школы СС, офицерская

штрафная рота, а также шесть саперных строительных батальонов.

— А эти-то зачем здесь? — удивился Чуваков.

— Их задачей до последнего времени была охрана железнодорожной магистрали Проскуров — Тернополь. Ну а сейчас уже не до охраны.

— Не до жиру, быть бы живу, — усмехнулся комкор.

Он пометил что-то на своей рабочей карте и, отпустив разведчика, повернулся ко мне: — Медленно мы продвигаемся, медленно…

— Но за первый день части с боями прошли от десяти до четырнадцати километров, — заметил я. — Если учитывать распутицу, не так уж и плохо.

Генерал Чуваков потер ладонью утомленные глаза. Чувствовал он себя неважно, где-то простудился. Да и последствия контузии, как видно, все еще сказывались. Вид у комкора был нездоровый, но он никогда не жаловался, а от медиков, которые рекомендовали подлечиться, отдохнуть, только раздраженно отмахивался: «Некогда, некогда…»

— Надо принять меры против угрозы на левом фланге, — после паузы вновь заговорил Чуваков. — Немцы определенно готовят там контрудар и нанесут его в ближайшие же дни. — Он подозвал полковника Квашневского: — Надо, Владимир Александрович, любой ценой подтянуть завтра артиллерию к району Базалия.

Офицер хотел что-то возразить, но комкор жестом остановил его.

— Понимаю, что трудно. Но надо! — Он повернулся ко мне: — Подготовьте распоряжение полковнику Петренко: быть в готовности к отражению контратак из района Базалии. И, кроме того, Сергей Александрович, необходимо усилить двести двадцать шестую дивизию саперами. При необходимости пусть ставят минные поля внаброс на путях возможного движения немецких танков. Хоть этим мы сможем как-то компенсировать недостаток артиллерии. Ну и о своих группах истребителей танков тоже пусть по забывают. Напомните им об этом…

* * *

Весь день 5 марта соединения корпуса продолжала продвигаться вперед. Но если на участках 8-й и 351-й дивизий противник, отступая, прикрывался лишь заслонами, которые, как правило, сбивались с ходу, то против 226-й стрелковой, как и

предсказывал комкор, сопротивление здесь начало нарастать. Гитлеровцы бросили в контратаку до полка пехоты, 30 танков, и они настойчиво пытались остановить наше наступление.

В этом встречном бою хорошо проявил себя Василий Яковлевич Петренко. Прежде всего он упредил противника в захвате выгодного рубежа, что впоследствии сыграло немаловажную роль. Фашисты вынуждены были контратаковать из низины, да еще по раскисшей целине, они конечно же двигались медленно, и наши бойцы уничтожали их еще на подходе. Артиллерии в боевых порядках у полковника Петренко было мало, но он сумел так расставить орудия, что они вели в основном фланговый, наиболее уязвимый для танков огонь. Хорошо поработали и группы истребителей танков. Совместно с саперами они уничтожили свыше десятка машин. Выбрав момент, когда немцы уже выдыхались, командир дивизии поднял своих людей в атаку. Гитлеровцы начали отступать.

За пять дней корпус продвинулся с боями на 60–65 километров и достиг рубежа Молчанувка, Куриловка, Левковцы. Таким образом, мы проходили по 13–15 километров в сутки. Темп был такой, как мы и планировали. И все-таки, если бы не отставали так артиллерия и боевой обоз, корпус мог бы наступать гораздо быстрее. Кроме того, части имели слабое взаимодействие с танкистами. Довольно тщательно спланированное, оно в ходе боя часто нарушалось. Наши полки теряли связь с танковыми бригадами. Я был вынужден трижды посылать в штаб 3-й и 4-й армий начальника автобронетанковых войск корпуса подполковника Ф. И. Андреева. Однако если он и восстанавливал утраченное взаимодействие, то не надолго. И повинны были в том не только танкисты. Подводя впоследствии итоги боев, мы указали на это комдивам. Оперативным отделом была составлена по мартовской операции специальная разработка с анализом как положительного опыта, так и недостатков. Этот документ тщательно изучали все офицеры, и он сослужил нам неплохую службу. На конкретном боевом опыте люди осваивали умение воевать, перенимали все лучшее, положительное, учились избегать ошибок.

8 марта совместными усилиями 226-й и 351-й дивизий была взята Базалия. Остатки разбитых немецких подразделений, бросая технику, отступили в сторону Проскурова. В тот же день одновременно в нескольких местах северо-западнее Скалата части 8-й стрелковой вышли на железную дорогу Проскуров — Терпополь. Тогда же, как нам стало известно, 4-я танковая армия, сломив сопротивление противника в районе Волочиска, захватила большой участок железной дороги Львов — Одесса. Таким

образом, была выполнена одна из основных задач операции 1-го Украинского фронта: перерезаны главные магистрали, питающие из Германии через Польшу всю группу немецких армий «Юг».

Разумеется, фашистское командование не могло примириться с этим. Оно попыталось задержать наше наступление, тем более что выход войск 1-го Украинского на линию Тернополь, Проскуров и 2-го Украинского на Южный Буг создал угрозу окружения 1-й танковой армии гитлеровцев. К участкам прорыва немцы срочно подбрасывали резервы. В это время против сил 1-го Украинского фронта по приказу Гитлера было введено в сражение дополнительно пятнадцать дивизий. С 8 марта на рубеже Тернополь, Волочиск, Проскуров завязались ожесточенные бои. Проскуровская группировка противника была поставлена в катастрофическое положение и делала все, чтобы не дать нам отрезать ее окончательно с запада.

351-я дивизия, овладев районом Лозов, по приказу комкора нацелила основные усилия на то, чтобы взять Волочиск и Фридриховку, важнейшие опорные пункты гитлеровцев. Было совершенно ясно, что так просто они их не отдадут — будут защищать до последнего. Наши же полки по-прежнему оставались почти без артиллерии, продолжавшей отставать. А вести наступление без огневого обеспечения, да еще на сильно укрепленные позиции, — значит понести лишние потери. Когда начальник политотдела А. И. Романов высказал такое опасение, генерал Н. Е. Чуваков сказал:

— Согласен, риск здесь есть. Но нельзя не учитывать и того, что немцы деморализованы. Мы не должны дать им возможности оправиться. К тому же, как ты знаешь, штаб армии торопит. Требование командующего фронтом маршала Жукова — максимально ускорить темпы наступления…

С доводами комкора нельзя было не согласиться. Части получили приказ продолжать наступление.

1161-й полк 351-й дивизии, обходя Волочиск с северо-востока, чтобы нанести удар по противнику с тыла, на южной окраине города был внезапно контратакован пехотой и танками — во фланг и с фронта. Положение создалось трудное, об этом мне сообщил генерал-майор Е. В. Козик, позвонив на КП.

— Немцы имеют здесь более чем двойное превосходство в силах, — сказал он. — Много танков. А противостоят им только довольно поредевшая полковая артиллерия да несколько противотанковых ружей. Сами понимаете, слабовато!

— Ну и как, Емельян Васильевич, выдержите? — осторожно спросил я, прикидывая, чем можно помочь дивизии.

— Трудно, но выдержим. Так и передайте комкору. Там у

меня во главе полка Банюк стоит!

Последние слова он произнес с нажимом. Подполковник Д. М. Банюк (о нем уже рассказывалось выше) был кадровым офицером, находившимся на фронте с первого дня войны. Дважды раненный, он уже в 1941 году за мужество и умелое руководство подчиненными был награжден орденом Красного Знамени, отличием в то время довольно редким. Кроме того, Банюк, будучи уроженцем здешних мест, хорошо знал город и прекрасно в нем ориентировался, что сейчас тоже имело немаловажное значение.

Правильно оценив сложившуюся обстановку, командир полка решил отразить контратаку гитлеровцев с места. Выгодный рубеж для этого был: группы домов, отделенных от окраины садами и огородами. На наиболее угрожаемый правый фланг Банюк поставил испытанный 3-й батальон. Опасные в противотанковом отношении направления, а таких было два, там, где проходили улицы, командир прикрыл минами внаброс и расположил здесь артиллерию, по две группы истребителей танков и петеэровцев, действия которых тесно увязывались с огнем и маневром артиллерии.

Все это позволило подразделениям во всеоружии встретить танки противника, представлявшие главную угрозу. Вскоре после начала боя пять из пятнадцати бронированных машин уже горели.

Отсеченная от танков вражеская пехота была прижата к земле минометным, пулеметным и автоматным огнем. Несколько раз она пыталась подняться и продвинуться вперед, но вынуждена была откатываться. Полк прочно держал занимаемый рубеж и в течение нескольких часов успешно отражал контратаки превосходящих сил врага.

Позже, обобщив опыт операции, в которой нам пришлось участвовать, мы на этом примере учили других офицеров искусству ведения боя в сложных условиях, когда противник имеет перевес в силах. Смелые и инициативные действия подполковника Д. М. Банюка были высоко оценены командованием. Генерал Н. Е. Чуваков сделал соответствующее представление, и вскоре командир 1161-го полка был награжден орденом Кутузова III степени.

Одновременно с Банюком получил орден Отечественной войны II степени командир комендантского взвода того же полка лейтенант А. В. Паршин, отличившийся в том же бою. В один из самых критических моментов боя под Волочиском группа немецких автоматчиков численностью до пятидесяти человек прорвалась к расположению штаба полка, где, естественно,

находилось Знамя части. Паршин, собрав своих подчиненных — полтора десятка человек, а также связных от батальонов, ездовых, смело атаковал вражеских автоматчиков. 19 из них было убито, 5 взято в плен, остальные спаслись бегством. Угроза штабу полка и Знамени была ликвидирована.

После неудачных попыток 351-й дивизии овладеть Волочиском и Подволочиском с юга командир корпуса решил оставить там только прикрытие, а основные силы этого соединения вывести в район Молчанувки и уже ударом оттуда в направлении Мыслова захватить Волочиск. Но артиллерийские части из-за распутицы по-прежнему отставали. Поэтому 351-я стрелковая смогла продвинуться всего лишь на 2–3 километра и была остановлена.

Не имела успеха и 8-я дивизия. Правда, во второй половине дня 13 марта она потеснила противника и вышла на восточную окраину города Скалат — важного узла немецкой обороны, однако сразу же была контратакована крупными силами пехоты с 20 танками и задержана. В полках соединения, как и в 351-й дивизии, почти не было артиллерии. Поэтому в борьбе с танками там использовали все, что можно, в том числе и трофейные фаустпатроны. Большой склад этого оружия был захвачен на станции Богдановка. Туда сразу же выехала группа артснабженцев корпуса. Из частей были выделены красноармейцы, которых быстро обучили обращению с фаустпатронами, и буквально через три дня бойцы уже применили их в борьбе с танками противника. Особенно эффективно это было сделано в 310-м полку 8-й дивизии, которым командовал майор И. М. Леусенко. Полк действовал на окраине Скалата, и немцы бросили против него несколько десятков танков. Девять из них было подбито в первые часы боя, причем четыре — фаустпатронами.

Весь день 13 марта шел жаркий бой на подступах к городу. Однако добиться успеха мы так и не смогли. Надо быть самокритичным: в том, что войска корпуса в течение нескольких дней топтались вокруг Скалата и не могли овладеть им, были просчеты и командования, и штаба. Если бы мы повнимательнее разобрались в системе огня противника, приняли более решительные меры по подтягиванию отставшей артиллерии и подвозу боеприпасов, а также восстановили нарушенное взаимодействие с 4-й танковой армией, освобождение города было бы осуществлено значительно быстрее. Но об этом ниже.

Что же касается 226-й дивизии, то она продвинулась довольно далеко вперед и вышла на рубеж Писаревка, Печановцы, значительно оторвавшись от других частей корпуса. Учитывая сложность обстановки в полосе боевых действий соседа слева и

необходимость его усиления, И. Д. Черняховский решил передать соединение В. Я. Петренко в подчинение 18-го гвардейского стрелкового корпуса. Вместо него в состав корпуса включалась 359-я стрелковая Ярцевская дивизия, находившаяся в тот момент на марше в районе Романувки. Командовал ею полковник Петр Павлович Косалапов. Вскоре мы познакомились. Среднего роста, широкоплечий, он оказался очень подвижным, любил хлесткое словцо и острую шутку. На круглом лице комдива весело поблескивали большие темные глаза. Косалапова очень ценили в дивизии.

Мягкий характер не мешал ему, однако, быть вдумчивым и очень волевым командиром.

Поздно вечером 13 марта я позвонил полковнику Петренко и сообщил ему о приказе командарма относительно его дивизии. Василий Яковлевич помолчал, потом тихо сказал:

— Ну, вот мы с тобой снова расстаемся, Сергей. Сведут ли нас опять фронтовые дороги?

Мне тоже стало грустно. Друг остается другом, а на фронте тем более. Но я решил не показывать огорчения и бодро сказал:

— Думаю, не будешь возражать, Василий, если мы в крайнем случае встретимся после войны.

Мы оба не смогли предугадать судьбу. Встреча наша произошла скоро, причем при весьма сложных обстоятельствах.

Стремясь любыми средствами задержать наше продвижение вперед, гитлеровское командование срочно усиливало рубеж обороны по линии Тернополь, Волочиск. Сюда из полосы 13-й армии перебрасывалась 7-я танковая, а из Германии — 68, 357 и 359-я пехотные дивизии. Уже 12 марта наши разведчики, захватив пленных, обнаружили их действия перед фронтом корпуса. Немцы мобилизовали все резервы. В бой были введены даже четыре саперных строительных батальона, занимавшихся до этого созданием оборонительных полос, ремонтом мостов и дорог в тылу. Снова появилась танковая школа СС, состоящая из фанатично преданных фюреру нацистов. В общей сложности у противника в тот момент на нашем участке было до двух пехотных дивизий, 60 танков и самоходных пушек, а также два артиллерийских полка, не считая спецподразделений.

Утром 16 марта позвонил генерал Г. А. Тер-Гаспарян и спросил:

— Все еще топчетесь у Скалата?

Что я мог ответить? Не будешь же оправдываться, объяснять, что мы чего-то недоучли.

— Делаем все возможное, — сказал я. — У немцев здесь сильная оборона.

— Командарм недоволен, — заметил начальник штаба армии. — И не только он!.. Нужно как можно скорее перерезать железную дорогу в этом районе и лишить тем самым немцев возможности пользоваться ею.

— Ясно. Постараемся сделать.

— Но это еще не все. К вам с указаниями маршала Жукова вылетает офицер штаба фронта.

Я вызвал подполковника А. Ф. Шацкого и поставил ему задачу проверить готовность площадки для приема самолета У-2. По распоряжению командира корпуса я же выехал встретить посланца Г. К. Жукова. Им оказался невысокий грузноватый полковник, работающий, как он мне сказал, в оперативном управлении фронта. Полковник привез два пакета. Один был адресован Н. Е. Чувакову, другой — генералу Д. Д. Лелюшенко. Не знаю, что было написано командующему 4-й танковой армией, действовавшей тогда на нашем направлении, но с запиской, присланной комкору, я имел возможность ознакомиться. В ней говорилось следующее (привожу текст по памяти): «Вы слишком долго топчетесь перед не столь уж сильно укрепленным Скалатом. Усматриваю в этом недоработку. Видимо, вы не сосредоточили всех усилий пехоты, артиллерии и танков на захват этого узла сопротивления. Плохо организовано взаимодействие с 4-й танковой армией. Требую подтянуть артиллерию, тщательно организовать бой и в тесном взаимодействии с танкистами взять город в течение двух суток».

Думаю, что генерал Лелюшенко тоже получил приказ командующего фронтом, в котором предписывалось захватить Скалат. Во всяком случае, когда мы с Н. Е. Чуваковым пришли к нему на наблюдательный пункт (наши НП располагались рядом), Дмитрий Данилович был уже в курсе дела. Мы согласовали наши действия по времени и по рубежам, договорились о совместных мерах по подготовке к штурму города.

Штабом корпуса был разработан план взятия Скалата. Задача в основном возлагалась на 8-ю стрелковую дивизию. Ей выделялась большая часть приданной корпусу артиллерии и инженерных средств. Саперы наряду с танковыми экипажами и орудийными расчетами были включены в штурмовые группы, созданные в каждом полку.

В течение полутора суток нам удалось подтянуть к переднему краю артиллерию, подвезти боеприпасы. Для этой цели в окрестных селах были мобилизованы все транспортные средства. Местное население активно помогало нам. Мужчины и женщины выходили на маршруты войск с лопатами в руках и под непрерывным дождем ремонтировали дороги, вытаскивали

застрявшие машины, на плечах переносили снаряды и ящики с боеприпасами. Немцы бомбили и обстреливали дороги. Но это не останавливало людей. Они делали все, чтобы помочь родной армии одержать победу.

Во второй половине дня 18 марта после мощного огневого налета 8-я дивизия во взаимодействии с частями 4-й танковой армии штурмом овладела Скалатом.

В трудных условиях, но очень результативно дрались и части 359-й дивизии на правом фланге корпуса, особенно ее 1198-й полк под командованием гвардии подполковника Д. И. Загребина, находившийся в районе Романувки.

Именно сюда стал отходить 188-й пехотный полк 68-й дивизии гитлеровцев, атакованный нашими танками близ Хмелиска. Фашистам нужно было прорваться через Романувку: иного пути к отступлению у них просто не было. Встреченные сильным огнем, вражеские пехотные батальоны понесли значительные потери, однако останавливаться им было нельзя: сзади напирали танки. Подполковник Загребин поднял своих бойцов в атаку. Завязалась рукопашная схватка, причем настолько упорная, что ни один из гитлеровцев с поля боя живым не ушел, не считая, конечно, пленных. 188-й пехотный полк перестал существовать.

С 18 по 21 марта соединения корпуса вели бои с переменным успехом на рубеже Романувка, Скалат, Заднишувка.

В ночь на 20 марта мне снова позвонил начальник штаба армии и передал указание командующего:

— Подтяните артиллерию и свои силы, организуйте бой. На это мы вам даем еще сутки, не больше. И вперед, к Днестру! Подробный приказ получите утром.

Учтя предшествующий горький опыт, мы вели тщательную подготовку к наступлению, подтягивали артиллерию, подвозили боеприпасы. К этому времени корпус был усилен пушечным полком, тремя истребительно-противотанковыми и одним полком гвардейских минометов М-13.

Оценивая оборону врага и наличие боеприпасов, а их было явно недостаточно, полковник Квашневский предложил артподготовку провести по отдельным узлам сопротивления противника, а поддержку атаки пехоты осуществить методом последовательного сосредоточения огня.

Комкор с ним согласился, так как это был наиболее разумный выход из положения.

В 8-ю стрелковую дивизию, наступающую на главном направлении, мною был послан майор Андриевский. И я вспомнил, что недавно у нас с Чуваковым состоялся такой

разговор.

— Боевой он все-таки у вас офицер. Ему бы командиром быть, — заметил комкор.

— А он давно на полк просится, — ответил я.

— Так, может, пошлем?

— Надо подумать…

Сейчас, когда я инструктировал Андриевского перед отъездом, снова подумалось: «Из него наверняка получится хороший командир. Придется отпустить его».

Вместе с Андриевским, только в другие соединения, разъехались накануне наступления и остальные операторы. Находясь непосредственно в районе боя, они давали мне точную информацию о развивающихся событиях. Через них же комкор и я могли оперативно влиять на положение дел в соединениях. В эти дни мы тепло проводили назначенного с повышением А. П. Федорова, а на его место выдвинули И. Б. Смирнова, получившего звание майора.

В 8.00 21 марта дивизии перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, корпус продвинулся в первый день на 16–20 километров. Немцы, понесшие большие потери еще в боях за Скалат, начали отходить в западном направлении, прикрываясь арьергардами. Преследуя их, мы к исходу 24 марта вышли на участке Соколув, Бучач к реке Стрыпа и форсировали ее, а 351-я дивизия прошла еще дальше. Наступая в направлении Коропца, она приблизилась к Днестру и овладела переправами в этом районе, после чего по приказу комкора организовала на этом рубеже жесткую оборону.

К этому времени наши соседи — 15-й, 24-й стрелковые и 4-й гвардейский танковый корпуса 60-й армии окружили силы противника в Тернополе. Одновременно главные силы 1-го Украинского фронта замкнули кольцо вокруг другой крупной группировки гитлеровцев в районе Скалы. Таким образом, главная задача мартовского наступления, поставленная Ставкой Верховного Главнокомандования, была выполнена: западная и южная группировки немецко-фашистских войск оказались разрезанными на две изолированные друг от друга части. Впервые в истории войн в период весеннего половодья был осуществлен прорыв стратегического фронта врага на всю его глубину.

* * *

Говоря о Проскурово-Черновицкой операции, нельзя не

упомянуть об особенностях партийно-политической работы в то время.

Войска действовали в небывало трудных условиях: весеннее бездорожье, форсирование рек с ледяной водой, окружение и уничтожение отчаянно сопротивляющихся группировок врага, отражение его яростных танковых контрударов. Все это требовало от бойца не только боевого мастерства и большого мужества, но и величайшей выносливости, стойкости духа, умения переносить любые трудности и лишения. Поэтому партийно-политическая работа и была прежде всего направлена на воспитание у личного состава высоких морально-боевых качеств. Делалось это самыми различными методами. Широко практиковались индивидуальные беседы командиров, политработников, агитаторов с воинами. Когда позволяла обстановка, организовывались короткие митинги, партийные и комсомольские собрания. Если не удавалось собрать всех, то с передовой в ближайший тыл вызывались агитаторы от подразделений. Перед ними ставились конкретные задачи, а уж они, расходясь в роты, доводили их потом до бойцов. Личному составу регулярно сообщались сводки Совинформбюро, приказы Верховного Главнокомандующего. Постоянно популяризировались отличившиеся воины. Хорошо помню, с каким волнением изучали в частях приказ И. В. Сталина, посвященный 26-й годовщине Красной Армии. Его слова, обращенные непосредственно к красноармейцу, звучали как наказ народа:

«…умелым сочетанием огня и маневра взламывать вражескую оборону на всю ее глубину, не давать врагу передышки, своевременно ликвидировать вражеские попытки контратаками задержать наше наступление».

Командирам и политорганам, так же как и нашим партийным, комсомольским организациям, приходилось в тот период решать и совершенно новые задачи. Боевые действия войск проходили в западных районах Украины, где Советская власть до войны существовала недолго и не успела как следует укрепиться. Поэтому нам приходилось разъяснять населению цели и задачи нашего общества.

Однако вернусь к окончанию Проскурово-Черновицкой операции. Как уже было сказано, к началу апреля 1944 года в районах Тернополя и Скалы были окружены две вражеские группировки, которым грозило полное уничтожение. Гитлеровское командование не хотело, конечно, с этим примириться. Оно стало стягивать силы, способные деблокировать запертые в кольцо войска. В частности, против корпуса, занимавшего двадцатикилометровый участок обороны

на рубеже южная окраина Слобода Злота, Тесарувка, и нашего левого соседа — 18-го гвардейского стрелкового корпуса немцы подтянули две свежие танковые дивизии СС и три пехотные. 4 апреля во второй половив дня они произвели разведку боем в направлении из Мужелув на Подгайцы, затем почти без паузы ввели в бой главные силы 9-й танковой дивизии СС и потеснили части В. Я. Петренко, действовавшие в составе 18-го корпуса. 226-я дивизия была нашим непосредственным соседом слева. Увидев, что она начала отходить, гитлеровцы сразу же усилили свою ударную группировку, введя в бой свежие силы. Именно в этот момент и произошла наша встреча с Василием Яковлевичем. Он менял наблюдательный пункт, а я с командующим артиллерией ехал на левый фланг корпуса, в 8-ю дивизию. Мы встретились на дороге, и Петренко, поздоровавшись, первым делом попросил меня:

— Помоги огнем! Иначе можем не выстоять…

Я уже знал о трудном положении 226-й от генерала Смирнова, а также от своих разведчиков и, разумеется, не мог отказать Петренко. Отход его частей оголил бы наш фланг и создал угрозу выхода противника в тылы корпуса. Я развернул карту.

— Показывай районы, где, по твоим данным, у немцев установлены цели, заслуживающие особого внимания. Разумеется, в пределах досягаемости нашей артиллерии.

Василий Яковлевич взял карандаш и сделал на карте несколько пометок. Я подозвал полковника В. А. Квашневского и спросил:

— Ну как, бог войны, поможем соседу?

Квашневский посмотрел на карту и, обращаясь к Петренко, сказал:

— А где сейчас ваши полки? Чтоб своих не зацепить случайно… — Получив соответствующее разъяснение, начарт повернулся ко мне: — Огонь, Сергей Александрович, можем открыть через пятнадцать минут. Дадим залп «катюш», а потом ударим артиллерийским полком восьмой дивизии. Думаю, будет достаточно. Верно, товарищ Петренко?

— Вполне! — живо воскликнул тот. — Ну, мне пора!

Петренко торопливо попрощался. Он очень спешил. Больше во время войны мы с ним уже не встречались. До победы и какое-то время после нее Василий Яковлевич командовал дивизией, потом корпусом, окончил Академию Генерального штаба, был первым заместителем командующего армией, затем преподавал в академии, стал кандидатом военных наук, профессором.

* * *

Продвижение немцев на участке 226-й дивизии вскоре было остановлено. Однако к этому времени под давлением превосходящих сил противника начал отходить наш сосед справа — 106-й стрелковый корпус. По нему тоже был нанесен сильный контрудар. На очереди были мы.

К исходу дня стало известно, что перед фронтом корпуса немцы сосредоточили до двух пехотных дивизий и около шестидесяти танков. Авиация группами в 20–40 самолетов беспрерывно бомбила наши боевые порядки, особенно в районах Слобода Злота и Козови, где стояла 359-я стрелковая дивизия. Здесь, по-видимому, противник и готовился нанести главный удар. К такому выводу мы с Никитой Емельяновичей пришли, обсудив поздно вечером сложившуюся обстановку.

— Вот что, Сергей Александрович, — сказал Чуваков, — распорядитесь-ка, чтобы восьмая дивизия была в готовности к переброске части своих сил на левый фланг корпуса в район Бяла Керница.

Собственно, это был последний боевой приказ Чувакова по корпусу. Никита Емельянович чувствовал себя все хуже. Когда ночью позвонил генерал Г. А. Тер-Гаспарян и спросил о здоровье комкора, я откровенно рассказал ему обо всем.

— Как бы это не кончилось плохо, — заметил я.

— Подождите у телефона, — сказал Геворк Андреевич. — Я сейчас.

Через несколько минут снова послышался в трубке его голос:

— Командарм приказал Чувакову завтра же, несмотря ни на что, отправляться в госпиталь. К вам будет назначен новый комкор. А теперь доложите обстановку.

Я высказал наши опасения за левый фланг. В ответ Г. А. Тер-Гаспарян сообщил:

— Завтра на усиление корпуса прибудет четырнадцатая танковая бригада. Ваша задача: прочно удерживать занимаемый рубеж обороны, не допустить прорыва противника к реке Стрыпа.

На другой день утром мы проводили Чувакова в госпиталь. Прощание было очень трогательным. Мы подружились, научились понимать друг друга с полуслова. Никита Емельянович — чуткий, вдумчивый человек, с ним было приятно работать. Посадив Чувакова в машину, я и начальник политотдела А. И. Романов долго смотрели ей вслед. Каждый из нас, вероятно, думал об одном и том же: «Каков-то будет новый комкор?»

Обстановка на участке корпуса между тем осложнялась с каждым часом. Как мы и предполагали, немцы после

сорокаминутной артподготовки форсировали реку Коропец в районе Подгайцев и начали наступать основными силами на Бучач, а частью сил на Бялу Керницу. Здесь стоял один из батальонов 1196-го стрелкового полка 359-й дивизии, которому и пришлось принять бой с превосходящими силами противника. Как потом рассказал мне начальник штаба этого соединения подполковник Михаил Иванович Протопопов, бывший в районе Бялой Керницы, события здесь развивались так.

В первые же минуты боя прямым попаданием в блиндаж комбата была выведена из строя ячейка управления. Командование принял на себя подоспевший к месту события заместитель командира полка майор И. Ф. Банатин. Уроженец Рязанщины, он в первые же дни войны добровольцем ушел на фронт, командовал отделением, затем взводом, ротой, батальоном. Дважды его ранило, но несильно, и, отлежавшись в медсанбате, Банатин быстро возвращался в строй. Обладая огромным боевым опытом, офицер всегда действовал решительно и в то же время осмотрительно. За командирское умение и личное мужество И. Ф. Банатин был награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Учитывая конфигурацию местности, Банатин сосредоточил артиллерию на двух танкоопасных направлениях. Здесь же поставил он и несколько групп истребителей танков, которые усилил саперами. Выдвинув на небольшие высотки пулеметы и автоматчиков, офицер создал систему косоприцельного многослойного огня, прикрывающего промежутки между ротными опорными пунктами. Если противник попадал в них, то оказывался зажатым с двух сторон плотным огнем.

Попытка гитлеровцев прорвать оборону батальона с ходу не удалась. Потеряв два танка, они откатились. Однако скоро снова поднялись в атаку и опять вынуждены были отойти. Тогда они вызвали на помощь авиацию. Полчаса вражеские самолеты беспрерывно бомбили наши позиции. Многих бойцов недосчитались после этого в батальоне. Однако Банатин и тут не растерялся. Он перераспределил оставшихся солдат и быстро восстановил систему огня. Третья вражеская атака была также отбита. Но положение оставалось тяжелым. Фашисты, имея большое преимущество в силах, могли уничтожить подразделения этого батальона. Поэтому комдив принял решение отвести их на южную окраину Ленчувки, где проходил довольно выгодный в тактическом отношении рубеж. Сюда же, чтобы усилить нашу оборону, был переброшен и 1-й батальон 310-го полка 8-й дивизии.

Как и обещал генерал Г. А. Тер-Гаспарян, на усиление

корпуса прибыла 14-я танковая бригада. Ей было приказано во взаимодействии с частями 359-й стрелковой дивизии выбить противника из Бялой Керницы и занять оборону по восточному берегу реки Коропец. Но из-за слабой разведки системы огня гитлеровцев и местности, а также слабого взаимодействия с артиллерией при подходе к указанному району бригада столкнулась с тяжелыми танками немцев, навязавших ей бой в невыгодных условиях. Фашистские машины вели огонь с высот правого берега реки Коропец и были укрыты в окопах, тогда как наши танки шли по открытой местности. Бригада потеряла несколько машин и вынуждена была отойти к Ленчувке.

6 апреля гитлеровцы, наступающие на Бучач, достигли города. В этот момент немецкие войска, окруженные в районе Скалы, нанесли сильный удар в северо-западном направлении и прорвались через боевые порядки 18-го гвардейского стрелкового корпуса, смяв полки только что переданной ему 8-й дивизии. Создалась угроза тылам 359-й стрелковой дивизии. Подполковник М. И. Протопопов позвонил мне и с тревогой сообщил:

— Нам грозит опасность быть отрезанными.

Я попросил начальника штаба дивизии доложить мне обстановку более подробно.

Оказалось, что противник уже овладел Ленчувкой и Тесарувкой, потеряв, правда, при этом семь танков. Стало ясно, что гитлеровцы хотят выйти на переправы реки Стрыпа в районе Соколув, Злотники и захватить их, чтобы создать плацдармы на восточном берегу. После короткого доклада начальников оперативного и разведывательного отделов, при котором присутствовал также начальник политотдела корпуса полковник Романов, мы обменялись мнениями и пришли к единодушному решению: 359-ю стрелковую дивизию следует отвести на более выгодный рубеж Сяножента, Ригалиха и занять здесь жесткую оборону. Все это я тут же передал по телефону подполковнику Протопопову.

— Ваша задача, — сказал я ему, — остановить противника на указанном рубеже, не допустить его прорыва в район Соколув, Злотники. На усиление вам направляется истребительно-противотанковый полк в составе пятнадцати орудий.

В тот же день вечером в распоряжение корпуса была передана 99-я Житомирская Краснознаменная стрелковая дивизия. Командовал ею генерал-майор Александр Андреевич Сараев. Чуть позже подошла, также приданная нам 13-я танковая бригада. Вместе с 99-й дивизией она получила задачу выбить противника с восточного берега реки Стрыпа и занять оборону на рубеже

Злотники, Гайворонка.

Штаб корпуса размещался в деревне Сокольники. Сюда-то вечером 6 апреля и прибыл наш новый командир. Еще накануне мне позвонил начальник штаба армии и сообщил, что комкором к нам назначен генерал-майор Михаил Фролович Григорович.

Вполне естественно, меня интересовало, что это за человек. Но спрашивать об этом у Геворка Андреевича я не счел возможным. Тер-Гаспарян сам догадался, о чем я думаю, и сказал:

— Хочешь узнать, что он собой представляет? Строгий. Жуковской выучки. Последнее время работал в группе маршала. А вообще-то, старый вояка. Службу начинал еще в царской армии младшим унтер-офицером, а с октября семнадцатого в Красной гвардии. Скоро познакомитесь…

Григорович приехал под вечер. Был он высокий, стройный, подтянутый. Взгляд светлых глаз цепкий и внимательный. Коротко подстриженные усы очень шли ему, придавая лицу подчеркнутую строгость. Держался он несколько суховато. Так, по крайней мере, мне вначале показалось. Позже я убедился, что это впечатление было обманчивым. Михаил Фролович оказался душевным, даже более того — сердечным человеком.

Я представил комкору офицеров штаба: те коротко доложили каждый по своей линии о положении дел. Григорович выслушал молча, задал несколько уточняющих вопросов, потом сказал:

— Ну что ж, товарищи, будем работать, узнаем друг друга поближе в боевых делах.

И генерал неожиданно улыбнулся. Улыбка его была мягкой, очень теплой, и мы все сразу почувствовали себя как-то свободнее.

* * *

В течение нескольких последующих дней на нашем участке фронта шли бои местного значения. Гитлеровцы неоднократно пытались улучшить свои позиции на восточном берегу реки Стрыпа. Но из этого ничего не вышло. Части корпуса решительными контратаками восстанавливали положение. Одновременно велась подготовка к дальнейшему продвижению вперед. В районе Злотники шло сосредоточение войск.

К исходу 14 апреля на усиление корпуса прибыли 12-я танковая бригада, легкая артиллерийская бригада и два истребительно-противотанковых полка. А на рассвете следующего дня началось наше наступление. Стремительным ударом во фланг части 99-й дивизии выбили гитлеровцев из Злотников.

Одновременно был очищен от врага и район Бурканув. К 18.00 весь восточный берег реки Стрыпа был уже в наших руках. Корпус получил приказ перейти к обороне.

К этому же времени правофланговыми соединениями 60-й армии было завершено уничтожение группировки противника, окруженной в Тернополе. Одна из дивизий, дравшаяся там, а именно 68-я гвардейская стрелковая, по окончании боев была передана в состав корпуса и заняла оборону на рубеже Зярнувки, Новый Тычин, гора Дубына, составляя наш второй эшелон.

Успешно завершив Проскурово-Черновицкую операцию, войска 1-го Украинского фронта продвинулись до 350 километров и вышли к предгорьям Карнат. От немецко-фашистских захватчиков была освобождена огромная территория Украины с плодороднейшими землями, железной рудой Криворожья, марганцем Никополя, первоклассными черноморскими портами Николаевом и Одессой. Соединения Красной Армии вступили на территорию Румынии. В связи с этим 2 апреля 1944 года нашим правительством было сделано соответствующее заявление, в котором говорилось, что мы идем как освободители, чтобы навсегда покончить с коричневой чумой и дать народам Европы долгожданный мир.

Стратегические результаты мартовского наступления тоже были исключительно велики. За это время советскими войсками были разгромлены две немецкие группы армий, полностью уничтожены 10 гитлеровских дивизий и одна бригада. Всего фашисты в тот период потеряли до полумиллиона убитыми, ранеными и пленными. Выход Красной Армии на подступы к границам Польши и Чехословакии изменил общую военно-политическую обстановку в Европе. Приближение наших войск вызвало огромный прилив сил в рядах национально-освободительного движения Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Албании, Югославии, Греции.

* * *

Последующие два с половиной месяца, вплоть до начала июля 1944 года, наш корпус находился в обороне, имея передний край по восточному берегу реки Стрыпа в районе Бенява, Соколув, Гайворонка. В его составе были три стрелковые дивизии: 359-я, 99-я и 68-я гвардейская. 351-ю дивизию мы еще раньше передали в резерв командарма. Я тепло попрощался с ее боевым командиром генералом Е. В. Козиком и начальником штаба полковником Г. М. Караваном. Корпус пополнялся личным

составом, занимался боевой подготовкой. Новобранцев мы получали в основном из Каменец-Подольской области, бывшей, как известно, под немецкой оккупацией, поэтому особое внимание обращали на политическую подготовку молодых воинов, а также на их боевое обучение. Полки по очереди выводились во второй эшелон и в районе Струсув на реке Серет занимались тактической подготовкой, тренировались в преодолении водного рубежа на подручных средствах. Численность стрелковых рот была в среднем доведена до 80–90 человек, полностью укомплектованы артиллерийские части и спецподразделения. Корпус усиленно готовился к новым боям, предстоящим теперь уже на львовском направлении.

Глава четвертая
На львовском направлении

Начало лета 1944 года ознаменовалось бурными событиями, следовавшими одно за другим. 6 июня на севере Франции высадились наши союзники — в Европе был наконец открыт второй фронт. Спустя четверо суток на Карельском перешейке перешел в наступление Ленинградский фронт. Уже через десять дней был освобожден Выборг. Истерзанный блокадой город Ленина мог теперь вздохнуть спокойно. 21 июня нанес сокрушительный удар по финнам, сражавшимся вместе с гитлеровцами, Карельский фронт. Была форсирована полноводная Свирь и освобождена столица Карельской республики — Петрозаводск. Двумя сутками позже началась одна из блистательных операций Красной Армии под кодовым названием «Багратион». Почти одновременно удар наносился войсками четырех фронтов: 1-го Прибалтийского, 3, 2 и 1-го Белорусских. На огромном пространстве от Полоцка на Западной Двине до Мозыря на Припяти была разгромлена группа армий «Центр». Красная Армия освободила от фашистских захватчиков города Витебск, Орша, Могилев, Бобруйск. Восточнее Минска было окружено, а затем и уничтожено 25 гитлеровских дивизий.

Каждый день приносил знаменательные вести. Москва то и дело салютовала советским воинам, освобождавшим все новые и новые советские города и села. Мы от души радовались этим победам, поздравляли друг друга и с понятным нетерпением ждали, когда же придет наш черед идти вперед. Корпус по-прежнему стоял в обороне на рубеже Бенява, Злотники, Гайворонка. Мы занимались боевой подготовкой, вели разведку противника, улучшали свои позиции в инженерном отношении. Работа проводилась, конечно, большая. Достаточно сказать, что только в полосе 99-й стрелковой дивизии к 25 июня было отрыто 83 515 погонных метров траншей, оборудовано 4490 стрелковых ячеек, 422 площадки для пулеметов, 81 дзот, 383 блиндажа, около 200 огневых позиций для орудий и минометов, поставлено 16 678 противотанковых и противопехотных мин.

Работники штаба корпуса выезжали в части, контролировали ход инженерных работ, боевую службу и учебу, помогали ее организовывать, собирали данные о противнике. И все же чувствовалось, что длительное сидение в обороне, тем более теперь, когда на других фронтах идет наступление, тяготит людей. Все чаще и чаще бойцы задавали один и тот же вопрос:

«Когда мы-то начнем?»

Вечером 26 июня на КП корпуса раздался телефонный звонок. Начальник штаба армии Г. А. Тер-Гаспарян сообщил, что рано утром к нам намерен прибыть генерал Павел Алексеевич Курочкин — новый командарм, сменивший И. Д. Черняховского, назначенного командующим фронтом.

Приезд командарма в той сравнительно спокойной обстановке мог означать только одно: кончилось наше затянувшееся ожидание. П. А. Курочкин приехал часам к восьми утра. До этого я не встречался с ним, хотя по рассказам знал этого генерала. Говорили, например, что командарм очень прост в обращении, добродушен, почти никогда не выходит из себя. Так оно и оказалось. Курочкин был в хорошем расположении духа, шутил. Осмотрев блиндаж Григоровича, состоящий из двух больших отсеков со спальней, он усмехнулся:

— С комфортом живете. Смотри-ка, дворец какой себе отгрохали! Нам бы такой тоже не помешал. Верно? — обернулся командарм к приехавшим с ним офицерам.

— Охотно готов уступить кому прикажете, товарищ командующий, — в тон ему отозвался Григорович.

— Знаю, знаю, — покачал своей массивной, наголо обритой головой Курочкин, — не терпится скорее вперед?

Даже в нашем просторном блиндаже его высокая плечистая фигура в тщательно подогнанной форме выглядела внушительно.

— Конечно, не терпится, — откровенно признался комкор. — Надоело сидеть на месте. Другие-то вон как рванули! Надеюсь, теперь и наша очередь подошла?

— Угадали, Михаил Фролович. — Курочкин посерьезнел. — В ночь на тридцатое июня вам предстоит сдать свой участок обороны частям семьдесят четвертого корпуса. — Командарм подошел к висевшей на стене карте. — По маршруту Струсув, Тернополь, Игровица следует передислоцироваться в район Подкамень, Панасувка, Паповце. Там вы получите новую боевую задачу.

Вполне понятно, Павел Алексеевич не мог раскрыть всего размаха предстоящей операции. Она готовилась в условиях большой секретности. Задачи до войск доводились ведь только непосредственно касающиеся определенных соединений и частей, и лишь тогда, когда их уже нужно было исполнять. Сейчас-то мы уже знаем, что в тот период войскам 1-го Украинского фронта (ими командовал уже маршал И. С. Конев, так как Г. К. Жуков вернулся к исполнению своих прямых обязанностей заместителя Верховного Главнокомандующего) предстояло провести Львовско-Сандомирскую операцию. Для этого привлекались большие силы,

сосредоточенные по приказу Ставки на нашем направлении: 80 дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов, 4 отдельные танковые и самоходно-артиллерийские бригады, что в итоге составляло 1200 тысяч человек, около 14 000 орудий и минометов, 2200 танков и САУ и 3000 самолетов[4].

Противостоящие силы были тоже немалыми. Перед 1-м Украинским фронтом оборонялась группа армий «Северная Украина». В нее входили: 1-я, большей частью сил 4-я немецкие танковые армии, а также венгерская армия, насчитывавшие 900 тысяч солдат, до 6300 орудий и минометов, 900 танков и САУ и 700 самолетов[5]. По линии Грубешув, Рава-Русская, Львов, Галич, Станислав, превратив эти города в мощные узлы сопротивления, гитлеровцы подготовили рубеж обороны глубиной до 240 километров, оборудовав его дотами, дзотами и максимально насытив огневыми средствами и танками.

Маршал Советского Союза И. С. Конев решил нанести удар одновременно на двух направлениях: рава-русском и львовском. Ставка утвердила этот план. Теперь нам поручалось осуществить его. Вместе с 38-й общевойсковой, 3-й гвардейской и 4-й танковыми на львовском направлении предстояло действовать и нашей 60-й армии.

— Вам все понятно? — закончив постановку боевых задач, спросил Курочкин Григоровича.

— Так точно! Свой участок мы сдадим быстро. Для этого все готово, — тотчас отозвался комкор.

— А вы не спешите, Михаил Фролович, — мягко улыбнулся Курочкин. — Смену войск надо провести так, чтобы у немцев не возникло и тени подозрения о наших намерениях. Продумайте и доложите свои соображения на этот счет. Я бы, например, накануне, ну, скажем, за двое суток до смены, провел разведку боем.

— Сделаем, товарищ командующий.

— Своего мнения не навязываю. Может, у вас возникнут иные предложения. На месте виднее…

Командарм уехал, а мы стали готовиться к сдаче участка. Непосвященному человеку трудно представить, насколько велик объем этой работы. Нужно подготовить все последние разведданные вплоть до обнаруженных накануне пулеметов, схемы обороны, огня, связи, противотанковых районов, формуляры минных полей и других инженерных заграждений. Одних только карточек огня командиров отделений и расчетов в полку требуется иметь примерно сто пятьдесят. И это лишь по основным позициям. А если учесть и запасные, то число удвоится. Но документация — это лишь часть дела. Необходимо также

предусмотреть меры маскировки, обычный режим поведения и огня войск, создание ложных позиций, установку макетов боевой техники и многое, многое другое.

В штабе корпуса для контроля за мерами маскировки на период перегруппировки войск была создана специальная группа во главе с начальником автобронетанковых войск подполковником Ф. И. Андреевым. В нее вошли оператор майор В. Е. Салогубов, только что назначенный вместо убывшего от нас И. Т. Макурина корпусной инженер подполковник Н. А. Перельштейн, заместитель начальника штаба артиллерии корпуса майор В. Д. Затворницкий, помощник начальника связи майор А. Д. Железнов и наш бессменный начальник отдела кадров майор В. Д. Рогозин. Поскольку я упомянул о Рогозине, скажу о нем несколько слов. Мы уважали и ценили майора за деловитость и оперативность в работе. Все наши людские ресурсы проходили через его руки. Рогозин не только занимался подбором командных кадров, но и отвечал за пополнение частей личным составом. Он связывался с местными военкоматами, ездил во вновь создаваемые партийные и советские органы и всюду, где только можно, «добывал» людей; занимался распределением пополнения по частям, учетом потерь личного состава, оформлением наградных документов, отбором на учебу отличившихся бойцов. Забот у кадровика было через край, и тем не менее ему как-то удавалось успевать все сделать.

Как и рекомендовал командарм, за двое суток до смены частей, в ночь на 27 июня, мы провели силовую разведку боем. Задача эта возлагалась на 1-й батальон 1196-го полка 359-й дивизии. Командовал полком уже известный читателю Иван Федорович Банатин. Представителем от штаба дивизии в полку был начальник оперативного отделения майор П. А. Крамаренко, отличившийся еще в октябрьских боях 1943 года и тогда же награжденный орденом Отечественной войны II степени. Оба они и организовывали бой.

После короткого артналета разведотряд под огнем переправился через Стрыпу и атаковал первую линию вражеских траншей. В окопах завязалась рукопашная схватка. Командир одного из отделений 5-й стрелковой роты младший сержант А. О. Жарский первым ворвался в штабной блиндаж гитлеровцев и лично уничтожил четырех фашистов, а одного взял в плен. Затем со своим отделением он подавил две пулеметные точки и засек местоположение двух минометных батарей противника. Геройски дрался воин за свою землю: он был родом с Киевщины. За этот и другие подвиги, совершенные чуть позже, в момент ликвидации бродской группировки немцев, Александр Остапович Жарский

был удостоен ордена Славы III степени.

В результате разведки боем было захвачено трое пленных, один из которых, правда, утонул в Стрыпе при отходе, уточнено начертание переднего края обороны противника и расположение его огневых средств. Выполнив свою задачу, разведотряд в 9.00 отошел на исходные позиции. Активно поддерживали разведку боем артиллерия и минометы. Почти не маскируясь, огонь вели многие батареи. Расчет был простой: противник засечет наши огневые точки, нанесет их на карты и будет, как говорится, держать под прицелом. Мы же при отходе снимем орудия и минометы, а вместо них поставим макеты. Как доложил командующий артиллерией корпуса И. А. Никитин (В. А. Квашневский убыл в распоряжение отдела кадров фронта), в нашем районе обороны было создано двенадцать таких ложных батарей. Группа саперов под командованием подполковника Перельштейна довольно искусно оборудовала несколько ложных командно-наблюдательных пунктов, демаскировавших себя блеском стекол.

Большую работу в эти дни проделали связисты во главе с майором Н. М. Готовченко. Они сняли все штатные средства связи, наладили, используя трофейный провод, а кое-где и остатки обесточенной местной электросети, временные линии.

Вечером 29 июня подполковник Андреев доложил мне, что намеченные планом мероприятия выполнены. Мы с ним еще раз проверили по документации, все ли сделано. При том объеме работы, который проделала группа Андреева, не мудрено было что-то упустить. Однако все было осуществлено четко. И тогда я пошел докладывать комкору. Генерал Григорович остался доволен и дал указание начать сдачу участка частям 74-го корпуса.

В ночь на 30 июня мы были выведены на дневку в район второго оборонительного рубежа, а затем тремя ночными переходами передислоцировались на новое направление.

К 5 июля корпус вышел на рубеж Малениска, Вережбовчик, Гнидава и, заняв здесь оборону, стал готовиться к наступлению. Проводить его предстояло в довольно трудных условиях. В полосе предстоящих нам боевых действий местность можно было разбить на два участка, совершенно различных по профилю. Восточный — от реки Серет до рубежа Ожидув, Бялы Камень, Сасов протяжением 30–32 километра — представлял собой сильно пересеченную низменность, слегка повышающуюся к западу. Здесь было много оврагов, лощин, небольших холмов, а с северо-запада на юго-восток протекали два широких ручья с открытыми берегами. Это давало противнику преимущество в выборе

позиций и наблюдательных пунктов. Восточнее Колтува местность была заболочена: там извивались три речки — Волица, Луч и Керничина, что, конечно же, сильно стесняло маневр войск. Западный участок был сравнительно открытым, но тоже топким. Артиллерия и здесь могла вполне застрять, а если и продвигаться, то с немалым трудом.

В соответствии с местностью была построена и оборона противника, к которой он перешел, потерпев поражение в период весеннего наступления наших войск в направлении Тернополь, Скалы, в апреле 1944 года. Времени у фашистов для того, чтобы как следует укрепить свои позиции, было достаточно. За три месяца в той полосе, где предстояло наступать корпусу, они оборудовали три рубежа: основной — по линии Малениска, Маркополь, Лопушаны и два промежуточных — один западнее Ясенюв и далее по южному берегу рек Волица и Луч до Звыжина, а другой по южному берегу Западного Буга на участке Бялы Камень, Кругув. Кроме того, были созданы отсечные позиции по рекам Луч и Злочувка.

Система обороны противника строилась по принципу узлов сопротивления, составляющих общий бродский рубеж обороны гитлеровцев на пути к Львову. В опорных пунктах были отрыты две-три линии траншей полного профиля с открытыми площадками для пулеметов. Имелись также дзоты (перед фронтом наступления корпуса их насчитывалось 17), мощные блиндажи, хорошо оборудованные огневые позиции. У переднего края проходила густая сеть противопехотных и противотанковых заграждений.

Значительной по своему составу была и группировка противника. Плотность немецких войск на один километр фронта составляла до 200 активных штыков, 15 пулеметов, свыше трех орудий и минометов и один танк.

С учетом этих обстоятельств командарм поставил корпусу задачу, сковывая противника на рубеже поселков Нетреба, Оржиховчик, использовать прорыв 15-го стрелкового корпуса, нанести удар в направлении Баткув, Пеняки и прорвать вражескую оборону в районе высоты 353,0, а в последующем, свертывая боевые порядки врага в северо-западном направлении, решительным маневром одной стрелковой дивизии во взаимодействии с войсками 13-й армии окружить и уничтожить бродскую группировку врага.

Прорыв сильно укрепленной обороны, да еще в условиях лесисто-болотистой местности, требует особенно тщательной и всесторонней подготовки. Хорошо, что мы имели в запасе время, правда небольшое — всего несколько дней, тем не менее это

давало возможность провести необходимые мероприятия. То, что было сделано, очень, на мой взгляд, характерно для подготовки наступления такого большого масштаба. Поэтому позволю себе остановиться на этом подробней, тем более что работа штаба корпуса, который в тот период был уже четко слаженным коллективом, была особенно интенсивной и многогранной.

Прежде всего о планировании. Занимались им, конечно, все отделы; каждая служба по своей линии готовила данные, необходимые комкору для решения.

Штаб артиллерии во главе с подполковником Н. Н. Рудой, уточнив у подполковника С. М. Дашука и его разведчиков схему обороны противника и его силы, спланировал все виды огня, план перемещения артдивизионов в ходе боя и вместе с начальником артснабжения подполковником Ф. Ф. Никитиным сделал расчет необходимого количества боеприпасов.

Связисты, которыми руководил подполковник А. Ф. Шацкий, разработали и разослали в войска переговорные таблицы. Ими же была составлена схема организации связи на весь период боя с учетом перемещения командных и наблюдательных пунктов до дивизий включительно.

Но больше всех, как это обычно и бывает при планировании, досталось операторам. Возглавил их только что прибывший к нам подполковник Игнат Михайлович Видиборец. Полковник Г. М. Караван, сменивший уехавшего от нас В. С. Новикова, был ранен при выезде в войска, и у меня опять не было начальника оперативного отдела, его обязанности исполнял майор И. Б. Смирнов. И вот накануне наступления ко мне зашел кадровик майор В. Д. Рогозин и сообщил, что подписан приказ о назначении к нам И. М. Видиборца. Вполне понятно, что его приезда мы ждали с нетерпением, но в то же время думалось: подходящим ли окажется человек? Должность начальника оперативного отдела корпуса не всякому по плечу. Здесь ведь нужно иметь хорошо развитое оперативно-тактическое мышление, способность предвидеть ход и исход боя, соответствующую интуицию, не говоря уж об исключительной работоспособности. Видиборец оказался именно таким человеком. Он оставался в штабе корпуса до конца войны. Я хорошо его узнал и, думаю, только отдам ему должное, сказав, что это был талантливый оператор. С первых же дней, с той самой подготовки июльского наступления корпуса, Игнат Михайлович показал, на что способен. Разработанный им вместе с И. Б. Смирновым, М. А. Дельцовым, П. Я. Роговым и В. Е. Салогубовым план предстоящего боя отличался всесторонней продуманностью, творческим подходом к решению вопросов управления,

взаимодействия, контроля за выполнением поставленных задач.

Комкору понравились все наши предложения. В соответствии с поставленной командармом задачей план предусматривал прорыв обороны противника на левом фланге корпуса силами 99-й и двух полков 68-й дивизий на пятикилометровом участке; на правом же фланге для сковывания противника на двенадцатикилометровом фронте оставался один из полков 68-й гвардейской дивизии. К исходу второго дня наступления предусматривался выход главных сил корпуса на первый промежуточный рубеж обороны противника, после чего предполагалось ввести в бой 359-ю дивизию и нанести удар в северо-западном направлении с целью окружения во взаимодействии со 102-м стрелковым корпусом бродской группировки гитлеровцев. Наращивание удара вводом новых сил — полков вторых эшелонов — планировалось уже с момента прорыва основной позиции обороны противника.

Когда генерал М. Ф. Григорович доложил приехавшему командарму наш план, Павел Алексеевич Курочкин отозвался не сразу. Некоторое время молча рассматривал вычерченную операторами схему предстоящего наступления, которая была повешена на стене, потом негромко сказал:

— Все правильно. Возражений не имею. Только вы, наверное, запамятовали, что триста пятьдесят девятая дивизия составляет мой резерв.

— Нет, товарищ командующий, не забыли, — ответил Григорович невозмутимо, но в его глазах я уловил хитроватый прищур. Михаил Фролович умел, когда нужно, находить и обходные пути, чтобы отстоять свою точку зрения. — Но мы надеемся, — продолжал он все так же спокойно, — что вы разрешите нам использовать триста пятьдесят девятую дивизию в нужный момент.

Курочкин засмеялся.

— Ишь хитрецы! На меня, значит, надеетесь?

— Так точно.

— А что, если я не сочту момент нужным?

— Тогда мы постараемся убедить вас фактами.

— Ладно, — сказал Павел Алексеевич добродушно. — Я, конечно, не против фактов, но… Посмотрим, насколько вескими окажутся ваши аргументы.

Командарм поинтересовался, как мы намерены использовать артиллерию. Корпус не получал на усиление ни одного орудия. Поэтому нам нужно было рассчитывать лишь на свои силы.

М. Ф. Григорович доложил, что артподготовка планируется по узлам сопротивления и отдельным целям продолжительностью

полтора часа. На направлении главного удара сосредоточивается огонь артиллерий 359-й и обеих дивизий первого эшелона. Наличие боеприпасов на огневых позициях доведено до двух боекомплектов.

В последний момент корпус все-таки получил усиление. В наше распоряжение поступил 1889-й самоходно-артиллерийский полк. Таким образом, на один километр фронта в полосе прорыва было сосредоточено до 50 орудий и минометов. Плотность артиллерии была явно недостаточной для надежного подавления противника, и мы решили компенсировать это интенсивностью огня (на каждое орудие было выделено до полутора боекомплектов снарядов) и продолжительностью артподготовки. Кроме того, артиллерийские батареи гитлеровцев, их резервы и опорные пункты в глубине обороны должна была уничтожить наша авиация.

— Не забудьте, что на вывод войск в исходное положение для наступления вам дается всего несколько ночных часов, — заметил генерал П. А. Курочкин.

— Мы учли это в своих планах. — Михаил Фролович развернул график. — Вот, посмотрите: все расписано по часам и доводится до исполнителей. С офицерским составом до командира батальона включительно заранее предусмотрена рекогносцировка маршрутов движения, полос наступления, ну и, разумеется, изучение обороны противника.

Командарм остался доволен. Уезжая, он только напомнил об опыте соседа справа. Там немцы заранее отошли с первых двух позиций своей обороны. Хорошо, что разведка вовремя обнаружила это, иначе тысячи снарядов были бы выпущены по пустому месту. Чтобы избавить себя от неожиданностей, за девять часов до начала общего наступления мы решили провести разведку боем силами одного батальона 99-й стрелковой дивизии. В его задачу входило установить истинное начертание переднего края и силы обороняющегося противника, своими действиями вызвать на себя огонь всех средств врага и вскрыть тем самым систему его артиллерийской обороны, установить расположение минных полей и иных заграждений, проделать проходы в них. При успешном развитии разведки боем батальон должен был ворваться в расположение гитлеровцев и овладеть высотой 353,0, обозначив этим исходные позиции для атаки главных сил.

После утверждения нашего плана комкор генерал Григорович собрал командиров дивизий и начальников их штабов. Мы не так уж часто собирались все вместе и поэтому обрадовались встрече. Из 99-й дивизии приехали мои знакомые генерал Александр

Андреевич Сараев и полковник Георгий Степанович Половик. У генерала В. Ф. Стенина в 68-й гвардейской был новый начальник штаба полковник Григорий Митрофанович Караван, наш бывший начальник оперативного отдела. Он быстро оправился после ранения и не захотел уезжать из корпуса. Поскольку прежнее место его было уже занято, кадровики нашли подходящую должность, на которую Григорий Митрофанович с радостью согласился. Он хорошо знал Стенина и был уверен, что сможет с ним сработаться. Новый начальник штаба был и в 359-й дивизии: вместо раненного в бою Михаила Ивановича Протопопова назначили молодого, очень энергичного подполковника Геннадия Сергеевича Хаврина. Комдивом по-прежнему оставался Петр Павлович Косалапов.

Григорович познакомил собравшихся с задачами. Затем было проведено занятие на тему «Прорыв сильно укрепленной полосы противника». Бралась реальная обстановка и рассматривались конкретные задачи по рубежам вероятных действий корпуса. Затем Михаил Фролович дал указание на проведение рекогносцировки местности и противника, подготовку командных и наблюдательных пунктов, организацию связи, напомнил о мерах маскировки.

Командиры дивизий провели аналогичные занятия с командирами полков и батальонов. А для практической подготовки войск в дивизиях были созданы учебные поля. На них тренировались роты, батальоны, полки. Отрабатывались темы «Штурм укрепленной полосы с преодолением водной преграды», «Бой в населенном пункте», «Бой в лесном массиве». Занятие с каждым подразделением заканчивалось тактическим учением с боевой стрельбой, где особое внимание обращалось на отработку движения пехоты за огневым валом и взаимодействия с танками.

Большой объем работы выпал на долю тыловых подразделений. Они были подтянуты в районы Лопушно, Подкамень, Чистопады и расположены в 5–10 километрах от переднего края, как того требовала обстановка. Григорию Федоровичу Величко и всему штабу тыла, возглавляемому Василием Ивановичем Бочкаревым, пришлось изрядно помотаться в те напряженные дни. В частях были сделаны необходимые запасы. Обеспеченность боеприпасами была доведена до двух с половиной боекомплектов (тут уж постарался начальник артснабжения корпуса Ф. Ф. Никитин), ГСМ — до трех заправок, продфуражом — до 12 сутодач. Медсанбаты развернулись по возможности ближе к передовым подразделениям. Корпусным врачом майором медслужбы Федором Федоровичем Череповым была разработана схема максимального приближения этапов

эвакуации раненых к наступающим частям.

Изрядно пришлось потрудиться связистам и их начальнику А. Ф. Шацкому. Узлы связи всех штабов были подготовлены к работе как на месте, так и в движении, созданы резервы средств связи. Надо было учитывать, что мы прорываем оборону противника на узком участке фронта и, используя успех соседа слева — 15-го стрелкового корпуса, должны свертывать оборону противника ударом на Пеняки. Коммуникации, вполне естественно, должны были растянуться. Поэтому проводные средства связи распределялись так, чтобы у начальников направления оказался достаточный запас и кабеля, и аппаратов, — это позволило бы им маневрировать связью на поле боя.

Пункты управления мы разместили таким образом: основной КП, где должны были находиться комкор, командующий артиллерией И. А. Никитин и оперативная группа, возглавляемая И. М. Видиборцем, располагался на высоте 382,0, в 3 километрах западнее Кутыще; два Фланговых НП, предназначенных для наблюдения за боевыми действиями наших частей и противника, мы оборудовали в районе церкви Подкамень и на высоте 395,0 — тут должны были находиться офицеры штаба корпуса.

В частности, на правом НП был помощник начальника разведотдела К. С. Журин, а на левом — майор М. А. Дельцов. Соответственно были распределены средства связи штабной роты: два положения по линиям командных и наблюдательных пунктов, третье — с тылом, четвертое — в резерве. Радиосредства разделялись на два эшелона: первый — на основном командном пункте, второй — в оперативной группе, двигающейся с комкором.

Поскольку от нас требовалась тщательная маскировка всех проводимых мероприятий — противник ни в коем случае не должен был заподозрить о готовящемся наступлении, — начальнику связи корпуса подполковнику А. Ф. Шацкому совместно с начальником шифровального отдела майором И. Я. Судовцевым пришлось особенно строго следить за соблюдением правил скрытного управления войсками. При переговорах по телефону не допускалось ни малейшей вольности. Виновные в различного рода нарушениях строго наказывались.

В период подготовки к наступлению ни на минуту не ослабевала партийно-политическая работа. Главной ее задачей было создание в войсках высокого наступательного духа. Все дивизионные и полковые политработники находились непосредственно в ротах и батальонах. Они, если представлялась такая возможность, беседовали с людьми, инструктировали агитаторов, сообщали бойцам о последних вестях с фронтов.

Воинам разъяснялись предстоящие задачи, особенности наступления в лесисто-болотистой местности. Перед личным составом выступали бывалые красноармейцы, отличившиеся в предыдущих боях. Они рассказывали и показывали, как действовать в штурмовых группах, преодолевать малозаметные препятствия, проволочные заграждения и минные поля, блокировать доты, дзоты и уничтожать их. Эти советы потом очень пригодились молодым воинам. А их у нас была примерно пятая часть.

Накануне наступления в соединениях состоялись собрания. На них обсуждались задачи партийных и комсомольских организаций по обеспечению авангардной роли коммунистов и членов ВЛКСМ в подготовке к прорыву и в самом ходе боевых действий.

В эти дни, точно так же как на Днепре, политотдел пустовал. Все его работники находились в войсках. Новый начальник политотдела полковник А. А. Орлов (А. И. Романова еще в мае отозвали в Москву на преподавательскую работу) напоминал мне Александра Ивановича Фролова, с которым мы были в свое время очень дружны. Так же, как и начальник политотдела 23-й стрелковой дивизии, Александр Алексеевич Орлов не любил сидеть в штабе. При любой возможности он выезжал в полки и там шел в роты, чтобы потолковать с бойцами. Такие беседы, как неоднократно говорил мне Орлов, давали ему возможность узнать о настроении людей, причем непосредственно от самих участников событий. Орлов даже внешне чем-то немного походил на Фролова, только был выше ростом. Он всегда очень внимательно слушал собеседника, сам говорил мало — не любил многословия. На собраниях, когда оратор начинал говорить не по существу, Александр Алексеевич морщился, как от зубной боли, и иногда даже позволял себе перебить выступающего репликой: «А вы, товарищ, поближе к делу!»

* * *

В ночь на 14 июля части корпуса были скрытно выведены в исходное положение для наступления. Передний край немцев продолжал жить обычной жизнью. Над траншеями периодически лениво взлетали ракеты. Изредка постукивали пулеметы, и ахали разрывы мин.

В половине пятого мне на командный пункт позвонил начальник штаба 99-й дивизии полковник Г. С. Половик и доложил, что они готовы начать разведку боем. Я уже знал, что

эта ответственная задача возложена на 3-й батальон 197-го стрелкового полка. Командовал им капитан А. Н. Александров. Выбор на него пал не случайно. Александр Николаевич — коммунист, кадровый офицер, служил в армии с 1939 года. Почти два года воевал, был трижды ранен, награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Сталинграда», которая среди фронтовиков очень высоко ценилась. Участников битвы на Волге справедливо считали людьми мужественными, отважными и в боевых делах искушенными. Говорили: «Кто прошел сталинградское пекло, тому сам черт не страшен!»

— Ну что ж, удачи вам! — пожелал я Георгию Степановичу. — Действуйте по плану. И почаще звоните.

Ровно в 4.45 после короткого артналета капитан Александров поднял свой батальон в атаку. Ведя огонь на ходу, бойцы по проделанным заранее проходам быстро преодолели минные поля и проволочные заграждения противника. Первой во вражеские окопы ворвалась рота гвардии старшего лейтенанта В. К. Дорожкина. Бой завязался в первой, а затем и во второй траншеях. Капитан Александров, так же как и Дорожкин, находился в первых рядах атакующих. Личный пример комбата увлекал красноармейцев, заставлял их действовать еще более стремительно и отважно. Батальон с ходу форсировал сравнительно неширокую здесь реку Серет и овладел частью села Гнидава. Немцы, опомнившись, стали оказывать сопротивление, которое нарастало с каждой минутой. Огонь открыла их артиллерия, ударили шестиствольные минометы. Наступающие цепи накрыли густые разрывы. В наших рядах начались потери. Ранен был старший лейтенант Дорожкин, но поля боя не покинул и, наскоро перетянув рану, продолжал командовать ротой. Лишь после второго ранения его, уже в бессознательном состоянии, вынесли в тыл санитары. За этот подвиг он был награжден орденом Отечественной войны I степени. Был награжден и капитан Александров. Он тоже получил ранение, но уже после того, как батальон овладел высотой 353,0.

Задача разведки боем была, таким образом, выполнена блестяще. Мы установили, что на направлении главного удара корпуса в сторону Гнидавы у противника имеются две линии траншей, между ними минные поля и проволочные заграждения. Вскрыта была и система огня гитлеровцев.

В 7.00 мне снова позвонили из 99-й дивизии, на сей раз уже ее командир генерал А. А. Сараев.

— Все в порядке! — радостно сказал он. — Надо теперь только поддержать батальон Александрова огнем, чем мы сейчас и занимаемся.

Я тотчас же связался с комкором, находившимся на основном наблюдательном пункте, и доложил о результатах разведки боем. Григорович тоже был доволен. Первый успех окрылил всех.

— Я уже дал команду Никитину окаймить огнем занятую высоту, — сообщил Михаил Фролович.

Командующий артиллерией почти всегда находился на наблюдательном пункте вместе с комкором. Григорович старался держать «бога войны» при себе. Артиллерия была тем мощным огневым кулаком, который существенно влиял на ход боя.

— У нашего соседа дела тоже как будто идут неплохо, — сообщил мне генерал Григорович. — Его артиллерия уже перенесла огонь в глубину обороны. Очевидно, имеет успех.

Михаил Фролович оказался прав. Вскоре с левого НП позвонил майор Дельцов и сообщил, что наблюдает быстрое продвижение частей 15-го стрелкового корпуса. Дельцову это было хорошо видно, тогда как с основного наблюдательного пункта левый фланг корпуса, не говоря уже о левофланговом соседе, не просматривался, так как был закрыт перелеском. Собственно, мы и выдвинули боковые НП, учитывая рельеф местности. В полдень майор Дельцов снова позвонил и радостно доложил:

— Правофланговые полки пятнадцатого корпуса вклинились в оборону противника до трех-четырех километров. Разрешите и мне сменить наблюдательный пункт.

Я дал «добро» и тут же перезвонил комкору. Он выслушал, как всегда, не перебивая, и сказал:

— Теперь пора и нам начинать. Давайте сигнал!

В 14.10, используя успех 15-го корпуса, мы ввели в бой из-за его правого фланга свои дивизии. Стрелковые батальоны поднялись в атаку и, обтекая вражеские узлы сопротивления, прорвали основную позицию обороны противника от Оржиховчика до высоты 353,0 на фронте 6 километров. Пехота гитлеровцев и их огневые средства в первых траншеях были почти полностью уничтожены мощными ударами артиллерии и авиации. Уцелевшие же дзоты не смогли ничего сделать: наши подразделения продвигались так, что сразу выходили фашистам во фланг. Не могли помочь находившимся на переднем крае войскам и артиллерийско-минометные батареи из глубины немецкой обороны, потому что их беспрерывно штурмовали наши самолеты. Авиация ударила и по резервам противника, сразу же лишив их возможности наносить контратаки.

Тщательная подготовка и организация наступления позволили нашим полкам в тесном взаимодействии с частями 15-го корпуса быстро и с минимальными потерями прорвать сильно

укрепленную оборону врага и в первый же день продвинуться вперед до 5 километров. Это был значительный успех, особенно если учесть, что наступать корпусу пришлось по сильно пересеченной лесисто-болотистой местности, да и не в направлении главного удара.

Наши командиры показали свою зрелость, умение искусно маневрировать на поле боя, быстро ориентироваться в самой сложной обстановке.

Заслуживают, на мой взгляд, внимания действия генерала В. Ф. Стенина, командовавшего 68-й гвардейской дивизией. Об этом мне подробно рассказал капитан К. С. Журин, находившийся на нашем правом наблюдательном пункте. От него я и комкор получали самую точную информацию. Если возникала необходимость, М. Ф. Григорович лично влиял на ход боя, направляя командиров дивизий на более целесообразные способы боевых действий при выполнении задачи. Образно говоря, это был основной нерв управления, помогающий быстро реагировать на любые изменения в тактической обстановке.

А теперь о Владимире Филипповиче Стенине. Обладая творческой интуицией, в чем я неоднократно убеждался и прежде, он сумел очень точно выбрать момент ввода в бой второго эшелона. Противник был ошеломлен ударами авиации и артиллерии, деморализован стремительной атакой нашего соседа, но еще не начал отходить, хотя уже был готов к этому. И чтобы сломить его сопротивление, нужно было еще одно, последнее усилие, которое следовало сделать в определенный момент. Стенин безошибочно определил его. Решительным маневром он вывел свой 202-й гвардейский полк из-за правого фланга 99-й дивизии на направление главного удара и смело ввел его в бой между двумя узлами сопротивления гитлеровцев. Образовавшийся же открытый фланг он прикрыл огнем дивизионной артиллерийской группы.

Под стать комдиву действовал и командир 202-го гвардейского полка майор П. И. Нестеров. О его боевом умении и личной храбрости можно судить хотя бы по тому, что Нестеров, воюя всего год, был уже награжден орденом Суворова III степени и дважды орденом Отечественной войны II степени. Он вел свои батальоны вплотную за разрывом своих снарядов. К этому они были заранее подготовлены в ходе тактических занятий. Полк с ходу переправился через реку Серет и, уничтожив остатки живой силы противника в первой и второй траншеях, овладел важнейшим узлом дорог и населенным пунктом Оржиховчик.

— Молодец Стенин! — сказал генерал Григорович, когда ему доложили о быстром продвижении 68-й гвардейской дивизии, и,

повернувшись ко мне (мы перебрались уже на новый наблюдательный пункт), добавил; — Надо будет отметить его в приказе.

Я от души порадовался за Владимира Филипповича. Когда корпус был в обороне, наш КП находился в расположении его дивизии. Мы часто встречались, беседовали. Стенин, окончивший академию, был очень грамотным командиром, знатоком тактики и к тому же деликатным, чутким человеком. Он очень любил своих бойцов, болел за них душой. Это по его предложению впервые не только в корпусе, но и в армии был организован так называемый красноармейский профилакторий, нечто вроде фронтового дома отдыха. Там были созданы все условия: налажено отличное питание, организовано культурное обслуживание, действовали баня, парикмахерская. Лучшие бойцы из полков, по пять-шесть человек, отправлялись туда на неделю и отдыхали, как говаривали они сами, «на полную катушку».

В течение ночи на 15 июля немцы, опасаясь за фланг своей бродской группировки, перебросили на рубеж Пеняки, Луковец, Колтув 14-ю дивизию СС «Галиция». Ей была поставлена задача остановить продвижение корпуса. Мы тоже воспользовались ночным временем для приведения в порядок частей первого эшелона и подтягивания артиллерии. С утра наступление возобновилось. После шестидесятиминутной артподготовки части корпуса при активной поддержке авиации перешли в атаку, нанося главный удар левым флангом. Справа продолжал сковывать противника на широком фронте 200-й гвардейский стрелковый полк. Чтобы прикрыть правый фланг успешно продвигающейся 68-й дивизии, ему пришлось растянуть боевые порядки вплоть до восточной окраины Опаки. Но именно здесь Стенин и встретил сильное сопротивление гитлеровцев. Укрепившись в селе, они отразили все атаки наших частей. И тогда комдив опять принял смелое решение: главными силами обойти Опаки, оставив возле них лишь прикрытие, и продолжать наступать на Гуту Верхобуску. Григорович поддержал его, нацелив примерно в том же направлении, только левее, 99-ю дивизию. К исходу дня 198-й, 202-й гвардейские полки вышли к Гуте Пеняцкой, а части 99-й дивизии овладели крупным опорным пунктом Луковец.

В этих боях хорошо зарекомендовал себя майор К. Г. Андриевский, но уже не в качестве оператора. Я уже рассказывал, что это был напористый, волевой, находчивый офицер. Он умел организовать и повести за собой людей. Раза два Андриевский, работая в частях, заменял в бою выбывших командиров и действовал при этом умело, решительно, инициативно. Он

неоднократно просил меня перевести его на любую командирскую должность, и, когда встал вопрос о назначении командира в 1-й стрелковый полк 99-й дивизии, я предложил кандидатуру Андриевского. Генерал Сараев, лично знавший отважного оператора, поддержал меня, и комкор в конце концов тоже согласился. Накануне наступления Андриевский принял полк, и уже после первых боев было ясно, что мы не ошиблись, доверив ему ответственную командирскую должность.

Воины 1-го стрелкового полка, быстро продвигаясь по сильно заболоченной лесистой местности, только за день 16 июля отразили одиннадцать контратак врага. Каждый раз немцы бросали в бой свыше батальона пехоты и несколько САУ. Андриевский, находясь на наблюдательном пункте, тут же предпринимал ответные меры. Он быстро сосредоточивал огонь всех имеющихся в его распоряжении средств по контратакующим автоматчикам и отсекал их от самоходных установок, которые без прикрытия пехоты быстро уничтожались артиллерией. Неся потери, гитлеровцы неизменно откатывались назад. Полк продолжал наступление.

При подходе к Гуциско-Олеско случилось так, что большая группа фашистских автоматчиков, зайдя с фланга, прорвалась к штабу полка. Когда неподалеку раздался разрыв гранаты, Андриевский, схватив автомат, выскочил из дома, где располагался узел связи. Мгновенно оценив ситуацию, он собрал личный состав управления полка и вместе с начальником штаба организовал оборону. Они залегли в канаве и начали отстреливаться. На помощь подоспел расположенный неподалеку взвод противотанковых ружей под командованием лейтенанта Г. М. Беленко. Силы были, конечно, неравны. Но наши бойцы, воодушевляемые личным примером командира полка, не отступили ни на шаг. Недостаток активных штыков восполнялся их мужеством и стойкостью. На левом фланге, где стояли петеэровцы, дошло до рукопашной. Лейтенант Беленко со своими бойцами смело бросился на гитлеровцев и сам уничтожил четырех солдат.

Вскоре к штабу подоспели другие подразделения. Немцы были рассеяны, частично взяты в плен. Буквально через несколько дней генерал М. Ф. Григорович подписал наградные листы на К. Г. Андриевского и Г. М. Беленко, а вместе с ними и на командира взвода того же 1-го стрелкового полка младшего лейтенанта В. Я. Борисова, который в труднейшую минуту боя заменил раненого командира роты и добился успеха. Все получили награды: Андриевский — орден Красного Знамени, Беленко и Борисов — ордена Александра Невского.

* * *

15 июля гитлеровцы из района южнее Золочева нанесли сильный танковый удар по войскам 38-й армии и приостановили ее продвижение. Бои здесь приняли ожесточенный характер. На участке же 60-й армии, где 15-й и наш 23-й корпуса во взаимодействии с передовыми отрядами танкистов генерала П. С. Рыбалко уже имели определенный успех и пробили брешь в обороне немцев, по приказу командующего 1-м Украинским фронтом с промежутком в сутки были введены в прорыв обе танковые армии — 3-я и 4-я. Использование в сражении такой массы танков в очень узкой полосе при одновременном отражении сильных контратак противника на флангах является примером, свидетельствующим о большом полководческом искусстве маршала И. С. Конева. Танковые лавины двинулись по размытым прошедшими накануне грозовыми ливнями и простреливаемым противником дорогам. Они настойчиво рвались на оперативный простор.

Все эти дни на командном, а затем и на наблюдательном пунктах нашего корпуса находилось партийное руководство Львовской области во главе с первым секретарем обкома И. С. Грушецким. Мы, и особенно член Военного совета армии генерал В. П. Оленин и начальник политотдела корпуса полковник А. А. Орлов, проявляли о них постоянную заботу. Гости оказались непоседливыми. Им все хотелось видеть собственными глазами: и как наступают части, и как ведет себя противник. Для них на наблюдательном пункте оборудовали надежное укрытие. Тут уж пришлось как следует поработать корпусному инженеру Н. А. Перельштейну со своими саперами.

В тот период я лично познакомился с Иваном Самойловичем Грушецким, хотя мы все, разумеется, знали, что он был прежде членом Военного совета 2-го Украинского фронта. Грушецкий оказался человеком сердечным и отзывчивым. Потом мы с ним встречались во Львове, Раве-Русской, а еще позже, уже после войны, на Украине. И. С. Грушецкий был первым секретарем Волынского обкома КПУ, а я в тех местах служил. В 1974 году мы снова встретились с Иваном Самойловичем, уже председателем Президиума Верховного Совета УССР, на праздновании 30-летия освобождения Украины от немецко-фашистских захватчиков.

Разумеется, ни Грушецкий, ни другие работники обкома не сидели постоянно на командном пункте. По мере продвижения наших войск они выезжали в освобожденные города и села, создавали там вновь органы Советской власти, партийные комитеты, налаживали снабжение населения, организовывали

идейно-политическую работу. Заново возрождались колхозы, совхозы; там, где можно было, пускались заводы, фабрики, начинали действовать профсоюзные, комсомольские и другие общественные организации. В освобожденных районах, таким образом, восстанавливался привычный советский уклад жизни.

* * *

С утра 17 июля разгорелись упорные бои за Опаки, Колтув. Гитлеровцы, боясь окружения, стягивали в эти районы большую часть своих сил. Из Брод сюда отходили части 8-й танковой и 454-й охранной пехотной дивизий. Частыми контратаками немцы стремились нащупать слабое место в наших боевых порядках и прорваться в юго-западном направлении. Мы потом подсчитали, что только за один день 17 июля таких контратак силой свыше батальона пехоты при поддержке 3–7 самоходно-артиллерийских установок было девятнадцать.

В связи с быстрым продвижением 15-го стрелкового корпуса фронт нашего наступления расширился до 20 километров. Между полками и батальонами образовались большие разрывы. Используя это, немцы выбросили во фланг 68-й гвардейской дивизии десант автоматчиков на бронетранспортерах с задачей приостановить наступление наших частей. Их удар приходился в стык между 1-м и 2-м батальонами 202-го гвардейского стрелкового полка.

Завязался жестокий бой. Комбат 1 капитан В. В. Каракулов, кавалер четырех боевых орденов, несколько раз поднимал своих бойцов в атаку. Не выдержав в рукопашной схватке, гитлеровцы откатились, но, собрав силы, контратаковали снова и снова.

Тяжело приходилось и воинам 2-го батальона. На левофланговую роту, в которой осталось не более двух десятков активных штыков, навалилось до полусотни фашистов. Один за другим падали сраженные бойцы, но остальные продолжали драться с еще большим упорством. Погибли все командиры взводов, был ранен ротный старший лейтенант И. К. Власенко, почти не осталось в строю сержантов, но красноармейцы продолжали драться.

Ценой больших потерь противнику удалось в конце концов потеснить наши подразделения в районе поселка Опаки и овладеть его юго-западной частью, а также остановить наше продвижение перед крупным поселком Колтув. Наши неоднократные попытки овладеть этим населенным пунктом потом успеха не имели.

Обстановка сложилась нелегкая. Гитлеровцы, чувствуя, как кольцо вокруг них сжимается, делали отчаянные усилия, чтобы вырваться из него. Нам же недоставало еще одного, последнего усилия: только взяв Колтув и Кругув, мы смогли бы выполнить поставленную задачу — завершить окружение бродской группировки противника. И комкор это прекрасно понимал. У него было редкое оперативно-тактическое чутье. В ходе боя генерал Григорович умел точно определить момент, когда нужно пускать в ход резервы. Вот и в тот раз, внимательно посмотрев на мою рабочую карту с нанесенными на ней последними данными о противнике, Михаил Фролович неожиданно сказал:

— Надо вводить триста пятьдесят девятую дивизию. Пора! Попробуем убедить в этом командующего.

Мы как раз ждали на наблюдательном пункте П. А. Курочкина. Из штаба армии сообщили, что он выехал к нам в корпус.

Командарм прибыл вечером. Григорович встретил его, доложил о положении дел и обратился в заключение к Курочкину с просьбой разрешить использовать 359-ю дивизию.

— Спешите, Михаил Фролович.

— Нет, товарищ командующий. У нас с противником сейчас фактическое равновесие сил. Его надо нарушить. И в нашу пользу, конечно!

— А вы попробуйте сманеврировать. Соберите кулак и бейте!

— Уже били, товарищ командующий. Не получается…

— Попробуйте еще раз. А резервная дивизия нам с вами может еще очень пригодиться.

— Но вы же сами всегда были сторонником решительных мер. Нельзя давать противнику времени опомниться. Он выдыхается. Его нужно добить. Наступил самый подходящий момент для наращивания удара. Упустить его непростительно. Вы посмотрите на обстановку…

— Доводы убедительные, согласен, Михаил Фролович.

Потом Курочкин сообщил радостную весть: войска нашего фронта форсировали Западный Буг и, перешагнув Государственную границу Советского Союза, вступили на территорию Польши.

359-я стрелковая дивизия, совершив марш в ночь на 18 июля из урочища Ярославецки Ляс, где она стояла, с рассветом вступила в бой на восточной и южной окраинах Колтува. Немцы продолжали отчаянно сопротивляться. В городе у них находился крупный опорный пункт с широко разветвленной сетью траншей, блиндажами, дзотами, множеством огневых точек. И повсюду — минные поля.

1198-й стрелковый полк (командовал им подполковник Д. И. Загребин) получил задачу овладеть господствующей высотой 374,0 и ворваться в Колтув с юго-востока. Сделать это было не так-то легко. Местность открытая, вся простреливается. Атаковать в лоб нельзя. И Загребин решил устроить с фронта демонстрацию атаки, отвлечь тем самым внимание противника, а батальон капитана С. Г. Решетникова послать в обход и ударить им с фланга. Вместе с батальоном по заданию Загребина пошел начальник штаба полка майор Г. П. Мурашко, чтобы на месте помочь комбату в организации атаки. Мурашко — грамотный, знающий офицер, не раз уже отличался в боях. Он имел шестнадцатилетний стаж службы и почти двухлетний опыт войны.

Батальон Решетникова скрытно вышел во фланг гитлеровцам. Артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, открыли беглый огонь по немецким траншеям, опоясывающим высоту. Особенно метко стрелял взвод лейтенанта Т. Е. Мыльникова. Один за другим умолкли подавленные им вражеские пулеметы. Высоту накрыла плотным огнем и полковая артиллерийская группа. Маневренно действовали минометчики. Взвод лейтенанта Ф. Е. Филиппова, например, выдвинулся скрытно по ложбине к самым немецким окопам. Установив 82-мм минометы в овражке, Филиппов сам пополз еще дальше и устроился в воронке от снаряда буквально в ста метрах от противника, откуда и корректировал огонь.

Атака началась перед рассветом. Батальон Решетникова неожиданным для фашистов ударом во фланг сбил их с высоты. На плечах отступающего врага бойцы полка ворвались в Колтув. Завязались уличные бои. На помощь Решетникову пришли другие части.

Утром 18 июля 359-я во взамодействии с подошедшей к тому времени 237-й танковой бригадой овладела Колтувом. Используя положение, перешел в решительное наступление и правый фланг корпуса. 200-й гвардейский стрелковый полк 68-й гвардейской дивизии под командованием майора М. Л. Черникова, сломив сопротивление немцев на рубеже Нетреба, Ревегув Гай, бывший замок, прорвал основную полосу обороны и овладел поселком Голубица. Для развития успеха здесь решением командарма был введен 31-й танковый корпус с задачей овладеть Подгорце и надежно замкнуть кольцо вокруг бродской группировки противника. Взаимодействуя с ним, части 68-й гвардейской дивизии, обойдя Жаркув, достигли северной окраины Подгорце.

Мужественно, со знанием дела дрались с врагом бойцы всех родов войск: артиллеристы, пехотинцы, саперы, связисты. Я

держу в руках взятые в Центральном архиве Министерства обороны СССР наградные листы на воинов корпуса — в свое время многие из них прошли через мои руки — и с волнением вспоминаю подвиги наших солдат.

…Рядовой Иван Григорьевич Меньшиков, старший линейный надсмотрщик кабельно-шестовой роты нашего батальона связи. 20 июля 1944 года под сильным минометным огнем он проложил кабельную линию по открытому полю за 10 минут. Несколько раз провод перебивали снаряды, и тогда Меньшиков снова выходил на линию, исправлял повреждение, обеспечивая бесперебойную связь с дивизией. Иван Григорьевич награжден орденом Красного Знамени.

…Старший сержант Георгий Федорович Никитин, командир 45-мм орудия 202-го гвардейского полка, коммунист. В бою за село Лопуха Ропчинского района его расчет подавил два пулемета противника и одну пушку. Затем Никитин участвовал в отражении контратаки врага и, ведя огонь в упор, уничтожил до двух десятков гитлеровцев. Он был тоже удостоен ордена Красного Знамени.

…Красноармеец Георгий Александрович Дружков, стрелок роты автоматчиков 1194-го полка. 21 июля 1944 года при атаке на Магдамовку он возглавил группу бойцов и первым ворвался с ней в деревню. Был захвачен немецкий обоз, взято 24 пленных. Г. А. Дружков награжден орденом Отечественной войны II степени.

Всех отличившихся тогда в боях не перечислить — их было великое множество. Остановлюсь еще лишь на одном примере, потому что о людях этой боевой специальности пишут, к сожалению, мало, а спасали они сотни жизней.

…Лейтенант медслужбы Иван Владимирович Копыл, командир взвода санносильщиков 198-го гвардейского полка, коммунист, уроженец мест, где мы в то время воевали. В боях 26 и 27 июля он проявил исключительное мужество и лично вынес с поля боя под огнем 54 тяжелораненых, оказав им при этом квалифицированную медицинскую помощь. Ивану Владимировичу был вручен орден Красного Знамени.

* * *

20 июля наш сосед справа — 13-я армия во взаимодействии с 1-й и 3-й танковыми армиями овладела населенными пунктами Ясешов, Конты, Гуманиска и, оставив на этом рубеже прикрытие фронтом на юг, продолжала наступление в западном направлении. Одновременно сосед слева — 15-й стрелковый

корпус обошел противника южнее района Бялы Камень, обеспечив прикрытие на рубеже Жулице, Дембина, Скварзава, и вышел в район Красное, Глиняны, где соединился с частями 13-й армии. Таким образом, бродская группировка немцев была прочно окружена в районе Бялы Камень.

Гитлеровцам было предложено капитулировать, но они отказались это сделать, надеясь, видимо, на помощь извне. И тогда наш корпус получил приказ уничтожить окруженные войска противника — остатки пяти пехотных и одной танковой дивизий.

По распоряжению командарма нас усилили артиллерией. Корпус получил в свое подчинение одну пушечную и одну гаубичную бригады, минометный полк и дивизион «катюш». Теперь мы могли надежно подавить оборону противника. Утром 21 июля после сильной артподготовки наши дивизии перешли в наступление. Уничтожая остатки гитлеровцев в населенных пунктах Подгорце, Ожидув, Олеско, корпус овладел ими и начал постепенно сжимать кольцо, охватывающее фашистскую группировку. 22 июля одновременно ударом 68-й гвардейской и 99-й дивизий на Подлесье, а 359-й дивизии — на Почапы гитлеровцы в опорном пункте Бялы Камень были частично уничтожены, частью взяты в плен. Только незначительным силам противника удалось прорваться через болото на Бельзец и Скварзаву. Эти разрозненные группы были впоследствии добиты силами 1198-го полка 359-й дивизии.

В тот же день вечером генерал-полковник П. А. Курочкин донес командующему 1-м Украинским фронтом, что войска армии в результате трехдневных ожесточенных боев закончили уничтожение бродской группировки противника. Гитлеровцы потеряли до 15 тысяч солдат и офицеров убитыми и свыше 10 тысяч пленными, в том числе был пленен в полном составе и штаб 361-й пехотной немецкой дивизии. Кроме того, было уничтожено и захвачено 59 танков и САУ, 610 орудий и минометов разного калибра, около семи тысяч автомашин. В качестве трофеев нам досталось 28 крупных складов с военным имуществом и продовольствием.

За время уничтожения бродской группировки части корпуса в напряженных круглосуточных боях прошли до 40 километров, освободив 42 населенных пункта, в том числе три районных центра. Личный состав при этом проявил большое мужество, стойкость и высокое боевое мастерство, за что приказом Верховного Главнокомандующего от 24 июля 1944 года ему была объявлена благодарность.

Путь на Львов был свободен. Немцы не имели здесь резервов, способных остановить наше наступление. Поэтому они

принимали срочные меры для укрепления непосредственных подступов к городу. С участка Станислав, Коломыя были сняты 101-я горно-стрелковая и 68-я пехотная дивизии для переброски ко Львову (их заменили венгерские части), где они совместно с остатками 340-й пехотной дивизии поспешно занимали оборону севернее города.

68-я гвардейская дивизия, вышедшая первой из боя, после короткого отдыха выступила в направлении Львова и была передана в подчинение командира 28-го стрелкового корпуса. В нашем корпусе остались две дивизии — 99-я и 359-я, три истребительно-противотанковых артиллерийских полка и один минометный. В течение нескольких часов мы приводили в порядок личный состав и материальную часть, а 23 июля продолжили наступление на Львов.

Севернее города бои с противником вели на широком фронте части 102-го стрелкового корпуса, в частности его 112-я дивизия. Нам было приказано сменить ее, заняв исходное положение для наступления на сравнительно небольшом по протяженности участке от Завадува до Калинувки. Генерал Григорович, оценив обстановку, решил, что основную ударную группировку следует создать на правом фланге в районе Гженда, прикрывая остальной фронт одним полком. Это было очень характерно для тактики и оперативного искусства того периода войны — смело сосредоточивать на узком участке основные силы для удара, оставляя на всем остальном довольно широком фронте лишь небольшое прикрытие. Бесспорно, известный риск здесь есть; на войне ведь может случиться всякое. Но риск оправдывал себя, и результаты, как правило, были положительными. Кроме того, командир, принимая такое решение, обычно имел самые точные данные о силах и намерениях противника.

Надо отдать должное нашим разведчикам — они хорошо справлялись со своей нелегкой задачей. В корпусе разведку в то время возглавлял очень знающий и, если так можно выразиться, очень мобильный человек — подполковник Сергей Михайлович Дащук. В своей трудной и опасной работе офицер проявлял много выдумки и изобретательности. Часто, слишком часто он бывал на переднем крае и даже пытался сам ходить в разведку, за что получил от меня внушение. Он умел находить смелые, оригинальные решения для заброски разведчиков в тыл врага, часто связывался с партизанами, с местными жителями, многие из которых активно помогали нам, хотя находились и такие, которые вредили.

Я имею в виду украинских националистов и прочее антисоветское отребье. Нельзя забывать, что дело происходило в

Западной Украине, лишь накануне войны вошедшей в состав Советского Союза. Мы располагали сведениями о наличии националистических банд, бывших петлюровцев в лесах, мимо которых шли войска. Все они были связаны с гестаповцами и выполняли их задания. Стфываясь в чащобах, бандиты, случалось, нападали на наших красноармейцев и офицеров, грабили и терроризировали местное население, разбрасывали злобные листовки.

Еще в феврале 1944 года было опубликовано Обращение Верховного Совета и СНК УССР, разоблачающее предательство украинско-буржуазных националистов и их вожаков, открывающее глаза тем, кто случайно попал в их ряды. Кто честно порывал с прошлым, тому правительство гарантировало полное прощение их заблуждений и ошибок. Обращение было напечатано на украинском языке в специальной листовке, и наши политработники распространяли ее в городах и селах, где проходили части. Политотделы корпуса и дивизий вели активную политическую работу с пополнением, поступающим из освобожденных районов Украины. Перед призывниками раскрывалось истинное лицо украинских националистов, находящихся в услужении гитлеровцев, их предательство и продажность, разоблачались демагогические измышления этого антисоветского сброда. Нам нужна была постоянная бдительность и высокая боеготовность.

* * *

Вернемся снова к непосредственной подготовке наступления на Львов. В соответствии с замыслом предстоящего боя генерал М. Ф. Григорович определил построение боевого порядка корпуса. 99-я дивизия заняла исходное положение для наступления на фронте протяженностью 3, а 359-я — 14 километров, причем на четырех километрах здесь располагались главные силы — два полка, тогда как весь остальной участок прикрывал лишь один. На правом же фланге сосредоточивалась и основная масса артиллерии. Корпус получил на усиление истребительно-противотанковую, пушечную и гаубичную бригады, а также полк гвардейских минометов. Таким образом, в полосе прорыва 99-й дивизии находилось 279 орудий и минометов, тогда как на фронте наступления 359-й дивизии их было всего 198. Значительная часть пушечных батарей по предложению полковника И. А. Никитина была выдвинута непосредственно в боевые порядки пехоты.

К этому времени обстановка на львовском направлении сложилась такая. Слева от нас 28-й стрелковый корпус подходил к городу с востока. Справа 102-й стрелковый корпус 13-й армии подвижными отрядами вышел в район Янув и во взаимодействии с 3-й танковой армией отрезал противнику пути отхода в западном направлении. Немцам снова угрожал котел. Это, конечно, сказалось на их моральном состоянии, хотя дрались они по-прежнему ожесточенно. Дисциплина, как известно, в вермахте насаждалась самыми свирепыми методами. С любым заподозренным в трусости, паникерстве или дезертирстве фельджандармерия расправлялась на месте, даже не выслушав его объяснений. Уже в этот период мы стали обнаруживать трупы расстрелянных немецких солдат, и чем ближе к концу войны, тем чаще. Начавшееся под влиянием серьезных поражений разложение гитлеровской армии трудно было остановить.

Без малого два дня продолжалась подготовка к наступлению, и все время штаб корпуса работал с присущей ему оперативностью. Подполковник И. М. Видиборец со своими подчиненными буквально за считанные часы разработал необходимые боевые документы. Затем операторы отправились в соединения, чтобы проконтролировать выход частей в исходное положение и их подготовку к атаке. Майоры И. В. Смирнов и В. Е. Салогубов, в частности, были направлены в 359-ю дивизию и помогли ее штабу организовать взаимодействие с приданной артиллерией и авиацией, которая выделялась, на период прорыва первой полосы обороны противника.

Наступление частей корпуса на Львов началось утром 25 июля. Преодолевая сильное огневое сопротивление противника, 359-я дивизия, наносящая главный удар в направлении Гжибовице, Великий Жидатыче, продвинулась вперед на 3–4 километра и овладела населенными пунктами Гамулец, Гженда и Черна Гура.

Противник частями 68-й, 101-й горной и остатками 340-й пехотных дивизий попытался задержать наше продвижение и почти все время контратаковал, используя промежуточные рубежи обороны и естественные складки местности.

1198-й стрелковый полк, наступая в направлении Черна Гура, был остановлен сильным вражеским огнем у высоты 344,0. В трудном положении оказался его первый батальон, залегший на совершенно голом месте. Ни кустика, ни деревца — ровное поле; единственное укрытие — воронки от снарядов. Батальон нес большее потери. В этот момент в передовых цепях появилась ловкая подвижная фигура офицера, в котором бойцы сразу узнали заместителя командира полка по политчасти майора Ю. А.

Хохрякова.

— Передать по цепи, — крикнул Хохряков, — что позади открытое пространство, и мы все погибнем, если начнем отход. Выход только один — вперед! Возьмем высоту броском! Артиллерия нам поможет.

Неподалеку в воронке находился командир полковой батареи 76-миллиметровых пушек старший лейтенант В. В. Лесовой. Замполит знал его как искусного мастера своего дела. Перебежав к нему на передовой наблюдательный пункт, Хохряков сказал:

— Надо обязательно подавить немецкие пулеметы на флангах. Иначе атака снова захлебнется.

— Постараемся! — ответил комбат, делая расчеты в блокноте.

Вскоре телефонист уже передавал его команду на огневую позицию:

— По пулемету. Осколочным…

Одна за другой все три фланкирующие огневые точки были подавлены. Как только они замолчали, майор Хохряков поднял батальон в атаку. Комбат к этому времени выбыл из строя и сам сделать этого не мог. Стремительным броском высота 344,0 была взята. Полк продолжал наступление и вскоре овладел населенным пунктом Черна Гура.

В этом бою отличились связисты полка, особенно взвод старшины И. М. Калашникова. Поскольку немцы вели интенсивный артиллерийско-минометный огонь, проводная связь то и дело прерывалась. Телефонистам приходилось почти каждые пятнадцать — двадцать минут выходить на линии. Людей во взводе было мало, поэтому Калашников частенько сам шел исправлять повреждения под сильным огнем, ежеминутно рискуя жизнью. Однако старшина методично выполнял свою задачу. Он был опытным специалистом и давно привык к опасности, потому что воевал с июля 1941 года. Даже будучи контуженным, Калашников продолжал работать на линии и обеспечил надежную связь. За мужество и отвагу, проявленные в боях, старшина вскоре был награжден орденом Отечественной войны II степени. Такую же награду получил и командир батареи Владимир Лесовой. Майор же Хохряков был удостоен за этот бой ордена Красного Знамени. Из политработников 359-й дивизии тогда же отличился заместитель начальника политотдела подполковник Р. Я. Пасичник. Во время боя он был во втором батальоне 1196-го стрелкового полка и, находясь в наступающих цепях, личным примером увлекал за собой бойцов. Стремительной атакой подразделение овладело другой господствующей над Львовом высотой — 236,0. Пасичнику так же, как и Хохрякову, был вручен

орден Красного Знамени.

Весь день 26 июля корпус вел упорные бои на подступах к городу, но продвинуться дальше не смог. У немцев здесь была сильно укрепленная оборона. Да и в количестве войск на этом направлении мы имели весьма незначительное преимущество.

Вечером пришел приказ из штаба 60-й армии, который предписывал нам ускорить продвижение и во что бы то ни стало овладеть назавтра северной частью города.

Прочитав шифровку, Григорович задумался. Лицо его нахмурилось. Это означало, что комкор недоволен. И я понимал Михаила Фроловича. В нашем распоряжении всего две дивизии — сил явно маловато. А для наступления нужно иметь хотя бы двойное превосходство над противником.

— Сделаем так, — сказал наконец Григорович, придвигая карту. — Триста пятьдесят девятая дивизия оставляет на занимаемом рубеже прикрытие, а основными силами сосредоточивается в лесу северо-восточнее станции Бжуховице. Отсюда она совместно с девяносто девятой и полком самоходных орудий должна, прорвав оборону немцев на узком участке, ударом вдоль железной дороги выйти в районе Женска Польска, где соединится с частями двадцать четвертого танкового корпуса…

Комкор умолк, и я вопросительно посмотрел на него, ожидая продолжения. Но он неожиданно спросил:

— А как думаешь, Сергей Александрович, куда лучше всего в конце концов нацелить триста пятьдесят девятую?

Я еще раз взглянул на карту, хотя наизусть знал все, что на ней нанесено, и, подумав, ответил:

— Пожалуй, наиболее эффективным будет удар через Малехов. Здесь и местность позволяет, и, кроме того, по нашим данным, там находится стык между двумя немецкими частями. Отсюда дивизия может прямо выйти к северной части города.

— Пусть будет так, — одобрил Григорович план. — Оформите приказом и разошлите в войска.

Принимая решения, Михаил Фролович имел обыкновение советоваться со мной и другими работниками штаба. И хотя занимаемый им пост требовал строгого соблюдения принципов единоначалия, командир корпуса умел находить пути к сердцам людей и всегда опирался в своей работе на подчиненных.

* * *

27 июля в 4.00, как и было приказано комкором, 359-я

стрелковая перешла в наступление и, сломив сопротивление противника, начала быстро продвигаться вперед. Через час с небольшим начальник штаба дивизии подполковник Г. С. Хаврин уже докладывал мне, что ударом 1198-го полка через Голоско с северо-запада и 1196-го полка вдоль дороги из Сбойска на Львов 359-я штурмом овладела северной частью города. В уличных боях прекрасно проявили себя артиллеристы. 221-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион под командованием коммуниста гвардии капитана Н. М. Базарова был выдвинут в боевые порядки пехоты на прямую наводку. Немцы открыли по батарейцам сильный пулеметный огонь. Но несмотря на это, противотанкисты продолжали методично стрелять и уничтожили одну за другой двенадцать огневых точек противника. Путь для пехоты был расчищен. За мужество и большое командирское искусство, проявленные в этом бою, капитан Базаров был удостоен ордена Александра Невского.

Одновременно с Базаровым был награжден орденом Красного Знамени и заместитель командира 359-й стрелковой дивизии полковник Е. О. Герман. Находясь в полку, действующем на главном направлении, он принял непосредственное участие в руководстве боем. Наступление велось по двум главным улицам. Было организовано два штурмовых отряда, в одном из которых и был полковник Герман. Он все время находился в цепи наступающего отряда, нередко, рискуя жизнью, руководил штурмом отдельных узлов сопротивления, поднимал красноармейцев в атаку.

Одновременно с 359-й начала наступление и вторая наша дивизия — 99-я. Сломив сопротивление немцев в районе Бжуховице, она к 8.00 овладела поселками Женска Польска, Левандувка и, выйдя на западную окраину Львова, соединилась там с частями 28-го стрелкового корпуса, наступающего на город с юго-запада.

Память не сохранила имен многих людей, геройски сражавшихся в боях за Львов. Помню только некоторых. В 99-й дивизии был, например, командир роты — старший лейтенант Григорий Пехтерев. Храбрец, каких мало, он в одном из уличных боев со своими бойцами совершил стремительный обходный маневр и уничтожил большую группу просочившихся в наше расположение вражеских автоматчиков. Когда потребовалось, Пехтерев сам лег за пулемет и начал в упор расстреливать фашистов.

В 206-м стрелковом полку запомнился командир пулеметной роты старший лейтенант Николай Петров, о котором мне подробно рассказывал начальник политотдела 99-й дивизии

полковник И. К. Елисеев. Николаю со своими верными пулеметчиками однажды в течение часа пришлось отбивать четыре вражеские контратаки. И они сделали это с завидным хладнокровием. Потеряв до 20 человек только убитыми, гитлеровцы отступили.

В полдень город Львов был полностью очищен от немецко-фашистских оккупантов. В тот же день генерал-полковник П. А. Курочкин доносил командующему 1-м Украинским фронтом:

«Войска армии во взаимодействии с частями 3-й и 4-й танковых армий 27 июля штурмом овладели городом и крупным железнодорожным узлом Львов — важным оперативно-стратегическим центром и мощным опорным пунктом обороны немцев, прикрывающим пути в Польшу и Румынию.

В боях за овладение г. Львовом отличились войска:

23-й стрелковый корпус — командир корпуса генерал-майор Григорович М. Ф.;

Соединения корпуса:

99-я стрелковая Житомирская Краснознаменная дивизия — командир дивизии генерал-майор Сараев А. А.;

359-я стрелковая Ярцевская дивизия — командир дивизии полковник Косалапов П. П.;

28-й стрелковый корпус — командир корпуса генерал-майор Озимин М. И.;

106-й стрелковый корпус — командир корпуса генерал-майор Кузовков И. А.…» [6]

Вечером столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам 1-го Украинского фронта, освободившим город Львов. Приказом Верховного Главнокомандующего № 132 полкам 359-й дивизии и 1-му полку 99-й было присвоено наименование «Львовские», а всему личному составу корпуса объявлена благодарность.

Со взятием Львова был уничтожен последний опорный пункт гитлеровцев по пути выхода наших войск на Государственную границу СССР 1939 года, проходившую по реке Сан в направлении на Жешув. Именно туда в последующем и были нацелены войска армии. Уже 27 июля во второй половине дня, когда после четырехчасового отдыха мы привели части в порядок и подтянули технику, корпус получил приказ начать преследование противника в западном направлении. В наше подчинение была возвращена 68-я гвардейская стрелковая дивизия, чему мы с Григоровичем искренне порадовались. За то время, что дивизия воевала в составе корпуса, мы хорошо узнали и ее командира генерала Владимира Филипповича Стенина и начальника штаба полковника Григория Митрофановича

Каравана и подружились с ними.

Мы преследовали отходящего противника. Полки, принимая все меры охранения, двигались в колоннах по дорогам. Усиленные отряды прочесывали населенные пункты. Наступая в полосе шириной до 15 километров в направлении Яворов, Радымно, Жешув, части корпуса 29 июля вышли на Государственную границу СССР и переправились через реку Сан. За четыре дня они продвинулись на запад более чем на 150 километров и с ходу завязали бои с противником на восточном берегу реки Вислок в районе Жешув.

Здесь снова отличился 1-й стрелковый полк бывшего оператора нашего штаба майора К. Г. Андриевского. Сковывая гитлеровцев главными силами 68-й гвардейской дивизии на восточной окраине города, корпус одним полком той же дивизии и тремя полками 359-й начал форсировать реку Вислок. В этот момент для наращивания удара Григорович ввел в бой 99-ю дивизию, следовавшую на марше во втором эшелоне.

В ночь на 2 августа 1-й стрелковый во взаимодействии с танкистами генерала П. П. Полубоярова переправился через реку, причем очень скрытно. Часть бойцов Андриевский пустил вплавь. Они бесшумно достигли противоположного берега и без единого выстрела сняли там охрану гитлеровцев. Затем на плотах вместе с техникой начали переправляться пулеметчики, артиллеристы и минометчики. Еще до наступления рассвета полк целиком был в тылу у немцев. Оставив прикрытие на дорогах, ведущих с запада, К. Г. Андриевский внезапно атаковал противника всеми своими батальонами. Удар для фашистов был настолько ошеломляющим, что они, почти не оказывая сопротивления, стали отходить в северо-западном направлении.

Корпус овладел городом Жешув и, стремительно преследуя противника, вышел на рубеж Сендзишув, Загужице. Тут у гитлеровцев была сильно укрепленная полоса обороны, состоящая из 3–4 линий траншей полного профиля с хорошо развитой системой дотов и дзотов. Дома в населенных пунктах были приспособлены под огневые точки, подступы к ним заминированы. Гитлеровцы намеревались задержать здесь наше наступление. Району Дембица они придавали особое значение, потому что он являлся важнейшим узлом сопротивления на подступах к городу Кракову, крупнейшему стратегическому пункту и центру авиационной промышленности.

Местность в этом районе для нас была невыгодной. Сильно пересеченная, со множеством оврагов и ручьев, она затрудняла маневр пехоте и особенно артиллерии. Отроги Карпатских гор, простиравшиеся с юго-востока на северо-запад, подступали

вплотную к Сендзишуву, Ропче, Дембице и шли далее по западному берегу реки Вислы. Отдельные высоты поднимались на 400 метров над уровнем моря.

Дивизии наши к тому времени были изрядно потрепаны. В частях оставалось мало личного состава. Нельзя забывать, что мы с боями прошли 330 километров. Ощущалась острая нехватка боеприпасов. Базы снабжения находились далеко в тылу. Подвозить оттуда снаряды и мины гужтранспорт не успевал, а почти все автомашины стояли из-за отсутствия горючего. При таком положении дел корпус не смог прорвать оборону противника сразу. Встал вопрос о необходимости перегруппировки войск и более тщательной подготовке дальнейшего наступления.

По решению командира корпуса в полках было организовано по одному стрелковому батальону, куда сводились все роты. Это упрощало и намного облегчало управление подразделениями. Высвободившийся офицерский состав выводился в резерв. 359-я дивизия, как наиболее сильная, была переброшена на правый фланг и заняла исходное положение для наступления на узком участки у поселков Вельки и Сендзишув. Ее место — 9 километров по фронту — было занято 68-й гвардейской дивизией, имевшей больше всех потерь в личном составе. Вся дивизионная и приданная корпусу артиллерия использовалась на направлении главного удара. Тщательно изучали мы систему обороны противника. Все это продолжалось вплоть до 21 августа.

В те дни все работники штаба корпуса были заняты выездом в войска для проведения различных мероприятий, помогали командирам размещать части, готовить их к предстоящим боям. Много пришлось потрудиться и политотдельцам во главе с Александром Алексеевичем Орловым, человеком, как я уже рассказывал, немногословным, но очень деятельным. Политработникам пришлось не только вместе с нами готовить войска к наступлению, разъяснять его цели, задачи, поднимать моральный дух личного состава, но и проводить несколько непривычную, весьма специфическую работу. Мы находились на территории Польши, где население еще в предвоенные годы соответствующим образом настраивалось своими буржуазными правителями против Советского Союза. И хотя люди, разумеется, были рады освобождению от фашистского рабства и даже помогали нам, тем не менее многое еще в нашем образе жизни оставалось для них непонятным, вызывало настороженность. Народу нужно было разъяснить и на деле доказать, что мы пришли как друзья и всячески готовы помочь возрождению страны.

По указанию Военного совета армии в освобождаемых нами крупных населенных пунктах мы совместно с представителями Польского комитета Национального освобождения проводили митинги. На них выступали командиры и политработники, рассказывали, с какими благородными целями пришла в Польшу Красная Армия, разъясняли национальную политику нашей партии. Для местного населения организовывались демонстрации советских кинофильмов, выступления коллективов самодеятельности, духовых оркестров. Концерты, как правило, начинались исполнением Гимна Советского Союза. Нередко исполнялся и Польский национальный гимн.

Наши саперы разминировали промышленные объекты, предназначенные фашистами для взрыва, спасали культурные и исторические национальные памятники. Тыловикам же зачастую приходилось налаживать снабжение населения хотя бы в первые дни продовольствием и питьевой водой. Вся эта большая работа воочию убеждала польский народ в доброжелательности и искренности наших устремлений, способствовала становлению политического самосознания масс и укреплению советско-польской дружбы.

* * *

21 августа после тщательно проведенной подготовки части корпуса снова перешли в наступление. Упорные бои завязались в районе поселка Борек, где у немцев был сильный опорный пункт. Буквально каждый дом в городе был приспособлен для круговой обороны, и все подступы к нему простреливались артиллерийским и пулеметным огнем. Исходя из характера обороны противника, мы уже в ходе наступления создали дополнительные группы разграждения и штурмовые группы, по одной в батальоне. Они были усилены противотанковой артиллерией, саперами и огнеметами. Такое перестроение дало хороший результат. К исходу дня противник в Бореке был уничтожен. Правофланговые части корпуса вышли гитлеровцам во фланг, и те, опасаясь окончательного разгрома своей группировки под Сендзишувом, начали оттягивать основные силы на запад.

Получив это сообщение от нашего начальника разведотдела подполковника С. М. Дащука, я немедленно доложил о нем генералу М. Ф. Григоровичу. Комкор выслушал меня и распорядился:

— Передайте комдивам: стремительно преследовать

противника в направлении Ропчица и на его плечах врываться на последующие оборонительные рубежи.

— Хорошо бы для решения этой задачи в каждой дивизии создать сильные подвижные передовые отряды, — заметил я.

Григорович согласился с этим предложением и приказал приготовить соответствующее распоряжение. Мы понимали, что предстоящее преследование противника потребует от войск максимального напряжения сил и стремительных действий — только так возможно достигнуть успеха.

Разговор наш происходил на командном пункте, где находился новый командующий артиллерией полковник С. И. Матыш, несколько дней назад сменивший на этом посту полковника И. А. Никитина.

— Артиллерия не должна отставать от пехоты, — поворачиваясь к нему, сказал Михаил Фролович, — иначе мы будем остановлены перед первым же оборонительным рубежом противника.

— Сделаем все возможное, товарищ генерал, — ответил Матыш. — Только пехота должна помочь артиллеристам. Местность труднопроходимая.

— Такая команда будет дана. — Григорович выразительно посмотрел на меня. — Позаботьтесь, Сергей Александрович.

К чести наших артиллеристов следует сказать, что они отлично справились со своей задачей. Пехота, разумеется, им помогла. Там, где было нужно, орудия перетаскивались на руках совместными усилиями. Батареи не только следовали в боевых порядках стрелковых батальонов, но и, когда возникала необходимость, быстро сосредоточивали массированный огонь по важнейшим целям и уничтожали их. Хорошо помню, как в бою за высоту 265,0 нам потребовалось сосредоточить огонь 924-го артполка по опорному пункту немцев. Сделано это было в течение пяти минут.

Наступая днем и ночью, соединения корпуса сбивали группы прикрытия противника и настойчиво продвигались вперед. Большую роль при этом играли передовые отряды, созданные, как было приказано, каждой дивизией. В передовой отряд обычно входил стрелковый полк, как правило, на машинах и усиленный танками, самоходными установками и артиллерией на мехтяге. Быстро продвигаясь от рубежа к рубежу, передовые отряды нередко заходили отступающим гитлеровцам в тыл, упреждали их в захвате выгодных позиций, деморализовывали врага. Насколько неожиданным для фашистов бывало порой появление наших войск, свидетельствует хотя бы такой факт. В районе Лодзина при нашем стремительном приближении гитлеровцы не успели снять

с огневых позиций 4 орудийные батареи, оставив их вполне исправными вместе с изрядным запасом снарядов, которые были потом, конечно, использованы нами для стрельбы по врагу.

24 августа части корпуса, очистив от противника лесной массив юго-восточнее Дембица, вышли на рубеж Лотошин, Гумниска, Брацеевка и встретили там сильное огневое сопротивление немцев. Как потом выяснилось, они подбросили сюда 78-ю погранДивизию и сосредоточили большое количество артиллерии, доведя ее численность до 60 стволов на один километр фронта. Несколько наших попыток преодолеть оборону врага успеха не имели, и с 28 августа мы вынуждены были перейти к обороне на достигнутом рубеже южнее Дембица.

Почти за месяц ожесточенных наступательных боев наши части продвинулись в западном направлении еще более чем на 50 километров, очистив от врага громадную территорию.

2 сентября по приказу командарма корпус сдал свой участок обороны частям 322-й и 100-й стрелковых дивизий и был выведен в леса юго-восточнее Дембица. 359-я дивизия, как наиболее полноценная, была переподчинена командиру 15-го стрелкового корпуса. В нашем же подчинении остались лишь 68-я гвардейская и 99-я дивизии. В этом составе нам и предстояло совершить стовосьмидесятикилометровый марш в район Рава-Русская, где мы должны были пополниться личным составом, боевой техникой и подготовиться к новым боям. Одновременно с нами в Львовскую область была переброшена 316-я стрелковая дивизия, которая и вошла затем в состав корпуса.

Проводить нас приехал генерал П. А. Курочкин. Он был оживлен, шутил, но в голосе то и дело прорывались грустные нотки.

— Вот и расстаемся, — сказал командарм. — На фронте люди быстро привыкают друг к другу. А мы с вами немало прошли вместе. — Он неожиданно улыбнулся. — Правда, если брать по времени, это не так уж и много, но зато расстояние…

— Что и говорить, товарищ командующий, — жива отозвался генерал Григорович. — Давно ли стояли под Бродами, а теперь вон уже в Польше. Позади, считайте, вся Западная Украина. Шаг-то, выходит, теперь у нас скорый.

— Ну, спасибо вам за все! — сказал Павел Алексеевич, крепко пожимая руку каждому из нас. — Воевали на совесть! Пожелаю и дальше действовать в том же духе. Теперь вы переходите в распоряжение командующего шестой армией, находящейся пока в резерве Ставки…

Генерал Курочкин многозначительно подчеркнул это «пока». Но мы и сами знали, что уходим с фронта ненадолго. Впереди нас

снова ждут бои и походы, ждут новые большие испытания.

Глава пятая
За столицу Венгрии

Осень 1944 года застала нас снова на Украине. Корпус, отведенный с фронта на переформировку, стоял в районе Равы-Русской. В состав его входили все те же 68-я гвардейская, 99-я и 316-я стрелковые дивизии, изрядно поредевшие в тяжелых боях на львовском направлении и под Сандомиром. Мы принимали пополнение, получали новую технику, занимались боевой подготовкой. Части располагались в лесах. Там были срочно созданы лагеря, оборудованы учебные поля и стрельбища. Днем и ночью на них шла напряженная боевая подготовка. Каждый час использовался с предельной нагрузкой. Спланированные штабами занятия строго контролировались и проводились в любую погоду, в любое время суток. Срыв хотя бы одного из них считался чрезвычайным происшествием. Командиры понимали, что предоставленную нам передышку надо как можно эффективнее использовать для подготовки войск к предстоящим боям. А о том, что они не за горами, свидетельствовала обстановка на фронтах. К этому времени немецко-фашистские захватчики были почти полностью изгнаны с территории нашей Родины. Боевые действия шли теперь за рубежами страны. Красная Армия освободила значительную часть Польши, Румынию и Болгарию. Однако гитлеровцы продолжали отчаянно сопротивляться. Проведя ряд тотальных мобилизаций, Гитлер бросил на советско-германский фронт, оставшийся по-прежнему главным фронтом второй мировой войны, новые контингент войск. В их задачу входило любой ценой задержать наше наступление, не допустить прихода Красной Армии в саму Германию.

В те сентябрьские дни штаб корпуса, как всегда, работал напряженно. Мы контролировали ход боевой подготовки в соединениях, готовили и проводили полковые тактические учения с боевой стрельбой, сборы специалистов, командно-штабные тренировки и командирские занятия. Части находились в постоянной боевой готовности, нередко поднимались по тревоге. От людей требовалась высочайшая бдительность. В окрестных лесах продолжали прятаться остатки разбитых банд украинских националистов, и нам нередко приходилось помогать местным властям в их ликвидации. Как раз в тот период мне снова довелось встретиться с И. С. Грушецким, первым секретарем Львовского обкома КП(б)У. Он иногда приезжал в Раву-Русскую и по старой памяти заглядывал в наш штаб.

К началу октября мы в основном закончили прием пополнения, укомплектовали части, полностью снабдили их штатной боевой техникой. Было завершено слаживание рот и батальонов. Началось сколачивание полков. Со дня на день ждали приказа выступать. Ни у кого не было сомнения в том, что корпус вернется на 1-й Украинский фронт, в составе которого мы воевали довольно долго. Однако произошло непредвиденное.

Мне хорошо запомнился день 8 октября. Утром мы с начальником оперативного отдела подполковником И. М. Видиборцем занимались привычной работой: наносили на карту обстановку на участке 1-го Украинского. Внезапно в комнату вошел генерал М. Ф. Григорович. Увлеченные делом, мы не сразу заметили его. Комкор поздоровался и, склонившись над картой, сказал:

— Та-ак… Польша, значит, Первый Украинский… Придется вам отныне забыть о нем.

Мы посмотрели на генерала с недоумением.

— Да-да, — подтвердил Михаил Фролович. — Теперь нам предстоит заняться изучением обстановки в Венгрии.

— Почему? — спросили мы в один голос.

— Только что звонил командующий армией и приказал завтра же вечером начать погрузку в эшелоны. Корпус перебрасывается на новое операционное направление и входит в состав Второго Украинского фронта…

Сообщение было совершенно неожиданным.

— Что молчите? — улыбнулся Григорович. — Пойдемте ко мне, распределим войска по эшелонам. Надо как можно скорее подготовить боевой приказ, Сергей Александрович. Путь ведь предстоит неблизкий: через Украину, Румынию — в Венгрию. Пока же я отдам командирам дивизий устные распоряжения.

Мы с Видиборцем молча встали из-за стола, взяли необходимые документы и пошли за комкором.

Штаб сразу же приступил к детальной разработке и планированию длительного переезда войск по железной дороге. Работа эта очень трудоемка. Требуется учесть сотни «мелочей», порой совершенно от нас не зависящих: пропускную способность отдельных участков дороги, пункты остановок для пополнения продовольствия, фуража и воды, меры маскировки, зенитного прикрытия… Уже к исходу дня все дивизии и отдельные части получили боевой приказ и пришли в движение, а наутро и штаб корпуса, прибыв на станцию Рава-Русская, начал погрузку в эшелон.

Поздно вечером поезд отошел от платформы и стал набирать скорость. В вагоне топилась печь-времянка и было тепло. Мерно

постукивали колеса, но я долго не мог уснуть. Вспомнились почему-то первые месяцы войны, товарищи, с которыми тогда пришлось побывать в отчаянных переделках на Крымском фронте. В то время я был начальником штаба 361-го полка 156-й стрелковой дивизии.

Поезд продолжал стремительно мчаться по Прикарпатью. Была глубокая ночь. Печка накалилась так, что стало душно. Все вокруг спали. И только я продолжал беспокойно ворочаться, а память возвращала меня почему-то к Перекопу, к упорным боям с немцами, имевшими пятикратное преимущество в живой силе и артиллерии и абсолютное — в танках и авиации. С тяжелыми боями пришлось отходить из Крыма через Армянск, Ишунь, Феодосию, Керчь. Тогда как раз я был награжден первым орденом Красного Знамени. Потом была тяжелая оборона на Дону, отступление на Северный Кавказ, бои на туапсинском и абинском направлениях… Трудное, очень трудное время…

Постепенно картины прошлого в сознании стали тускнеть, смещаться, и я уснул под стук колес настороженным, неглубоким сном.

…Восемнадцать дней длилась дорога. За это время мы как следует обжили свои платформы и теплушки, чувствовали себя в них как дома. В подразделениях были организованы занятия. Люди изучали оружие, уставы и наставления, знакомились с предстоящим театром военных действий. Мы провели на картах штабную тренировку. Немало времени уделялось политической учебе. Личному составу регулярно сообщались сводки Совинформбюро, разъяснялось положение на фронтах. Особое внимание мы обращали на обстановку в Венгрии.

После выхода Болгарии, Румынии и Финляндии из фашистского блока в нем из европейских стран осталась лишь одна Венгрия, четверть века находившаяся под фашистским режимом диктатора М. Хорти. Три с лишним года венгерские части участвовали в войне против СССР. Экономика страны была полностью подчинена интересам гитлеровской Германии. Разумеется, народ оказывал сопротивление фашистам. По инициативе венгерских коммунистов были созданы группы Сопротивления, которые стали наносить по врагу посильные удары.

Хорти тайно предложил главам правительств США и Англии заключить перемирие. Те порекомендовали ему обратиться к Советскому Союзу, войска которого уже пересекли венгерскую границу. 1 октября в Москву прибыла венгерская миссия с полномочиями подписать перемирие, если СССР согласится на «участие американцев и англичан в оккупации Венгрии» и на

«свободный отход немецких войск».

Узнав о намерениях Хорти, Гитлер приказал усилить контроль над венгерскими военными учреждениями и войсками. В район Будапешта были переброшены крупные танковые силы немцев. Хорти дали понять, что любое антигерманское выступление будет подавлено самым жестоким образом, и он не стал противоречить своим хозяевам.

* * *

В начале октября линия боевого соприкосновения войск 2-го Украинского фронта с врагом составляла 800 километров и проходила от перевала Прислоп в Карпатах до Дуная (восточнее Белграда), образуя два огромных выступа: первый — в северной части Трансильвании — вдавался в нашу сторону; второй — в западных районах Румынии — в сторону немцев, упираясь вершиной в юго-восточный участок границы Венгрии. Отсюда и было решено нанести основной удар. Ставка приказала войскам 2-го Украинского фронта при содействии наступавшего правее, к северо-востоку от водораздела Карпатского хребта, 4-го Украинского фронта разгромить противостоящие силы противника и вывести Венгрию из войны.

6 октября началась Дебреценская операция войск теперь уже нашего, 2-го Украинского фронта. Находясь в пути, мы все время следили за ее ходом, пытаясь угадать, где и когда могут ввести в сражение наш корпус. Но участвовать в этой операции нам не пришлось. Она закончилась 23 октября 1944 года. Были освобождены северная часть Трансильвании и все левобережье Тиссы. Войска продвинулись на 130–275 километров и вышли на линию Чоп, Сольнок, Байя. Был захвачен крупный плацдарм, простирающийся от Альпара на Тиссе до Байи на Дунае.

Успех Дебреценской операции заставил венгерскую делегацию в Москве быть более сговорчивой и принять предварительные условия соглашения о перемирии, предложенные нами. Главным в нем было то, что Венгрия, оставаясь суверенным государством, должна порвать с фашистской Германией и объявить ей войну. Только в этом случае Советский Союз давал согласие помочь венграм. 16 октября гитлеровское командование отстранило Хорти от власти, заменив его главарем венгерских фашистов Салаши, который отдал приказ армии продолжать борьбу против советских войск.

* * *

На рассвете 28 октября наш штаб прибыл наконец к месту назначения и разместился в венгерском местечке Мезёхедьеш. В окрестных селах, хуторах и рощах сосредоточивались и части корпуса.

В Мезёхедьеше штаб корпуса сразу же развернул работу по встрече и размещению прибывающих соединений, по организации управления, связи, боевого обеспечения, по подготовке техники и войск к наступлению. Особое значение приобретало налаживание материально-технического снабжения с новых баз и складов. Однако основные усилия мы сосредоточили на сборе данных об обстановке, чтобы к моменту получения боевой задачи штаб располагал всеми необходимыми сведениями о противнике, своих войсках и местности. Все это было нужно командиру для принятия решения. Через штаб 46-й армии мы получили последние сведения о группировке гитлеровцев и их действиях, установили контакт со штабами некоторых дивизий на переднем крае, провели инженерную разведку отдельных маршрутов и переправ на вероятных путях выдвижения корпуса. Мы спешили, потому что были уверены: здесь нам задерживаться не придется. Обстановка на фронте требовала незамедлительного ввода в бой свежих сил.

Рано утром 29 октября у меня в комнате раздался требовательный телефонный звонок. Я услышал голос комкора.

— Зайди ко мне, Сергей Александрович, — попросил Григорович, и по его тону я понял: что-то произошло.

Быстро одевшись, я направился в соседний домик, где обосновался комкор. Михаил Фролович уже ждал. Тут же был и начальник политотдела полковник Орлов.

— Нас вызывает командующий фронтом, — сказал генерал Григорович. — Хочет лично познакомиться. Его интересует боеспособность наших дивизий, их обеспеченность, политико-моральное состояние личного состава. Подготовьте необходимые справки. Выезжаем через два часа.

Мы условились, какие документы взять с собой, и я ушел их готовить. Точно в назначенное время два «виллиса» выехали из Мезёхедьеша в направлении Арада, восточнее которого в лесу располагался штаб 2-го Украинского фронта. Мы с Григоровичем ехали в первой машине, полковник Орлов с одним из работников политотдела — во второй.

Стоял ясный осенний день. С деревьев тихо падали желтые листья, прихваченные первыми заморозками. По сторонам от дороги то и дело встречались неубранные кукурузные поля и виноградники. На изрытой воронками земле чернели остовы разбитых пушек и обгоревших танков со свастикой. Все говорило

о том, что здесь совсем недавно прошла война, оставив после себя разорение и запустение.

Ехать пришлось на малой скорости. Навстречу двигались колонны автомашин с горючим, боеприпасами, шли обозы. Это подтягивались вторые эшелоны и тылы войск, уже далеко продвинувшихся вперед на запад, по правому берегу Тиссы. В воздухе несколько раз появлялись большие группы самолетов, идущих на бомбежку противника.

«Виллис» подпрыгивал на ухабистой дороге. Мы молчали, поглощенные каждый своими мыслями.

— О чем думаешь, Сергей Александрович? — нарушил молчание Григорович. — Небось о встрече с командующим?

— Угадали, Михаил Фролович.

— Волнуешься?

— Пытаюсь представить, как он нас встретит, о чем спросит, какую задачу поставит. Не каждый же день на доклад к маршалу попадаем.

— Значит, робеешь, — засмеялся комкор и, понизив голос, доверительно признался: — А знаешь, я тоже. Не то чтобы робею, а волнуюсь, хоть и работал с большим начальством. Должен был бы привыкнуть, ан нет… Наверное, так и нужно. Помню, еще командиром батальона был, вызывает командир полка по какому-нибудь вопросу, идешь к нему и знаешь, что в твоем хозяйстве все в порядке, а все равно беспокоишься. Без волнения нам, военным, никак нельзя. Будешь равнодушным, порядка не жди…

Я не мог не согласиться с Григоровичем. Только человек, душой болеющий за порученное дело, может по-настоящему наладить его.

— Нет, не может быть солдат равнодушным, — продолжал Михаил Фролович. Видно, наш разговор задел в душе его что-то сокровенное, давно выношенное. — Солдат всегда в дороге, всегда в тревоге. Он за страну в ответе. — Григорович снова улыбнулся и стал теребить щеточку своих усов.

Прибыли мы в штаб фронта уже после полудня. Полковник Орлов сразу же пошел на доклад к члену Военного совета, а мы с комкором — к командующему.

2-м Украинским фронтом в то время, как известно, командовал Маршал Советского Союза Родион Яковлевич Малиновский. Он принял нас сразу же. Не без волнения переступили мы порог его особняка.

Малиновский шумно поднялся навстречу, поздоровался, пожимая нам руки. Был он высок и плечист. Глаза маршала смотрели пристально и очень доброжелательно. Усевшись рядом, Родион Яковлевич спросил, как доехали. На круглом его лице то

и дело появлялась теплая улыбка. Видно, у него было хорошее настроение. И это вполне понятно. Войска фронта успешно завершили Дебреценскую операцию и готовились к наступлению на Будапешт.

Командующий фронтом выслушал доклад Григоровича не перебивая, потом поинтересовался укомплектованностью корпуса людьми, их настроением. Спрашивая, он смотрел на собеседника чуть прищуренным взглядом и очень внимательно выслушивал ответ.

— Обстановка в Венгрии сейчас сложная, — сказал Р. Я. Малиновский. — После смещения Хорти образовано новое правительство из представителей фашистской организации «Скрещенные стрелы», которое не собирается складывать оружия. Поэтому нам придется иметь дело не только с немецко-фашистскими войсками, но и с венгерской армией, оставшейся в подчинении гитлеровцев и их прислужников — салашистов.

Родион Яковлевич кратко изложил нам постановление Государственного Комитета Обороны от 2,7 октября 1944 года, в котором подчеркивалось, что Красная Армия пришла в Венгрию не завоевательницей, а освободительницей народа от немецко-фашистского гнета.

— По этому вопросу есть воззвание Военного совета фронта, — отметил маршал. — В нем разъясняется сущность постановления Государственного Комитета Обороны. Вы ознакомьтесь с ним и всю работу по воспитанию воинов ведите в духе этих документов.

В конце беседы Р. Я. Малиновский сказал:

— Завтра, самое позднее послезавтра, вы получите приказ о включении корпуса в состав сорок шестой армии. Боевую задачу на наступление поставит командарм генерал Шлемин. Бои ожидаются трудные, на легкую победу не рассчитывайте. Фашисты будут драться с упорством обреченных.

— Войска корпуса готовы выполнить любой приказ Родины! — сказал генерал Григорович.

— Не сомневаюсь в этом, — ответил Малиновский и попросил зайти к начальнику штаба фронта генералу М. В. Захарову, чтобы доложить ему о состоянии корпуса более подробно. Затем он тепло попрощался с нами, пожелав успехов в предстоящих боях.

* * *

Во второй половине дня 29 октября войска левого крыла

фронта перешли в наступление на Будапешт. Они прорвали немецкую оборону в междуречье Тиссы и Дуная и успешно продвигались вперед. К вечеру мы получили из штаба фронта приказ. Корпус выводился из резерва и включался в состав 46-й армии, которой предназначалась главная роль в овладении столицей Венгрии — Будапештом.

На следующий день командир корпуса, я, начальник политотдела, начальники оперативного и разведывательного отделов, командующий артиллерией корпуса, начальник связи и корпусной инженер были вызваны в штаб 46-й армии. Генерал И. Т. Шлемин в присутствии члена Военного совета и начальника штаба поставил корпусу задачу: за два ночных перехода сосредоточиться в районе юго-западнее города Чонград, после этого 68-ю гвардейскую стрелковую дивизию передать в оперативное подчинение командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса, а остальным соединениям двигаться за действующими впереди механизированными частями, к десяти часам утра 2 ноября занять рубеж Сабадсаллаш, Шольт и в последующем наступать вдоль восточного берега Дуная в направлении на Будапешт.

Генерал Шлемин предупредил, что корпусу предстоит совершить форсированный марш в условиях открытых флангов. В ходе его передовым частям придется вести бои с разрозненными группами противника, оставшимися в тылах наших войск.

— Части корпуса имеют большой боевой опыт, — сказал командарм. — Так что я на вас надеюсь…

Для выработки решения нам отвели три часа. Надо было тщательно продумать организацию марша, вопросы управления, взаимодействия. Припоминаю, с какой нагрузкой и увлечением работали мы в те часы.

Успешно справиться с подготовкой справки для доклада комкору нам помогли заблаговременно проведенная разведка противника и местности, а также тесный контакт с управлением 46-й армии и входившими в ее состав дивизиями.

Начальник оперативного отдела подполковник И. М. Видиборец предложил на период наступления выслать в штаб 4-го гвардейского механизированного корпуса оперативную группу, а чтобы повысить темп продвижения своих частей, личный состав стрелковых подразделений посадить на автомашины и повозки. Я поддержал его, и генерал М. Ф. Григорович одобрил эти предложения.

По соседству с нами в другой комнате находилась группа командира 4-го гвардейского мехкорпуса генерала В. И. Жданова. Мы обменивались мнениями, предложениями, детально

отрабатывали все вопросы взаимодействия.

Решение было выработано. Мы с Михаилом Фроловичей еще раз уточнили некоторые вопросы организации марша, управления, бесперебойной работы тыла и пошли к командарму.

Генерал И. Т. Шлемин посмотрел на часы. До назначенного срока оставалось 10 минут.

— Досрочно, товарищ Григорович? — сказал он, улыбаясь. — Слушаю вас.

Решение командира корпуса сводилось в основном к следующему: в течение ночи на 2 ноября совершить 80-километровый форсированный марш по двум маршрутам; с целью захвата исходного рубежа для наступления от каждой дивизии выслать передовые отряды в составе дивизиона САУ-76 с пехотой-десантом и батальона пехоты на автомашинах; командиры дивизий обязаны постоянно поддерживать тесное взаимодействие с частями первого эшелона, организовывать разведку и боевое охранение.

Командующий утвердил решение без изменений.

— Теперь все будет зависеть от вашей организованности и дисциплины, — сказал он, обращаясь к командиру корпуса. — Главное, чтобы ваши части не отставали от бригад четвертого гвардейского механизированного. Не забудьте, что вам предстоит развить их успех при овладении Пештом с ходу.

Начальник штаба армии генерал-майор М. Я. Бирман проинформировал, как будет организована связь штаба армии со штабом корпуса, и поставил задачу по разведке противника.

Генерал-лейтенант Шлемин задал нам еще несколько вопросов, поинтересовался, все ли ясно, и, прощаясь, сказал:

— Теперь, товарищи, встречаться будем на поле боя.

Начали готовиться к маршу. Операторы во главе с неутомимым Видиборцем в короткие сроки довели задачи до командиров дивизий и полков, контролировали выполнение распоряжений штаба, помогали готовить войска к боевым действиям. Начальник связи подполковник Ф. А. Зорин (А. Ф. Шацкий убыл из корпуса на должность командира полка связи 6-й армии) и командир корпусного батальона связи майор Н. М. Готовченко приложили немало усилий, чтобы экипажи радиостанций смогли обеспечить довольно устойчивую связь с дивизиями и частями корпусного подчинения, с соседями. Много пришлось потрудиться и корпусному инженеру подполковнику Н. А. Перельштейну вместе со своими подчиненными, чтобы организовать переправу войск через Тиссу.

В политотделе корпуса состоялось совещание политработников соединений и частей. Полковник А. А. Орлов

рассказал собравшимся о постановлении Государственного Комитета Обороны от 27 октября 1944 года, зачитал воззвание Военного совета 2-го Украинского фронта. Он обратил внимание собравшихся на большое значение этих документов и предложил как можно быстрее довести их содержание до всего личного состава.

В войсках проводились беседы о великой освободительной миссии Красной Армии, о Венгрии, революционных традициях ее народа. Активное участие в этой работе приняли дивизионные многотиражные газеты.

* * *

Будапештская операция началась 29 октября 1944 года нанесением удара с юга. Войска левого крыла 2-го Украинского фронта, сломив сопротивление противника, стали быстро продвигаться к венгерской столице. 1 ноября к наступлению был подключен 4-й мехкорпус, с которым мы должны были тесно взаимодействовать. На его машины была посажена пехота 68-й гвардейской дивизии. Две другие наши дивизии двинулись следом, выслав вперед усиленные отряды-дивизионы самоходных установок с десантами, сопровождаемые пушечными батареями артполков.

Погода испортилась. Пошли дожди. Проселочные дороги развезло. Вдобавок еще маршрут наш пролегал по заболоченной местности. По полям, казалось, невозможно было пройти. Однако марш совершался довольно организованно.

Штаб корпуса перемещался за 99-й стрелковой дивизией. Управление войсками отвечало особенностям боевых действий и было организовано так: в штабе 4-го гвардейского механизированного корпуса находилась наша оперативная группа во главе с начальником разведки подполковником С. М. Дащуком, которая каждые два часа по радио докладывала о действиях противника и своих войск. В передовых отрядах дивизий тоже были офицеры штаба, регулярно сообщавшие о продвижении этих подразделений и обо всем замеченном в пути. На маршрутах движения офицеры-направленцы штаба корпуса контролировали прохождение частями рубежей регулирования.

За двое с половиной суток части прошли форсированным маршем 185 километров. Личный состав стрелковых батальонов передвигался на повозках и трофейных машинах, поэтому наша пехота не отставала от боевых порядков 4-го мехкорпуса, который во взаимодействии с 68-й гвардейской дивизией продолжал

продвижение вперед. Противник, понеся большие потери, отошел на остров Чепель за реку Чепели Дунааг (Шорокшарский Дунай) и частично на рубеж Вечеш, Такшонь. Передний край проходил по линии водосточного канала, ширина которого была 7, а глубина до 2,5 метра, и далее на запад по высотам. Здесь были отрыты траншеи полного профиля, оборудованы площадки для пулеметов, создана хорошо развитая система инженерных заграждений. Сплошь установленные минные поля опоясывали проволочные заграждения, большая часть которых находилась под током высокого напряжения.

4 ноября, преодолевая упорное сопротивление немцев, главные силы двух наших дивизий вышли к южным окраинам Пешта на рубеж Илле, Такшонь на фронте 24 километра. Третья же дивизия, прикрывая левый фланг корпуса, по мере продвижения его к венгерской столице растянула свои боевые порядки по восточному берегу Чепели Дунааг от Такшонь до Ташш по фронту до 40 километров.

Гитлеровцы стремились любой ценой приостановить наступление наших войск, ввели в бой резервы. На внешний обвод обороны Будапешта вышли части 1-й венгерской и 1-й немецкой танковых дивизий, мехдивизия «Фельдхернхале» и батальон парашютного полка. Чуть позже в полосе 46-й армии, в том числе и нашего корпуса, появились 22-я кавдивизия СС, сформированная в Будапеште из венгерских немцев, и танковый корпус в составе четырех дивизий гитлеровцев. Завязались ожесточенные бои. Заметных успехов они нам не принесли. Не имея средств усиления, мы не смогли надежно подавить огневую систему противника и прорвать его оборону. Не сумели продвинуться дальше обводного канала и механизированные корпуса. Таким образом, овладеть городом с ходу, как это предусматривалось планом операции, 46-й армии, точно так же как и другим объединениям, не удалось. На то были, разумеется, свои причины, объективно изложенные в донесении представителя Ставки Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко от 24 ноября 1944 года. Прежде всего войска фронта действовали распыленно на трех направлениях — мишкольском, эгерском и хатванском, что не позволило нам создать значительного перевеса сил над противником на каком-либо одном из них. Были недооценены возможности и способности гитлеровцев к быстрому маневру. Ведь относительно небольшой район Будапешта обороняло свыше четверти миллиона вражеских солдат и офицеров. Поставленные в тяжелое положение, они сопротивлялись отчаянно. К тому же нельзя забывать, что войска фронта, наступая непрерывно 112 дней, были сильно измотаны.

Шли обильные дожди, дороги развезло, и двигаться по ним было тяжело. Тылы отстали от войск, что также не способствовало успеху наступления. Войска фронта были остановлены, и им пришлось в течение трех с половиной месяцев вести тяжелейшие бои за столицу Венгрии.

Рано утром 5 ноября мне позвонил начальник штаба 46-й армии генерал М. Я. Бирман.

— Есть решение командующего, — сказал он. — Вам предстоит сменить части четвертого мехкорпуса на рубеже Илле, южная окраина Вечеш, Такшонь и далее на юг по восточному берегу реки Чепели Дунааг до Ташш, где организовать жесткую оборону. Смену закончить завтра к семи утра.

Выполнить эту задачу оказалось не так-то просто. Противник все время вел сильный огонь по нашим войскам и неоднократно контратаковал. Не успела, например, 99-я дивизия занять оборону на широком фронте и хоть немного закрепиться, как сразу же была вынуждена отражать одну за другой две контратаки превосходящих сил танков и пехоты гитлеровцев. Такая же картина сложилась и на участке 68-й гвардейской дивизии. Особенно ожесточенные бои ей пришлось вести в день 27-й годовщины Великого Октября. Фашисты атаковали дивизию с двух направлений: со станции Ракоцилигет на юг и из поселка Дунахараст на Такшонь. Завязались упорные боевые действия, длившиеся несколько часов.

Утром 8 ноября из 68-й гвардейской дивизии вернулся полковник А. А. Орлов, находившийся там почти двое суток. Он был полон впечатлений и взволнованно рассказывал нам о подвигах воинов.

Взвод ПТР под командованием лейтенанта А. Я. Бабина прикрывал левый фланг своего батальона на окраине Такшонь. Когда немцы приблизились к селу, воины, подпустив их поближе, открыли меткий огонь. Почти сразу же два вражеских бронетранспортера были подбиты из противотанковых ружей. Однако гитлеровцы, имея превосходство в силах, продолжали продвигаться вперед и отрезали взвод от батальона. Бабину и его подчиненным пришлось драться в окружении. Они заняли круговую оборону и, продолжая вести организованный огонь, отбили три атаки противника. Когда немцы откатились в очередной раз, Бабин решил воспользоваться этим моментом. Он поднял бойцов, и те стремительным ударом прорвали кольцо окружения. Взвод внезапно оказался у гитлеровцев в тылу, и те, боясь быть зажатыми с двух сторон, отступили на исходные позиции.

Не менее дерзко и изобретательно действовали

красноармейцы другого батальона того же 202-го гвардейского полка. Группа немецких автоматчиков просочилась здесь в тыл одной из рот. Укрывшись за разбитым зданием, гитлеровцы поджидали подкрепления с явным намерением атаковать наши позиции. Их заметил возвращавшийся в свое подразделение писарь-каптенармус ефрейтор М. В. Марков. Боец не растерялся. Ничем не выдавая себя, он по-пластунски добрался до ближайших окопов. В них занимало оборону отделение старшего сержанта П. Джершмаева. Посоветовавшись, решили поступить так: Марков отползает в сторону и открывает по немцам огонь, отвлекая их внимание на себя, а Джершмаев тем временем обходит со своими бойцами противника и атакует его во фланг. Застигнутые врасплох гитлеровцы бросились бежать. Двадцать из них было уничтожено, пятеро попали в плен.

Генерал М. Ф. Григорович посоветовал начальнику политотдела издать листовки о героических делах взвода лейтенанта Бабина и отделения старшего сержанта Джершмаева, отметив также мужественный поступок ефрейтора Маркова. Такие листовки были напечатаны на следующий же день и разосланы по подразделениям. Популяризации подвигов, передаче боевого опыта у нас всегда придавалось большое значение. Делалось это очень оперативно.

10 ноября на рассвете я выехал из села Оча, где находился штаб корпуса, на командный пункт 99-й стрелковой дивизии. Мне довольно часто приходилось выезжать на КП и НП командиров соединений и частей. Это было необходимо, только так можно было самому наблюдать ход боевых действий, лучше оценивать обстановку, своевременно принимать меры для точного выполнения приказов командира корпуса и вышестоящих начальников, поддерживать твердое управление войсками.

Генерала А. А. Сараева в штабе я не застал. Он был на своем наблюдательном пункте. Начальник штаба дивизии полковник Г. С. Половик подробно доложил обстановку, в которой действовали части, сообщил, какие он дал указания по организации разведки и управления. После этого мы с начальником разведки дивизии поехали на НП. Немцы вели методичный обстрел наших боевых порядков. Снаряды проносились над нами и рвались где-то в тылу, за огневыми позициями артиллерии.

НП командира дивизии располагался на окраине небольшого хутора около каменного дома со снесенной крышей. Саперы хорошо оборудовали несколько блиндажей. Один из них занимал командир дивизии. Мы оставили машину в роще и пешком пошли к НП.

— Хорошо, что ты приехал, Сергей Александрович, —

обрадовался Сараев. — Не поможешь ли чем? Маловато у нас артиллерии.

Обещать я, к сожалению, ничего не мог, потому что артиллерии и в корпусе было мало. Мы получили на усиление всего лишь один истребительно-противотанковый полк и пушечную бригаду, что было явно недостаточно при том широком фронте, который занимал корпус.

— Ты же знаешь, — продолжал Сараев, — участок-то у дивизии какой? А сколько танкоопасных направлений! Разве их прикроешь только своими силами? Немцы постоянно контратакуют танками.

Мы вышли из блиндажа и стали просматривать в бинокль боевой порядок 197-го стрелкового полка, который оборонял небольшой поселок Дьяль и станцию Дьяльпуста.

Из блиндажа выбежал сержант.

— Товарищ генерал, — обратился он к Сараеву, — вас срочно просит к телефону подполковник Ергин.

Я немного знал командира 197-го полка. Павел Иванович Ергин был волевым и мужественным человеком, не раз показавшим себя искусным организатором боя. Командир полка доложил, что немцы сосредоточивают на своем переднем крае танки и пехоту, и попросил, чтобы наша артиллерия открыла огонь по скоплениям гитлеровцев.

— Готовятся к контратаке, — заметил генерал Сараев и отдал приказание командующему артиллерией открыть огонь по сосредоточению танков и пехоты противника.

Через некоторое время немцы начали ответный артиллерийско-минометный обстрел левого фланга полка, а три их пехотных батальона при поддержке танков и бронетранспортеров двинулись в атаку в направлении станции Дьяльпуста. Начался упорный бой. В течение последних дней полку пришлось неоднократно отражать сильные контратаки врага, самому наносить удары, чтобы вернуть утраченные позиции. И эти бои, проходившие с переменным успехом, основательно измотали личный состав. В ротах были значительные потери. Да и противотанковых средств в полку не хватало. Несмотря на это, батальоны держались стойко. Танки и бронетранспортеры противника уничтожались огнем орудий, стоявших в боевых порядках пехоты, противотанковых ружей и самоходных артиллерийских установок.

С НП командира дивизии мы увидели, как одна из наших самоходок смело вступила в единоборство с «тигром». Меткий выстрел — снаряд угодил в башню вражеского танка, ее заклинило. «Тигр» пошел на таран. Но тут на помощь товарищам

подоспел расчет второй самоходной установки. Выстрелом в упор артиллеристам удалось пробить боковую броню «тигра» и поджечь его.

Через некоторое время гитлеровцы ввели в бой еще один батальон пехоты и несколько танков. Полк нес значительные потери, и Сараев решил отвести его на более выгодный рубеж. Подполковник Ергин мастерски осуществил этот маневр и, оставив прикрытие, быстро вывел батальон из-под удара. Вскоре полк закрепился на новом участке.

Еще в начале вражеской контратаки я позвонил командиру корпуса, который находился в то время в 68-й гвардейской, доложил ему обстановку и попросил, чтобы соседи помогли 99-й дивизии. Григорович выслушал меня, помолчал и со вздохом ответил:

— Передайте Сараеву, что сосед ничем помочь не сможет. Его правофланговый полк только что атакован крупными силами немцев, часть подразделений отходит на южный берег обводного канала. Примите все меры к тому, чтобы приостановить продвижение противника, не пропустить его через обводной канал.

Я сообщил командиру дивизии о своем разговоре с генералом Григоровичем. Посоветовавшись, мы решили сосредоточить огонь всей артиллерии дивизии по контратакующим подразделениям противника, а для наращивания сопротивления на участке 197-го полка ввести в бой батальон из второго эшелона дивизии, который быстро выдвинулся вперед и занял оборону по обводному каналу. Артиллерия открыла сильный огонь. Немцы некоторое время, неся потери, еще продвигались, затем откатились назад. Наступление гитлеровцев было, таким образом, приостановлено. Все их дальнейшие попытки форсировать канал были безуспешными.

В штаб я возвратился вечером. Григорович только что прибыл из 68-й гвардейской дивизии. Мы долго сидели над картой, анализировали обстановку.

— Сегодняшние бои, — сказал Михаил Фролович, подытоживая наш разговор, — дорого обошлись фашистам. Потери они понесли большие и вряд ли в ближайшие дни смогут предпринять новые контратаки.

* * *

11 ноября войска 46-й армии своим центром снова перешли в наступление. Мы же держали активную оборону, но недолго.

Утром 16 ноября был получен приказ генерала И. Т. Шлемина. В нем требовалось, чтобы корпус силами правого фланга овладел селом Вечеш и к исходу следующего дня вышел на рубеж Ракокерестур, Андрашши, а 316-я стрелковая дивизия готовилась к форсированию реки Чепели Дунааг.

Прочитав приказ, Григорович задумался, заметно обеспокоенный.

— Да-а, — протянул он, — нелегкую задачу нам поставил командарм.

Генерал поднялся из-за стола и, как всегда, когда нервничал, стал ходить по комнате.

— Вызывайте-ка, Сергей Александрович, начальников отделов и служб, — распорядился он. — И насколько можно побыстрее…

Через несколько минут названные комкором офицеры штаба собрались у него в комнате. Григорович уже заметно успокоился. Он подошел к столу и, взяв карту, заговорил негромко и властно:

— Нам приказано…

Проинформировав собравшихся о полученной боевой задаче, комкор спросил, все ли ясно, и, отдав необходимые распоряжения, отпустил офицеров. Штаб начал подготовку данных для организации наступления на правом фланге корпуса. Все понимали, что наступать в таких условиях очень трудно. Корпус действовал на широком 65-километровом фронте. 99-я дивизия обороняла полосу протяженностью 10 километров, 68-я гвардейская — 15, а боевые порядки 316-й дивизии растянулись на все 40 километров от Такшонь до Ташш по восточному берегу реки Чепели Дунааг. Пришлось поломать голову над тем, как создать ударную группировку, откуда взять для нее силы и средства. Тем более что перед фронтом корпуса действовало значительное количество войск противника: две танковые и одна механизированная дивизии, а также кавалерийская дивизия СС, не считая кавдивизии венгров и батальона парашютного полка. Правда, все они были изрядно потрепаны, однако имели еще достаточно сил, чтобы отразить наступление наших частей.

На южной окраине Пешта, как я уже указывал, у гитлеровцев была хорошо подготовленная в инженерном отношении оборона с разветвленной сетью траншей и большим количеством огневых точек, которые располагались, как правило, в крепких каменных и железобетонных постройках. Основные узлы сопротивления гитлеровцы усилили артиллерией, танками, самоходными орудиями и бронемашинами. Железнодорожные пути давали возможность вражеским бронепоездам близко подходить к нашему переднему краю и вести интенсивный огонь.

Развитая сеть шоссейных дорог и крупные населенные пункты позволяли противнику быстро маневрировать резервами.

Чтобы взломать такую оборону, требовалось создать штурмовые группы, но для этого мы не имели нужного количества инженерных и огнеметных средств. Кроме того, корпусу недоставало артиллерии, минометов и самоходно-артиллерийских установок. Танков у нас не было вовсе. Растянувшиеся коммуникации 46-й армии затрудняли своевременный подвоз боеприпасов, снаряжения и продовольствия.

— Для артподготовки очень мало мин и снарядов, — доложил командующий артиллерией полковник С. И. Матыш. — Сможем произвести лишь очень короткий огневой налет по переднему краю обороны противника.

— А что нам скажет начальник артснабжения? — повернулся Григорович к находившемуся здесь же майору Г. Т. Бойченко.

— Боеприпасы подвозим, товарищ генерал, — ответил он, — но, сами понимаете, погода подводит, да и дороги все забиты. К тому же лимит свой мы уже исчерпали.

Мы, конечно, понимали, что Бойченко делает все возможное. Начальник артснабжения, сменивший четыре месяца тому назад ушедшего от нас на повышение подполковника Ф. Ф. Никитина, показал себя офицером очень энергичным, знающим, находчивым. И если он не смог ничего сделать, значит, возможности действительно не было. Однако помочь наступающим надо было все же любым способом.

— Вы уж постарайтесь, Григорий Тарасович, кое-что достать на армейских складах, — сказал Григорович и снова обратился к Матышу: — Надо как можно ближе подтянуть артиллерию к участку прорыва. Проследите за этим лично, Степан Иосифович. И пристрелку поточнее сделайте, чтобы не тратить зря снарядов.

— Там, где можно, сделаем полную топопривязку, Михаил Фролович. И все же больше, чем я уже сказал, дать огня не сможем.

Тщательно взвесив все «за» и «против», командир корпуса решил: после пятиминутного огневого налета 99-й и 68-й дивизиям перейти в наступление и овладеть селом Вечеш, а к исходу дня выйти на рубеж Ракокерестур, Андрашши; главный удар наносить смежными флангами; 316-й дивизии к исходу 20 ноября быть в готовности к форсированию реки Чепели Дунааг.

Это решение необходимо было быстро довести до командиров соединений. В дивизии выехали офицеры штаба, в том числе и наши операторы майор М. А. Дельцов и капитаны П. Я. Рогов и А. В. Вильчик. Они же должны были помочь штабам

соединений в организации предстоящего боя.

17 ноября в три часа ночи (было еще совсем темно) после короткого артиллерийского налета два полка 99-й дивизии поднялись в атаку. Преодолевая упорное сопротивление противника, они овладели его первой и второй траншеями. К 8 часам утра 1-й стрелковый полк, которым по-прежнему командовал К. Г. Андриевский, ставший уже подполковником, достиг южной окраины Вечеша, а 206-й — южной окраины Андрашши. Однако здесь они были контратакованы вторыми эшелонами вражеских частей и подоспевшими резервами. Надо сказать прямо, что мы не учли всех возможностей противника, сумевшего так быстро сманеврировать. Да и система огня была недостаточно разведана. Под давлением превосходящих сил противника 1-й полк, понеся значительные потери, вынужден был отойти на исходные позиции.

Еще более сложной оказалась обстановка в полосе наступления 68-й гвардейской дивизии, которая наносила удар своим правым флангом в направлении станции Дьяльпуста. Не имея никаких средств усиления, кроме штатной артиллерии, располагавшей к тому же небольшим количеством боеприпасов, она не смогла подавить огневую систему и разрушить инженерные сооружения противника даже на его переднем крае. Поэтому действия соединения успеха не принесли.

Вечером 17 ноября меня вызвал к телефону генерал Бирман.

— Что там у вас? Туго? — спросил он.

Я подробно доложил начальнику штаба армии обстановку на участке правофланговых частей корпуса.

— Понимаю, что трудно, — заметил Бирман, помолчав, — но выполнять поставленную задачу все равно нужно. Таков приказ командарма.

Я попросил усилить корпус хотя бы артиллерией.

— Ничего выделить не сможем, — ответил генерал. — Обходитесь своими силами и средствами.

В течение нескольких последующих дней 99-я и 68-я гвардейская дивизии вели тяжелые бои. В один из этих дней 1-й батальон 202-го гвардейского стрелкового полка был почти окружен фашистами. Пока не замкнулось кольцо, командир батальона решил послать в штаб полка гвардии рядового Гилянова. Гитлеровцы заметили бойца, устроили засаду и захватили его в плен. На следующий день полк пошел в наступление и соединился с батальоном, который отразил все контратаки противника и удержал занимаемый рубеж. В подвале одного из домов, отбитых у немцев, было обнаружено тело красноармейца. Фашисты подвергли Гилянова зверским пыткам.

Он умер, но ничего не сказал врагам. Похоронили гвардейца со всеми воинскими почестями на станции Такшонь. В последний путь его провожали боевые друзья и многие местные жители. Все выступавшие на коротком митинге клялись отомстить врагу за смерть товарища.

Механик-водитель самоходной установки А. М. Кусковецкий был участником тех боев. Вот что он рассказал в 1964 году, когда мы встретились с ним в Южной группе войск, где я служил первым заместителем командующего, а Кусковецкий был майором, начальником разведки полка:

— Изуверство гитлеровцев, их глумление над нашим товарищем сильно потрясли нас. Все рвались в бой. Помню, как командир стрелкового подразделения поднял бойцов в атаку. Воины ворвались на окраину поселка Дунахараст. Их сразу же поддержали огнем экипажи артиллерийско-самоходных установок. Я старался как можно лучше управлять самоходкой, обеспечивая расчету ведение меткого огня. В этот день, мстя за смерть товарища, мы уничтожили пулемет и миномет противника…

Бои на южной окраине Пешта шли ожесточенные. Соединения корпуса сковали здесь значительные силы врага, лишив возможности перебросить их на другие направления.

* * *

Поскольку наступление на Будапешт с юго-востока было безуспешным, командующий 46-й армией решил начать подготовку к форсированию Дуная, а для этого было необходимо овладеть островом Чепель, чтобы в последующем нанести удар по городу с юго-запада. Выполнение задачи по захвату острова было возложено на 316-ю стрелковую дивизию полковника Л. И. Волошина, которая занимала оборону на широком фронте вдоль Чепели Дунааг и все это время вела усиленную разведку.

Удалось установить, что оборона противника очаговая, местами слабо развита в инженерном отношении и занята малыми силами. Поэтому Волошин решил форсировать Чепели Дунааг в двух местах, значительно удаленных друг от друга, где оборона гитлеровцев была наиболее слабой. Генерал М. Ф. Григорович одобрил решение комдива, и 21 ноября в 23.00 316-я стрелковая начала форсирование. Чтобы сохранить внезапность, сделано это было без артподготовки. Одновременно с пехотой на рыбацких лодках и плотах переправлялась артиллерия стрелковых полков. Гитлеровцы поздно обнаружили наш десант и

огонь открыли лишь в самый последний момент, когда передовые отряды уже высаживались на противоположный берег. Плацдармы на острове Чепель были захвачены. Началась переправа главных сил дивизии.

К исходу следующего дня Л. И. Волошин донес, что овладел Сигетсентмиклошем в 12 километрах южнее Будапешта и совместно с частями 37-го стрелкового корпуса очищает южную часть острова.

1-я кавдивизия противника, оборонявшаяся в районе междуречья, была почти полностью уничтожена. Лишь отдельным группам мадьярских солдат удалось переправиться на западный берег Дуная. Для противника создалась реальная угроза прорыва наших войск к городу, и, чтобы не допустить этого, он перебросил на остров Чепель мех дивизию «Фельдхернхале». Стремясь восстановить утраченное положение в районе Сигетсентмиклош, Текель, гитлеровцы с утра 22 ноября предприняли ряд контратак силою до полка пехоты при поддержке 15 бронеединиц.

В это время на усиление корпуса прибыла 24-я истребительно-противотанковая бригада, орудия которой сразу же переправились на западный берег Чепели Дунааг. Это усилило наши части, и они, отбивая яростные контратаки противника, в течение трех дней медленно продвигались вперед, закрепляя захваченные позиции.

Так на острове Чепель был создан довольно широкий плацдарм, с которого предполагалось форсировать уже сам Дунай. Чтобы обезопасить западный участок с севера, где стояли немецкие части, саперы в короткий срок надежно прикрыли позиции инженерными заграждениями. У переднего края протяженностью 4 километра были поставлены малозаметные препятствия, в несколько рядов натянута колючая проволока и установлено более 4500 противотанковых и 3500 противопехотных мин. Кроме того, по заданию генерала М. Ф. Григоровича корпусной инженер Н. А. Перельштейн создал на этом направлении подвижной отряд заграждения. Сюда же мы вывели и противотанковый резерв корпуса. Средствами 12-й и 24-й истребительно-противотанковых бригад и двух самоходных артполков был создан мощный узел противотанковой обороны.

* * *

27 ноября М. Ф. Григорович получил от командующего армией задачу форсировать Дунай на участке Эрд, Эрчи и к исходу второго дня овладеть рубежом Эрд, северная окраина села

Мартонвашар. Слева, южнее Эрчи, преодолеть Дунай должны были силы 37-го стрелкового корпуса. С захваченного плацдарма для развития успеха предполагалось ввести в сражение 2-й гвардейский механизированный корпус в общем направлении на Будакеси. Готовность к форсированию определялась на 2 декабря 1944 года.

Уяснив вместе с Григоровичем полученный приказ, я сразу же вызвал к себе начальников отделов, родов войск и служб управления корпуса, сообщил им о поставленной задаче, выслушал мнение офицеров. Подполковник И. М. Видиборец предложил форсировать Дунай частями 99-й дивизии, участок обороны которой мы сдавали нашему правому соседу, и одним полком 316-й стрелковой. Его поддержали другие товарищи. Полковник С. И. Матыш высказался за то, чтобы основную группировку артиллерии в составе четырех минометных, двух самоходных полков, гаубичной и истребительно-противотанковых бригад сосредоточить в полосе западной группировки войск корпуса. Сюда же поставить и корпусную группу, состоящую из 45-й и 17-й пушечных бригад, создав тем самым плотность артиллерии 227 стволов на километр фронта.

Заслуживающим внимания было предложение подполковника Н. А. Перельштейна. Дело в том, что немцы то и дело пускали вниз по Дунаю плавучие мины, засорявшие фарватер и создававшие угрозу нашим переправочным средствам. Чтобы устранить ее, Перельштейн порекомендовал на пути мин врага поставить сетевые заграждения, на что и получил «добро». Начиная со следующего дня плавучие мины, наталкиваясь на заграждения, взрывались, не причиняя никому вреда.

Всесторонне и детально оценив возможности своих поиск и противника, соотношение сил сторон, мы подготовили для командира корпуса вполне обоснованные, на мой взгляд, предложения. Генерал М. Ф. Григорович с ними полностью согласился. Его решение сводилось к тому, чтобы 68-й гвардейской и частью сил 316-й стрелковых дивизий оборонять рубеж Галамб, Такшонь, Текель, особенно прочно прикрывая направление Чепель, Текель, а 316-й и 99-й дивизиям, сосредоточив основные усилия в направлении поселка Сигетчеп, станции Тарнок, в тесном взаимодействии с 37-м стрелковым корпусом форсировать Дунай на участке Эрд, Эрчи и к исходу второго дня наступления овладеть рубежом Эрд, станция Тарнок, северная окраина Мартонвашар и в последующем быть готовыми наступать на Буду.

Выполняя приказ комкора, 99-я дивизия сдала свой участок обороны соседу справа и в течение двух ночей сосредоточивалась

на острове Чепель. Она расположилась в небольшом лесу южнее Сигетчепа. Ее 1-й полк занял исходное положение для форсирования реки на рубеже станция Сигетчеп, северо-восточная опушка леса, что восточнее Эрчи. Несколько поодаль от него, южнее поселка Текель, готовился к форсированию 1077-й полк 316-й дивизии. Слева от нас вели подготовку к броску через Дунай соединения 37-го стрелкового корпуса. 68-я гвардейская дивизия продолжала оборонять занимаемый рубеж южнее Пешта.

Дунай в том месте, где нам предстояло его преодолеть, достигал ширины 600 метров. А тут вдобавок несколько дней подряд шли дожди: река разлилась и стала еще шире. Правый берег крутой, выше левого на 40–60 метров и покрыт лесом. С него хорошо просматривались наши боевые порядки на острове Чепель. Поэтому всю подготовку к форсированию пришлось вести только в ночное время.

Основным трамплином для прыжка на правый берег Дуная стала дамба, проходившая по западной части острова. В ней между поселком Текель и селом Сигетуйфалу в течение трех дней, соблюдая меры маскировки, саперы и понтонеры прорывали девять проходов и оборудовали два участка переправы: один — для частей 99-й дивизии, другой — для 1077-го полка 316-й стрелковой. Конечно, командир корпуса шел на определенный риск, сосредоточивая здесь основные переправочные средства, так как дамба просматривалась противником и служила ему хорошим ориентиром. Но лучшего места на острове не было.

Штаб корпуса разработал план форсирования реки, распределил переправочные, средства и переправы, установил очередность выхода подразделений к реке. Было решено, что первым рейсом высадятся сразу два батальона, усиленные 6 орудиями каждый. Вторым и последующими рейсами должны были переправляться по одному батальону от каждой дивизии со средствами усиления и боеприпасы для уже форсировавших реку подразделений. Штаб артиллерии составил план огневого обеспечения форсирования и установил порядок переправы артиллерии на правый берег.

Артнаступление планировалось по двум вариантам. Если противник обнаружит наши войска до подхода их к правому берегу и окажет сильное огневое сопротивление, предусматривалось проведение мощной артподготовки по нескольким рубежам на переднем крае и в глубине обороны. Если же нам удастся форсировать Дунай скрытно, пехоту намечалось сопровождать методом последовательного сосредоточения огня.

Передовые наблюдательные пункты всех артчастей должны были переправиться в первую очередь, точно так, как и

специальные группы саперов, предназначенные для проделывания проходов в инженерных заграждениях противника на западном берегу. Кроме того, каждой роте первого броска придавалось несколько саперов-электриков со средствами для резки колючей проволоки, находящейся под напряжением.

С командирами полков и батальонов штабом корпуса были организованы и проведены тактические занятия по преодолению водного рубежа. На реке Чепели Дунааг, восточнее поселка Сигетчеп, на местности, примерно соответствующей участку форсирования, в ночное время состоялись практические занятия с подразделениями.

Воины учились форсировать реку и вести наступательный бой.

Для лучшего управления войсками командный пункт корпуса вечером 30 ноября был перемещен на северную окраину Сигетчепа. В дамбе на левом берегу Дуная был оборудован наблюдательный пункт комкора. С него хорошо просматривался правый берег реки до самого гребня.

День и час форсирования держались в строжайшей тайне.

Утром 1 декабря мы с Григоровичем, Матышем и Перельштейном отправились в 99-ю стрелковую дивизию проверять готовность частей к форсированию. Встретил нас мой старый добрый знакомый Александр Андреевич Сараев. Он подробно рассказал о проделанной работе, повел нас на наблюдательный пункт и показал, как намечено организовать переправу.

— Какой батальон будет переправляться первым? — спросил Григорович.

Оказалось, что это второй батальон из 1-го полка К. Г. Андриевского. Мне было приятно услышать, что наш выдвиженец и здесь проявил себя хорошо, подготовив свою часть к форсированию.

— А кто командует батальоном? — поинтересовался Матыш.

— Старший лейтенант Забобонов, офицер еще молодой, но знающий. — В голосе генерала Сараева я почувствовал уверенность: комдив хорошо знал своих подчиненных. — Правда, фронтового опыта у него маловато, — продолжал Александр Андреевич, — но человек он храбрый и находчивый. На окраине Пешта воевал смело, грамотно. Я очень на него надеюсь.

— Да и замполит ему под стать, — вмешался в разговор начальник политотдела дивизии. — Капитана Серых знает весь полк. Он у нас ветеран. На передовой с первых дней войны. Ему приходилось и батальоном командовать.

Так я впервые услышал о Семене Прокофьевиче Серых,

мужественном человеке и замечательном политработнике, неоднократно отличавшемся в боях.

Рано утром 2 декабря мы с комкором выехали в 1077-й полк 316-й дивизии. На южной окраине Текеля нас встретил командир части майор А. И. Орехов и провел в рощу, где находился штаб. Об Орехове я был уже наслышан. Опытный, никогда не теряющийся в бою командир, он не раз с честью выходил из самых трудных положений. Майор четко доложил генералу Григоровичу боевую задачу полка и свое решение на форсирование Дуная. Михаил Фролович задал несколько вопросов, потом мы пошли в подразделения. Генерал разговаривал с бойцами и командирами, интересовался, имеют ли они опыт форсирования больших водных преград, рассказывал об особенностях предстоящих боевых действий на правом берегу Дуная, об их трудностях.

Надолго мы задержались в 1-м стрелковом батальоне. И не случайно. Подразделение готовилось форсировать Дунай в передовом отряде. Вместе с двумя батальонами 99-й дивизии оно должно было захватить гребень берега, господствующие на нем высоты и обеспечить форсирование реки главными силами корпуса. Командир батальона Ф. У. Моженко, кавалер четырех орденов, только накануне прибыл из медсанбата, где лечился после ранения. Тем не менее он подробно доложил, как подразделения подготовились к форсированию. Командир корпуса остался доволен проделанной работой. Он поблагодарил комбата и попросил провести его в одну из рот.

По дороге мы разговорились. Оказалось, что Филипп Устинович Моженко воюет с 1941 года, был рядовым пулеметчиком, потом командиром расчета, взвода, роты — словом, прошел все низовые командирские ступеньки и опыт приобрел изрядный. Вместе с ним в батальоне служил его брат Андрей, переведенный сюда по просьбе Филиппа из гвардейского танкового полка. Оба брата геройски сражались на фронте. Но подробнее об этом ниже.

Зашли мы с М. Ф. Григоровичем в пулеметную роту, расположенную неподалеку от штаба батальона. Сразу же завязался непринужденный разговор.

— Надоело нам, товарищ генерал, сидеть на острове. Поскорее бы на тот берег Дуная, — сказал Григоровичу молодой пулеметчик.

— Правильно. И я так думаю, — ответил комкор.

— А раз так, то давайте команду, товарищ генерал. За нами дело не станет.

— Ишь какой нетерпеливый! — улыбнулся Михаил

Фролович. — Как твоя фамилия?

— Красноармеец Кравченко.

— Это не тот ли Кравченко, о котором недавно в газете писали? — спросил комкор у заместителя командира батальона по политчасти старшего лейтенанта Н. Е. Бобкова.

— Тот самый, товарищ генерал. Отличился во время форсирования Дунайчика. В числе первых высадился на вражеский берег и здорово бил немцев.

Генерал подошел к солдату и крепко пожал ему руку.

В этот момент к нам подошел посыльный из штаба полка. Он сообщил, что звонили с командного пункта корпуса и передали: скоро к селу Майошхаза прибудет командующий армией. Попрощавшись с офицерами и солдатами, мы выехали на свой КП.

Генерала И. Т. Шлемина мы встретили на берегу. Командующий осмотрел мост через Чепели Дунааг и сказал:

— Ну а теперь, Михаил Фролович, проедемте-ка на ваш наблюдательный пункт. Хочу взглянуть оттуда на оборону противника.

Комкор попробовал было объяснить, что ехать на НП в такое время опасно — местность хорошо просматривается противником, — но командующий остался непреклонным. Не доезжая до дамбы километра полтора, мы вышли из машин и, оставив их в кустах, пошли пешком. Генерала Шлемина интересовало, где у нас намечены пункты десантных и паромных переправ, как ведется подготовка личного состава и переправочных средств к форсированию. Командующего артиллерией корпуса полковника С. И. Матыша он попросил подробно доложить о том, как спланировано артиллерийское наступление. Затем командарм долго расспрашивал начальника разведотдела подполковника С. М. Дащука об обороне противника, системе его огня и возможностях гитлеровцев проводить контратаки. И. Т. Шлемин внимательно осмотрел в бинокль западный берег Дуная и дал указание исключить населенный пункт Эрчи из полосы наступления корпуса.

— Все сделано правильно, — подытоживая, сказал командарм. — Нужно только хорошо разведать правый берег. А что, если он заминирован?

Утром следующего дня генерал Григорович приказал командиру 99-й дивизии организовать разведку правого берега Дуная, проверить, нет ли мин возле уреза воды.

— Только сделайте это предельно осторожно, чтобы не обнаружил противник. В бой ни в коем случае не вступайте, — предупредил комкор.

Для выполнения этого задания была выделена группа в составе трех человек из разведвзвода саперного батальона дивизии. Возглавил ее старший сержант И. А. Журило. С ним пошли Николай Федин и Алексей Кравцов. Рано утром 3 декабря дивизионные разведчики-саперы оборудовали на опушке рощи НП и, расположившись там, стали вести наблюдение. Вскоре они сообщили, что на данном участке первую траншею у противника занимает около взвода пехоты, нечто вроде боевого охранения.

Бойцы группы наметили примерный план ведения разведки. Около полуночи на НП прибыл командир батальона майор Яковенко. Он тепло напутствовал красноармейцев:

— Действуйте очень осторожно. Старайтесь, чтобы вас не обнаружили немцы, не горячитесь. Огонь открывайте только в крайнем случае. Желаю удачи!..

Вскоре разведчики отплыли к вражескому берегу. Гребли попеременно Федин и Кравцов. Старший сержант Журило следил за компасом. Густой туман, нависший над Дунаем, надежно укрывал их. Высадившись, бойцы щупами проверили прибрежную полосу, немного передохнули — и обратно к лодке. А через некоторое время старший сержант Журило уже докладывал командиру батальона, что задание выполнено. Проверен весь берег перед траншеей. Мин не было обнаружено.

Когда генерал Сараев ночью позвонил командиру корпуса и сообщил о результатах вылазки на правый берег Дуная, комкор похвалил разведчиков и сказал:

— Значит, немцы полагают, что мы здесь не решимся форсировать Дунай. Тем хуже для них…

Как показали дальнейшие события, генерал Григорович оказался прав. Гитлеровцы считали свой рубеж обороны по Дунаю неприступным и не ожидали здесь нашего наступления. Боевые порядки противника оказались недостаточно уплотненными.

В дни, предшествовавшие форсированию Дуная, в частях и подразделениях корпуса проводились короткие митинги, партийные и комсомольские собрания. На них обсуждалось обращение Военного совета 2-го Украинского фронта, зачитывались приказы, отданные по соединениям. Их пламенные слова воодушевляли бойцов. Вот что, например, говорилось в приказе по 99-й стрелковой дивизии:

«Нам выпала великая честь перенести знамена наших полков на западный берег Дуная. Не в первый раз русским солдатам шагать через Дунай, не в первый раз и многим из вас брать с боем реки, преследуя гитлеровскую нечисть.

Герои Волги, Дона, Миуса, Десны, Днепра! Герои Сталинграда, Орла, Житомира, Староконстантинова, Львова,

Жешува, Дембицы! Вспомните славу наших предков, отцов и братьев! Вспомните славу ваших боев в Отечественной войне… Дунай должен быть перейден. Только вперед, товарищи!»

Люди рвались в бой. Многие просили своих командиров направить их в те подразделения, которые первыми будут форсировать Дунай.

* * *

Ночь на 5 декабря выпала темная, сырая. Густо сыпал дождь. Резкие порывы ветра подхватывали холодные капли и сердито дробили их, создавая у самой земли непроглядную стену тумана. В трех шагах было уже трудно что-либо рассмотреть.

Командный пункт корпуса располагался в подвале каменного здания. Здесь было два длинных сводчатых помещения. В одном находились мы с Григоровичем, начальником связи подполковником Ф. А. Зориным и операторами; в другом — С. И. Матыш со своим штабом.

Комкор сидел за столом, накрытым картой, и задумчиво теребил усы. Я, Зорин и операторы не отходили от телефонов, выстроившихся рядком на другом столе. Время тянулось бесконечно медленно. Ожидание утомляло больше, чем самая напряженная работа. Наконец, где-то в половине одиннадцатого, зазвонил телефон. Я схватил трубку и услышал звонкий голос Перельштейна. Инженер находился непосредственно в районе переправы.

— Докладываю. Все идет по плану. Инженерные части и переправочные средства к работе готовы.

Через несколько минут с наблюдательного пункта начальник разведки корпуса подполковник Дащук сообщил:

— На правом берегу тихо. Значит, противник ничего не подозревает.

Через минуту доложили о готовности своих частей начальники штабов 316-й и 99-й дивизий полковник В. Н. Ермолаев и полковник Г. С. Половик. До начала форсирования оставались считанные минуты. Мы вышли из помещения на свежий воздух. Со стороны реки дул пронизывающий ветер. На северной окраине Чепеля и восточнее его в небо то и дело взлетали вражеские ракеты, вспыхивали зарницы орудийных выстрелов. Чувствовалось, что противник нервничает.

Днем 68-я гвардейская дивизия во взаимодействии со своим правым соседом вела наступательные бои, чтобы сковать силы врага и отвлечь его от дунайского берега. Цель была достигнута.

Гитлеровцы, боясь, что мы застанем их врасплох в Пеште, усиленно освещали там ракетами свой передний край. На правом же берегу Дуная на участке Эрд, Эрчи было тихо.

В частях корпуса, предназначенных для форсирования, наступила напряженная предбоевая пора. Личный состав передовых батальонов разместился за дамбой, а саперы-переправщики — у лодок и плотов с веслами в руках. Командиры рот и взводов проверили расчеты первого броска, дали последние указания. Каждый боец еще раз осмотрел свое оружие и снаряжение.

У всех была одна мысль: скорее на тот берег. Вот почему и волновались они у переправ. Нервничали и мы на командном пункте. Генерал Григорович то и дело посматривал на часы. Так хотелось, чтобы они шли быстрее! И вот наконец — 23.00. Григорович обернулся ко мне и с какой-то торжественностью в голосе приказал:

— Начать форсирование!

Мы, конечно, не видели, что происходило впереди, но знали, что воины быстро спустили на воду все переправочные средства и сразу же, отчалив от берега, исчезли в темноте. Шумели волны реки, заглушая тихий плеск весел. И вдруг над туманным берегом в небо, прорезав ночную темноту, взвились ракеты. Сразу же заговорили вражеские пулеметы, ударили орудия.

— Обнаружили, гады! — зло процедил сквозь зубы Григорович и приказал Матышу ввести в действие первый вариант артиллерийского обеспечения форсирования.

Через минуту вражеский берег озарился густыми вспышками разрывов. Под прикрытием артогня стали высаживаться десантники передовых отрядов. На правом берегу Дуная загремело мощное «ура!».

На участке 1077-го полка 316-й дивизии первым начал форсировать Дунай батальон капитана Ф. У. Моженко. Сначала все шло тихо, без шума. Скрип уключин в лодках заглушался плеском воды и свистом ветра. До противоположного берега оставалось совсем немного, когда гитлеровцы обнаружили десант. Сразу же отрывисто залаяли пулеметы. Воду вспенили разрывы снарядов. Таиться больше не имело смысла. Моженко дал сигнал запустить моторы (до этого шли только на веслах) и открыть ответный огонь. Заговорила наша артиллерия.

Первой достигла вражеского берега рота старшего лейтенанта В. С. Макарова. Потом мне подробно доложили о ее действиях. Лодки и плоты не успели еще причалить, как бойцы начали выскакивать из них. По колено, а то и по пояс в ледяной воде, они устремились вперед, стреляя на ходу. В фашистские

окопы полетели гранаты. При подходе к берегу в лодку, на которой переправлялось отделение красноармейца Н. Т. Невпряги, попал снаряд. Несколько человек погибло, остальные были сброшены взрывом в воду. Однако бойцы не растерялись.

— Плывем к берегу! — крикнул Николай Невпряга, загребая одной рукой, а другой поднимая автомат над головой.

Через несколько минут красноармейцы достигли берега и побежали вперед, не чувствуя ни страха, ни холода. Сразу же от уреза воды начинался крутой подъем. Взбираться по нему было очень трудно. Бойцы ползли вверх, таща за собой на веревках и ремнях минометы, орудия батальонной артиллерии, пулеметы, противотанковые ружья. Некоторые срывались, соскальзывали вниз, потом опять карабкались на кручу. Колючий кустарник рвал одежду, до крови царапал тело и руки. Над головами свистели пули, осколки мин и снарядов. Многие бойцы, сраженные, падали, но остальные продолжали продвигаться вперед.

На левом фланге батальона рота лейтенанта Ю. А. Дементьева первой ворвалась во вражескую траншею. Самому Дементьеву тоже пришлось добираться до берега вплавь. Катер, на котором он шел, был подбит и затонул метрах в тридцати от берега. Ротный, а вместе с ним взвод, командование которым вместо убитого офицера принял на себя его помощник старший сержант Г. Ф. Панкратов, продолжали путь вплавь. От холода сводило ноги и руки. Некоторые стали захлебываться, тонуть. На помощь им пришли товарищи, те, кто был повыносливее и умел хорошо плавать. Поддерживая друг друга, бойцы добрались до мелководья и сразу же ринулись в атаку. В упор били пулеметы, автоматы, но это уже не могло остановить советских воинов.

В цепи атакующих появился заместитель Моженко по политической части старший лейтенант Н. Е. Бобков.

— Ура! Мы ломим! Гнутся фрицы! — крикнул он, увлекая за собой бойцов. — Еще немножко — и будем в их траншеях!

Бежавший рядом с ним боец упал, другой нерешительно замедлил шаг. Бобков обернулся к нему:

— Почему, друг, отстаешь? Догоняй!..

— Смелый и веселый человек, — рассказывал мне потом о Бобкове начальник штаба 316-й дивизии полковник Всеволод Николаевич Ермолаев. — За то его и бойцы любят. Я как-то спрашивал, зачем он все вперед норовит лезть, не жалко ли, дескать, головы своей. А Бобков мне в ответ в таком духе, что голову-то жалко, она еще очень пригодится, но такая уж у него, мол, должность беспокойная — не позволяет в хвосте плестись. И правда, ведь иногда человеку бывает достаточно одного слова, чтобы он преодолел свой страх и пошел под огнем вперед. А кто,

как не политработник, скажет это слово?

При подходе к первой траншее Бобков, остававшийся по-прежнему в первых рядах атакующих, крикнул:

— Немцы уже в панике! Вперед, ребята! Добьем их!

Одним из первых он ворвался во вражеский окоп. Завязалась рукопашная. Рядом с замполитом в траншею врага прыгнул пулеметчик В. И. Кравченко. На него набросились сразу трое гитлеровцев. Он заколол ножом одного, другого сбил ударом приклада. Третий пытался бежать, но красноармеец уложил фашиста метким выстрелом. Точно так же расправился Кравченко и с расчетом станкового пулемета. Повернув вражеское оружие в сторону удиравших гитлеровцев, боец стал хлестать по ним меткими очередями.

Преодолев гребень противоположного берега, батальон захватил первую и частично вторую траншею противника. И в этот момент немцы опомнились и на правом фланге ринулись в контратаку, Моженко приказал Макарову любой ценой удержать захваченные позиции. Завязался жестокий бой. Основной удар врага принял на себя взвод коммуниста лейтенанта Л. Б. Джулдасова. Сам он, будучи раненным, не покинул поля боя. Продолжая командовать своими бойцами, офицер вместе с ними отразил одну контратаку, затем другую. Взвод потерял до половины личного состава, но никто не отступил ни на шаг. Гитлеровцам так и не удалось вернуть утраченные позиции.

Геройски сражался в этом бою и брат командира батальона старшина А. У. Моженко. Заменив раненого командира взвода, он повел бойцов в атаку на высоту, господствующую в этом районе над местностью. Взять ее сразу не удалось. Взвод был вынужден залечь под ураганным огнем. В этот момент сюда подполз заместитель командира батальона капитан Д. А. Ковальчук. Он сразу сориентировался в обстановке и пообещал помочь огнем.

На командном пункте батальона Ковальчук обратился к командиру батареи 45-й гвардейской армейской пушечной артиллерийской бригады старшему лейтенанту М. В. Теодоровичу:

— Накрой, пожалуйста, вон ту высоту. Около нее наши ребята. Как только поддержите, они сразу возьмут ее.

Теодорович и командир отделения артиллерийской разведки гвардии сержант Кормилкин быстро подготовили исходные данные. Через несколько минут три батареи ударили по высоте. Старшина Моженко поднял взвод в атаку. Гитлеровцы стали отступать. Преследуя их, воины захватили высоту, с которой противник пулеметным огнем простреливал переправу.

На помощь взводу А. У. Моженко подоспели пулеметный

взвод лейтенанта А. П. Косицына, уничтоживший сразу же три огневые точки противника, и самоходная артиллерийская установка лейтенанта И. Х. Вишневского, которая переправлялась на правый берег вместе со стрелками. На середине реки моторную лодку, буксирующую паром, разбило снарядом. Мощный плот понесло вниз по течению. Немцы открыли по нему огонь. Лейтенант Вишневский приказал пехотинцам взять шесты и попытаться причалить к правому берегу. С большим трудом, но это удалось сделать, и самоходка сразу же пошла вперед к видневшейся вдали высоте.

Со вторым рейсом на правый берег Дуная переправился на мотоботе командир 1077-го стрелкового полка майор А. И. Орехов. Здесь, на плацдарме, в полной мере проявились его знания, опыт и организаторские способности. Под руководством этого офицера 1-й батальон закрепил захваченные позиции. Артиллерия, давая пехотинцам возможность взять выгодный рубеж и привести себя в порядок, открыла заградительный огонь. Тем временем по сигналу командира полка начал переправу через Дунай второй батальон, а затем и третий. Они быстро пересекли гребень берега и стали продвигаться вперед, расширяя плацдарм. Полк занял господствующие высоты и лишил противника возможности вести в этом районе наблюдение и прицельный огонь по переправам через Дунай.

Не менее напряженный бой за участок правобережья пришлось вести и передовому батальону 99-й дивизии. Командовал им уже известный читателю старший лейтенант И. С. Забобонов. На середине реки десант был обнаружен гитлеровцами и обстрелян. Несколько лодок и плотов затонули, но остальные продолжали упорно двигаться вперед.

Вот что рассказал нам впоследствии об этом заместитель командира батальона по политчасти Семен Прокофьевич Серых:

— Во многих я бывал переплетах, но такого ада, признаться, не видывал. Весь берег у противника расцветился огнем: били пушки, пулеметы, автоматы, слепя и оглушая людей. Если бы, чем черт не шутит, дрогнули — нам бы всем была крышка… Но в том-то и дело, что батальон не дрогнул. Я и Забобонов высадились вместе с шестой ротой Чубарева и сразу бросились наверх, к вражеским траншеям…

О мужестве и бесстрашии воинов этого батальона в бою за плацдарм писала и солдатская газета:

«Одним из первых вступил на вражеский берег рядовой Василий Мележик. Не медля ни минуты, он ворвался в траншеи противника и начал громить врагов штыком в гранатами. Из-за поворота траншеи на бойца набросились два немца. Один из них

замахнулся прикладом, но Мележик ловко увернулся от удара и штыком пронзил фашиста… В это время подоспело подразделение, и отважный воин вместе с ним продолжал теснить гитлеровцев».

И далее:

«Когда лодка, в которой находился стрелок Константин Зубович, причалила к вражескому берегу, противник открыл сильный огонь из пулемета, установленного недалеко от места высадки у большого дерева. Боец Зубович первым выскочил из лодки и побежал в сторону вражеской огневой точки; прикрываясь кустарником, он незаметно подобрался к немцам и метнул гранату. Вражеский расчет был полностью уничтожен. Захватив с собой пулемет, красноармеец стал догонять свое отделение, которое уже вело бой впереди. Неподалеку из лощины выскочила группа гитлеровцев. Зубович быстро установил трофейный пулемет и открыл меткий огонь по врагу. В этой неравной схватке отважный воин вышел победителем».

Переметнувшись через гребень, батальон Забобонова стал стремительно продвигаться в глубину обороны противника. 4-я рота во главе с парторгом лейтенантом И. Царевым, заменившим раненного еще на берегу командира лейтенанта П. А. Милова, овладела первой траншеей противника и продолжала наступать. Однако связь с ней вскоре была потеряна. Как впоследствии выяснилось, рота, высадившаяся левее поселка Марияхаза, перерезала шоссе и отразила несколько атак гитлеровцев, спешивших на помощь тем, кто находился в поселке. Тем самым было значительно облегчено положение основных сил батальона, на который слева, из поселка Эрчи, навалились немалые силы противника.

Примерно через час после начала форсирования Дуная на КП корпуса позвонили командиры обеих дивизий и доложили, что передовые батальоны, преодолевая упорное сопротивление врага, медленно, но уверенно продвигаются вперед. А спустя несколько минут на левом фланге в районе переправы 1-го стрелкового полка мы услышали частые разрывы снарядов. Потом началась ружейно-пулеметная стрельба. Я немедленно позвонил начальнику штаба 99-й стрелковой дивизии полковнику Половику:

— Георгий Степанович, что у вас делается на левом фланге?

— Товарищ полковник, произошло неожиданное, — ответил он. — Не прикрыли мы левый фланг, понадеялись на своего соседа. Когда же Забобонов уже форсировал реку и продвинулся в глубь обороны противника, а Андриевский начал переправлять следующий батальон, немцы из Эрчи прорвались к берегу и

открыли сильный огонь…

— Срочно принимайте решительные меры, чтобы выбить гитлеровцев, иначе они отрежут Забобонова и выйдут в тыл нашим частям, ведущим бой на плацдарме.

Слушавший наш разговор генерал Григорович вызвал Матыша и приказал ему огнем двух дивизионов прикрыть левый фланг 99-й дивизии. В это время генерал Сараев доложил, что он принял решение направить стрелковый батальон 206-го полка форсировать Дунай севернее Эрчи с задачей зайти гитлеровцам во фланг и выбить их с берега. Командир корпуса одобрил это решение. Батальон форсировал Дунай, отбросил немцев с берега и прикрыл левый фланг переправляющегося 1-го полка от контратакующего противника.

Судя по показаниям пленных, немцы не ожидали, что мы будем форсировать Дунай севернее Эрчи. Они считали правый берег в этом месте почти неприступным.

На плацдарме продолжался жестокий бой. На рассвете гитлеровцы собрали для контратаки все наличные силы. На батальон Забобонова навалилось до полка пехоты и 20 танков. Это нелегкое испытание бойцы выдержали.

«Фашисты при поддержке самоходок, танков и авиации перешли в контратаку, — повествует по горячим следам все та же солдатская газета. — Но горстка бойцов во главе с сержантом Ткаченко не дрогнула и приняла неравный бой. Ураганным огнем встретили красноармейцы врага. В этот момент вышел из строя расчет пулемета. Остался один сержант. Он схватил пулемет, выдвинул его на открытую позицию и с яростью начал в упор расстреливать наседавших фашистов.

Вдруг резкая боль пронзила все тело, и сержант почувствовал, как что-то теплое потекло по груди. Голова закружилась. Пулемет умолк. Но это продолжалось недолго. Сержант очнулся в то время, когда немцы были от него в 30 метрах. Превозмогая боль, Ткаченко нажал на гашетку, и длинная очередь прошила гитлеровцев. Уцелевшие поспешно повернули обратно.

Защищая отвоеванный плацдарм, отважный пулеметчик сержант Ткаченко истребил более 30 фашистов».

Ткаченко был трижды ранен, последний раз тяжело. Его отнесли к берегу, а место у пулемета занял лейтенант Николай Храпов, командир пулеметной роты, человек удивительного хладнокровия. Фашисты несколько раз вплотную подходили к его позиции, но вынуждены были откатываться. Осколком мины Храпову раздробило левое плечо. Наскоро перетянув рану бинтом, он продолжал стрелять, несмотря на то что рука

отказывалась повиноваться. Даже потеряв сознание, лейтенант не выпустил пулемета из рук.

Отважно дрался в этом бою и автоматчик Иван Остапенко. Он был дважды ранен, однако своего места в окопе не покинул. Истекая кровью, воин продолжал вести огонь по врагу. Даже мертвый, он все еще вызывал страх у фашистов, и они долго не решались приблизиться к окопу погибшего смельчака.

Один за другим выбывали люди из строя, но оставшиеся продолжали держаться. Тяжело ранен был старший лейтенант А. К. Чубарев, опытный боевой офицер. Около года командовал он ротой и пользовался у красноармейцев большим авторитетом. Чубарев, пришедший на фронт с институтской скамьи, был очень разумным и чутким человеком. Он берег бойцов, и те ему верили, шли за ним в огонь и воду. Поэтому, когда лейтенант упал, обливаясь кровью, среди воинов на какой-то миг наступило замешательство. Однако тут же по цепи полетела команда:

— Внимание! Приготовиться к отражению очередной атаки! Слушать меня!

Командование ротой взял на себя комсомолец лейтенант Олег Колычев, совсем еще молодой офицер — ему едва минуло девятнадцать. Он и внешне-то оставался щуплым юношей. Пожилые бойцы между собой называли его сынком. Возглавив роту, Колычев действовал смело и толково. Выдвинув на фланги пулеметы, Олег организовал постановку мин внаброс перед окопами. На этих минах потом подорвались два немецких танка. Бойцы Колычева, несмотря на численное превосходство гитлеровцев, отразили все их контратаки. В одну из самых критических минут боя в роте появился капитан Серых.

— Как настроение? — спросил замполит, подползая к Колычеву. — В чем нуждаетесь?

— Настроение-то боевое, — отозвался лейтенант, — а вот боеприпасы на исходе. Да и противотанковых гранат не мешало бы подбросить.

— Постараюсь помочь, — сказал Серых и попытался связаться по телефону с пунктом боепитания. Это не удалось. Тогда Серых снарядил специальную команду из трех человек и сам повел их под непрекращающимся обстрелом врага. С большим трудом мужественные бойцы под руководством политработника доставили боеприпасы в роту. В это время фашисты как раз пошли в очередную атаку.

— Ты оставайся здесь, в центре, — сказал Колычеву Серых, — а я выдвинусь на левый фланг. Там, где дорога, наверняка опять полезут танки.

Замполит не ошибся. Гитлеровцы действительно бросили

сюда бронированные машины. Один из танков Серых лично уничтожил противотанковой гранатой.

Фашисты продолжали наседать. Их артиллерия усилила огонь. В Марияхаза стали рваться боеприпасы, которыми были нагружены ранее захваченные у фашистов автомашины. Небо окрасилось в сизые и багровые тона. Вражеские танки и самоходки подошли почти вплотную к позициям батальона. И тут на глазах у всех своих боевых друзей совершил свой бессмертный подвиг коммунист лейтенант Р. А. Кутуев из Татарии. С возгласом «За Родину!» он со связкой гранат бросился под гусеницы танка.

Двенадцать атак отбил батальон, но выстоял. За беспримерное мужество и величайшую стойкость Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года четырнадцати воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. Вот их имена: И. С. Забобонов, С. П. Серых, П. А. Милов, А. К. Чубарев. Н. К. Храпов, Р. А. Кутуев, О. Ф. Колычев, А. Д. Трошков, И. В. Ткаченко, Н. Ф. Поляков, И. Г. Остапенко, И. Е. Зигуненко, К. М. Зубович, В. А. Мележик.

Столь же отважно продолжал драться за плацдарм и батальон капитана Ф. У. Моженко, отразивший четырнадцать немецких контратак. Они следовали одна за другой. В полдень гитлеровцы с трех сторон подошли к высоте, занятой батальоном, который к этому времени уже имел большие потери. Капитан Ф. У. Моженко, его заместители старший лейтенант Н. Е. Бобков и капитан Д. А, Ковальчук все время находились в боевых порядках. Вместе с ними был там и начальник разведки артиллерийского полка 316-й стрелковой дивизии А. Ф. Гнусин.

Особенно тяжелое положение сложилось на участке третьей роты. Командир подразделения лейтенант Ю. А. Дементьев сам лег за «максим». Рядом с ним вел огонь из ручного пулемета старший лейтенант Бобков.

Около наблюдательного пункта батальона заняли позиции три противотанковые пушки. Моженко и Гнусин определяли танкоопасные направления, выбирали ориентиры.

Больше двадцати танков шло на позиции батальона. Когда Григоровичу доложили об этом, он приказал Матышу поставить заградительный огонь — рубеж для этого был намечен заранее. В эфир полетела команда. Вражеские машины были уже близко и все увеличивали скорость. И тут ударила наша артиллерия. Вспыхнули кострами первый, второй, третий танки. Нескольким бронированным чудовищам удалось обойти стену артиллерийского огня, и они почти вплотную подошли к окопам. Перенести на них огонь было нельзя — поразишь своих. Тогда

стали бить противотанковые ружья и пушки, стоявшие на прямой наводке.

Отважно сражались расчеты трех наших противотанковых орудий. Два из них вскоре были разбиты, заволокло дымом и третье. Снаряд гитлеровского танка угодил в боезапас. Осколками был поражен весь расчет. Начальник разведки артполка вместе с одним из бойцов подполз к пушке. Собрали снаряды, проверили механизмы. Гнусин поймал в перекрестие прицела ближайший танк, но промахнулся: сказалось волнение. Лишь после третьего выстрела вражеская машина остановилась. Рядом с орудием разорвался тяжелый снаряд, осколком разбило прицел. Пришлось наводить пушку по стволу. Загорелся еще один танк. Экипаж его выбрался через люки, но тут же был уничтожен нашими автоматчиками. Остальные фашистские машины повернули назад.

Батальон удержал высоту до подхода подкрепления. Его воины с честью выполнили поставленную перед ними задачу. Советское правительство высоко оценило их подвиг. Десяти самым бесстрашным — Ф. У. Моженко, Н. Е. Бобкову, Д. А. Ковальчуку, В. С. Макарову, Ю. А. Дементьеву, Л. Б. Джулдасову, А. П. Косицыну, Г. Ф. Панкратову, В. И. Кравченко, Н. Т. Невпряге — было присвоено звание Героя Советского Союза. Этой же высокой награды удостоен за мужество, проявленное в бою, и А. Ф. Гнусин.

На левом берегу Дуная, на острове Чепель и в районе Дунахараст гитлеровцы также предприняли ряд сильных контратак. Этими вспомогательными ударами они стремились сковать действия наших частей на плацдарме и задержать переправу войск. Однако все их попытки не увенчались успехом. Большую роль при отражении контратак врага сыграли наша противотанковая артиллерия и снайперы. Немцы понесли большие потери.

Гитлеровцы всячески стремились ликвидировать наши переправы через Дунай: вели по ним сильный артиллерийский огонь, бомбили их. Поэтому днем десантирование личного состава на правый берег реки почти не велось. Но зато ночью по наведенным переправам сплошным потоком двигались колонны бойцов, тягачи с орудиями, машины и повозки с боеприпасами и горючим — шло пополнение.

В ночь на 6 декабря на правый берег Дуная переправились последние подразделения 99-й дивизии, а также часть приданной артиллерии.

* * *

За три дня соединения корпуса, ведя упорные бои, расширили плацдарм по фронту до одиннадцати и в глубину до семи километров. Южнее Эрчи успешно действовали части 37-го стрелкового корпуса. Там форсировала Дунай 108-я гвардейская дивизия полковника С. И. Дунаева.

Все последующие дни мы продолжали накапливать на плацдарме силы. Немцы по-прежнему держали наши переправы под обстрелом, по нескольку раз в день наносили по ним бомбовые удары с воздуха. Нелегко приходилось нашим саперам и понтонерам. Они напряженно работали на лодках, мотоботах и паромах. Под вражеским обстрелом и бомбежкой перевозили войска, технику, боеприпасы и продовольствие.

Отделение сержанта Степана Пашкевича из саперного батальона 316-й дивизии обслуживало большегрузный паром. В рейс понтонеры брали 50 человек с оружием и боеприпасами. Однажды на середине реки их накрыло сильным минометным огнем. Осколок пробил первый понтон. Паром накренился. Люди на палубе заметались. Некоторые из них не умели плавать.

— Спокойно, без паники! — раздался голос Степана Пашкевича. Сержант снял шинель и стал заделывать ею пробоину.

Паром под огнем врага медленно причалил к берегу.

Двое суток без сна и отдыха работало отделение коммуниста сержанта С. А. Пашкевича. Семь рейсов сделали отважные понтонеры на своем продырявленном во многих местах пароме. Несколько раз на них пикировали «юнкерсы». Река простреливалась пулеметным и орудийным огнем. Но паром продолжал работать. За проявленный героизм Степану Афанасьевичу Пашкевичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Все время у переправ находился корпусной инженер подполковник Н. А. Перельштейн. Человек беспокойный, ищущий, всегда готовый прийти на помощь бойцам, он появлялся то там, то здесь, давал указания, советовал, подсказывал… Когда после бомбежки была нарушена переправа 99-й дивизии, Перельштейн вместе с дивизионным инженером майором П. П. Ревой сразу же организовал восстановительные работы. Командиру 420-го отдельного саперного батальона капитану М. Г. Козлову было приказано подогнать новые понтоны и заменить те, что были разбиты. Тут же подвезли доски и стали делать новый настил. Воины работали под огнем, часто в ледяной воде. Больше пяти — восьми минут в ней, правда, никто не выдерживал: тело сводило судорогой. Поэтому люди часто сменялись, и каждый торопил другого: «Ну хватит, давай теперь я!» Во время

закрепления одной из оттяжек, державших понтоны, лопнул трос. И тогда, чтобы как можно быстрее завести новый конец, в воду прыгнул и поплыл заместитель командира батальона по политчасти капитан К. М. Иванчин. Четверть часа пробыл он в реке. Выбрался посиневший от холода, но радостный. Перельштейн, как он потом мне рассказывал, хотел было отругать его, но духу не хватило у подполковника: человек проявил хоть и безрассудство, но все же действовал геройски.

— Да, саперов недаром зовут тружениками войны, — сказал мне как-то Перельштейн. — Действуют они поистине самоотверженно. Ведь им, Сергей Александрович, приходится зачастую не только обеспечивать боевые действия войск, что само по себе связано с огромным риском, но и при необходимости самим идти в бой. Вот послушайте…

И Перельштейн рассказал мне об одном из таких отважных и мужественных людей — Якове Ильиче Кухаруке, рядовом саперного батальона, на счету которого были не одна сотня обезвреженных вражеских мин и десятки дерзких вылазок в тыл противника. Кухарук часто ходил за линию фронта вместе с разведчиками, прокладывал им путь через немецкие инженерные заграждения. Сам он был немолод, воевал еще в первую мировую войну, участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве, когда русская армия нанесла сокрушительный удар по немецким и австрийским войскам. Мы как раз проходили по тем историческим местам. В районе Соколув по реке Стрыпа при отрывке траншей наши бойцы находили остатки колючей проволоки, установленной еще в 1916 году.

За мужество и высокое боевое умение, проявленные в боях, рядовой Я. И. Кухарук вскоре был удостоен двух правительственных наград.

А сколько бесстрашных, отчаянных людей было среди саперов, разведчиков! Звания Героя Советского Союза за отвагу, проявленную при разведке правого берега Дуная, форсировании реки и в боях на плацдарме, удостоились старший сержант И. А. Журило и рядовой Н. А. Федин. На правый берег Дуная они переправились первым рейсом вместе с разведвзводом 99-й дивизии. Первую траншею взвод взял сравнительно легко. Около оврага разведчики обнаружили заминированные участки и стали под огнем обезвреживать мины. Потом — бой за хутор, овладение им и долгие часы обороны.

Здесь, на плацдарме, разведчики потеряли своего друга Алешу Кравцова. Он погиб при отражении вражеских атак. На крутом берегу Дуная вырыли могилу и похоронили Алексея. К надгробию со звездой прикололи лист плотной бумаги с

надписью: «Этот человек любил жизнь и не боялся смерти».

Не могу не сказать доброго слова и о наших связистах. При форсировании Дуная они действовали отважно и мастерски. Через реку воины корпусного батальона связи, которым командовал майор Н. М. Готовченко, переправились с первым броском. За 40 минут проложили они кабель по дну Дуная и обеспечили управление войсками. Штабы дивизий и корпуса получили возможность поддерживать постоянную связь с передовыми батальонами.

Лодку, в которой переправлялось отделение В. С. Бояринцева, перевернула сильная волна, вздыбленная разорвавшимся вблизи снарядом. Бойцы оказались по пояс в студеной воде.

— Оружие и кабель не бросать! — приказал старший сержант.

Двигаться вперед было трудно. В руках у связистов автоматы, за спиной катушки с телефонным кабелем. Но надо было спешить. Вот и берег. Забыв о холоде, бойцы быстро проложили кабель, установили на командном пункте стрелкового батальона аппарат. Связь заработала.

Днем от артиллерийского и минометного обстрела, от бомбежек несколько раз повреждалась линия. Связисты из отделения старшего сержанта Бояринцева под огнем противника каждый раз быстро устраняли повреждения и восстанавливали связь.

За мужество, проявленное при форсировании реки Дунай, и обеспечение связи Владимиру Сергеевичу Бояринцеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

От жителей поселка Сигетчеп нам стало известно, что немцы оставили какой-то провод на дне Дуная. Комбату Готовченко была поставлена задача найти его. Воины-связисты неутомимо работали в ледяной воде, пока не отыскали четырехжильный кабель, лежавший на дне реки. Он соединял остров Чепель с правым берегом Дуная. Это позволило обеспечить связь не только штабу корпуса, но и оперативной группе 46-й армии.

* * *

Под вечер 7 декабря генерал М. Ф. Григорович с несколькими офицерами штаба корпуса переправился через Дунай. Его наблюдательный пункт был оборудован недалеко от берега в одном из помещений кирпичного завода. Отсюда было удобно управлять войсками, ведущими бой на плацдарме. Чуть позже перебрались на наблюдательный пункт корпуса и мы с начальником связи подполковником Ф. А. Зориным. Комкор, чем-

то обеспокоенный, ходил из угла в угол, заложив руки за спину. Я понимал его. Обстановка на плацдарме начала складываться не в нашу пользу. За три дня ожесточенных боев части, форсировав Дунай, во взаимодействии с полками 37-го стрелкового корпуса захватили южнее Буды значительный плацдарм и нанесли противнику большой урон, в частности, его 22-й кавалерийской, 20-й и 271-й пехотным дивизиям. Но и мы тоже понесли ощутимые потери. Кроме того, войска корпуса растянулись на широком фронте. 68-я гвардейская дивизия сражалась на южной окраине Пешта; 316-я частью сил оборонялась на острове Чепель; только одна испытанная 99-я в полном составе вела бой на плацдарме. Сил тут было, как говорится, не густо. Между тем противник, видя угрозу будапештской группировке с юго-запада, начал перебрасывать на наш участок свои резервы: части 8-й танковой и 24-й полк 20-й пехотной дивизии, о чем нам было уже известно. Это меняло соотношение сил, особенно по танкам, в пользу немцев. Наступать так дальше было нельзя. Появилась необходимость перегруппировать войска, принять меры для наращивания усилий на главном направлении.

— Вовремя пришли, — сказал нам с Зориным Григорович. — Давайте-ка, Сергей Александрович, подведем итоги трехдневных боев на плацдарме и наметим задачи войскам.

Я подошел к карте, на которой была подробно нанесена обстановка в полосе действий корпуса и наших соседей.

В практику моей работы в должности начальника штаба корпуса вошло не только тщательное планирование боевых действий до их начала, но и постоянный контроль за осуществлением намеченных в ходе боя мероприятий. Ведь реальные действия порой вносили серьезные коррективы в первоначальный план. И это закономерно. Задача состояла в том, чтобы своевременно увидеть эти изменения, правильно их оценить, наметить и провести в жизнь наиболее эффективные меры, способствующие осуществлению принятых решений.

Основное место в этом процессе занимает объективная оценка противника и своих войск, соотношения сил и средств обеих сторон, особенно на направлении главного удара. Такую оценку я и делал в конце каждого дня работы, которая велась совместно с начальниками оперативного и разведывательного отделов, начальником штаба артиллерии корпуса и другими начальниками служб. Они готовили соответствующие справочные данные, что позволяло мне в любое время определять возможности сторон и давать командиру корпуса предложения для принятия решения в связи с меняющейся обстановкой. Так было и на этот раз. У меня уже были готовы некоторые

предложения по дальнейшему ведению боевых действий, и я изложил их генералу Григоровичу. Он внимательно выслушал и, подумав немного, сказал:

— Значит, вы предлагаете усилить группировку на плацдарме за счет сил, обороняющих остров Чепель. Так я вас понял? Но это же риск, и немалый. Противник может нанести удар во фланг корпуса и выйти на коммуникации наших войск.

— Но у нас нет иного выхода, — возразил я, понимая, что комкор не может не согласиться. Когда было нужно, он умел рисковать. — Я думаю, Михаил Фролович, что нужно попросить у командарма разрешения полностью передислоцировать на плацдарм триста шестнадцатую дивизию, а ее участок обороны на острове Чепель передать шестьдесят восьмой. Кроме того, не худо было бы подчинить корпусу восемьдесят третью бригаду морской пехоты, которая сейчас располагается неподалеку от нас…

— Ну что ж, рискнем, — сказал Михаил Фролович и обернулся к Зорину: — Соедините-ка меня с командующим армией!

Генерал И. Т. Шлемин согласился с нашими предложениями. Вскоре мы получили приказ командарма о передислокации войск. Части 316-й дивизии были выдвинуты на плацдарм. Свой участок обороны они сдали 68-й гвардейской дивизии, которая перешла в подчинение командира 10-го гвардейского корпуса.

Все это было сделано своевременно, так как 9 декабря гитлеровцы ввели в бой все резервы, имеющиеся у них на этом направлении. Под прикрытием сильного артиллерийского огня и ударов авиации они бросили в контратаку 8-ю танковую дивизию и до двух полков пехоты. Всего на участке у них действовало 67 бронированных машин. Противнику удалось потеснить два наших правофланговых полка на 2–3 километра и овладеть пунктами Кишмартон, Шандор, Ледеш, но дальше, несмотря на отчаянные попытки, продвинуться он не смог.

В упорных боях наши части обескровили гитлеровцев, сдержали их натиск, а через несколько дней сами перешли в наступление. Они отбросили врага и вплотную подошли к его главной полосе обороны — линии «Маргарита», проходившей по ряду господствующих высот от Эрд до Мартонвашар. Это обеспечило сосредоточение на плацдарме частей 2-го гвардейского механизированного корпуса.

20 декабря войска 46-й армии после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление, прорвали оборонительную линию «Маргарита» и завязали бои за Буду. Наши дивизии, преследуя отходящего противника, ворвались в южную часть города. Начались суровые уличные бои.

24 декабря приказом Верховного Главнокомандующего всему личному составу корпуса за прорыв второго оборонительного рубежа немцев под Будапештом была объявлена благодарность. В тот же день 18-й танковый корпус теперь уже нашего 3-го Украинского фронта (к этому времени 46-я армия вошла в его состав) освободил крупный поселок Бичке. Развивая наступление, он овладел городом Эстергом и 26 декабря соединился с войсками 2-го Украинского фронта. Так было завершено окружение будапештской группировки противника. В огромный котел попало семь пехотных, две танковые, одна моторизованная, две кавалерийские дивизии, три артиллерийские бригады, до тридцати отдельных полков, батальонов и равных боевых групп общей численностью свыше 188 тысяч человек.

Немецко-фашистское командование рассчитывало выручить окруженную в Будапеште группировку и с этой целью решило нанести удар по нашим войскам из района Комаром, где были сосредоточены крупные танковые силы. Разгромив наши войска на западном берегу Дуная, они смогли бы прорваться к городу. Окруженным немецким частям был дан приказ сражаться до последнего и удержать занимаемые позиции. Всем солдатам и офицерам фашистское командование объявило, что семьи тех, кто сдастся в плен или оставит позицию, будут немедленно расстреляны. Кроме того, Гитлер пообещал любой ценой деблокировать окруженную группировку. Вот почему немцы сражались с большим упорством. Древний прекрасный город стал ареной жестоких боев и был превращен фашистами в своеобразный заслон, преграждающий путь советским войскам в Австрию и к южным районам Германии.

В последние дни декабря 1944 года в Будапеште развернулись особенно ожесточенные бои. Гитлеровцы подготовили к обороне почти каждый дом. Улицы, заваленные трамваями и перекопанные траншеями, простреливались из пулеметов и орудий. Опорные пункты, в которые входили один — три дома, имели круговую оборону. Во многих местах перекрестки улиц и подступы к домам были заминированы.

По скверам и площадям мимо разбитых газетных киосков, перевернутых машин, сожженных бронетранспортеров и танков врага под губительным огнем наступали наши подразделения. Бойцы тащили орудия, огнеметы и пулеметы, блокировали дома. Гремели взрывы, рушились здания, то в одном квартале, то в другом возникали пожары. Бои приходилось вести не только за каждый дом, но и за каждый этаж. Артиллерийские расчеты все время находились в боевых порядках пехоты. Они вручную передвигали пушки, прикрываясь их щитами, вели огонь прямой

наводкой с коротких остановок по окнам и чердакам, где находились огневые точки противника. Орудия более крупного калибра, а также полковые минометы перемещались «скачками», меняя огневые позиции по заранее намеченному плану.

Особенно эффективно в уличных боях действовали штурмовые группы, созданные во всех частях, сражающихся за Буду. В их состав включались самоходные установки, стрелковые, артиллерийские подразделения, саперы и огнеметчики. Эти группы под прикрытием артиллерийского огня уничтожали огневые точки и, ведя ближний бой непосредственно в каменных постройках, овладевали ими. Действовали они, как правило, не вдоль улиц, а в обход зданий, через проломы в заборах и стенах. Большую помощь стрелковым и артиллерийским частям оказывал отдельный штурмовой инженерно-саперный батальон, которым командовал майор Ф. С. Булатов. Воины-саперы разминировали дома и улицы, а на направлениях вероятных контратак противника ставили различные заграждения.

Особенно яростно сопротивлялись фашисты в кварталах Кёлёнфельда. 83-я бригада морской пехоты, переброшенная сюда с Чепеля, продвигалась вперед довольно медленно. Командующий армией был недоволен этим. Несколько раз он звонил М. Ф. Григоровичу, требуя ускорить продвижение, а потом сам неожиданно нагрянул к нам на командный пункт корпуса, который располагался в селе Терекбалинт. Мы с Григоровичем встретили генерала И. Т. Шлемина, провели в штаб. Комкор подробно доложил о наших делах, особо остановился на действиях бригады морской пехоты, которая вела бой в труднейших условиях.

— Приходится наступать в районе, где много крупных каменных домов, — сказал Григорович. — Маневр здесь ограничен. Не только каждое здание, но и буквально каждый этаж нужно брать с боем.

Чувствовалось, что командарма не удовлетворили эти объяснения. Поморщившись, он сказал:

— Как бы то ни было, а что-то вы засиделись в Буде, Михаил Фролович. А время горячее. Негоже топтаться на одном месте…

Генерал И. Т. Шлемин решил лично проверить обстановку в полосе наступления бригады. Он приказал мне проехать вместе с ним на командный пункт морских пехотинцев. Из Терекбалинта мы выехали в Кёлёнфельд, быстро проскочили открытый участок местности, который немцы интенсивно обстреливали из минометов, и через несколько минут были на командном пункте бригады.

Командир бригады полковник Леонид Константинович

Смирнов был ранен. Ему тут же, в подвале заводского здания, делали перевязку. Пока Смирнову оказывали первую помощь, генерал Шлемин поднялся на наблюдательный пункт. В глухой стене каменного здания, обращенной на северо-восток, было сделано несколько смотровых щелей. Через них разведчики скрытно вели наблюдение за полем боя.

Впереди слышалась частая дробь автоматных и пулеметных очередей, воздух вздрагивал от разрывов мин и снарядов. Морская пехота упорно дралась, штурмовала этажи зданий, выбивая засевших там гитлеровцев. Перед нами наступал батальон, которым командовал майор В. П. Быстров — человек храбрый, обладавший завидной смекалкой. Он особенно отличился при взятии Герьена, где Дунайская военная флотилия высадила десант морской пехоты. Во время этого боя командир батальона был тяжело ранен. Его заменил майор Быстров, командовавший раньше одной из рот. Под его руководством десант и овладел Герьеном, захватив небольшой плацдарм для армейских частей.

Вызванный на наблюдательный пункт бригады майор Быстров доложил командарму о ходе боев, показал на местности, где располагаются его роты. Генерал Шлемин долго рассматривал в бинокль участок, где шел бой.

В это время морские пехотинцы через проломы в стенах, сделанные тяжелой артиллерией, прорвались к четырехэтажному зданию и блокировали его с трех сторон. Гитлеровцы вели перекрестный пулеметный огонь из окон всех этажей. Гарнизон здания поддерживала противотанковая артиллерия, находившаяся около соседнего дома. Моряки стали бросать в окна гранаты. Несколько бойцов проникло в полуподвальный этаж. Это затруднило действия нашей артиллерии, и командир батальона решил послать на помощь двух огнеметчиков.

Когда комбригу сделали перевязку, он поднялся на наблюдательный пункт и подробно ознакомил генерала И. Т. Шлемина с положением батальонов бригады и действиями противника. Полковник Л. К. Смирнов докладывал коротко и ясно, со знанием дела. Вел он себя сдержанно, с достоинством, на вопросы командарма, в которых чувствовалось недовольство, отвечал спокойно, доказательно. Я внимательно всматривался в мужественное, волевое лицо Леонида Константиновича и все больше проникался уважением к этому боевому офицеру. Смирнов был человеком прямого, резкого характера, и его очень любили моряки.

Доводы комбрига, очевидно, убедили Шлемина. Он понял, что медленное продвижение морской пехоты объясняется лишь

исключительно тяжелыми условиями, в которых им приходится действовать. Командующий приказал полковнику Смирнову организовать внутри штурмовых групп более тесное взаимодействие моряков с саперами, артиллеристами и огнеметчиками.

— Передайте командиру корпуса, чтобы он помог бригаде противотанковой артиллерией, — обратился Шлемин ко мне, — а я со своей стороны приму меры, чтобы усилить корпус огнеметными подразделениями. Подбросим на ваш участок и авиацию…

Распрощавшись, мы уехали от моряков: командарм — на КП соседнего корпуса, я — в штаб. Возвратившись, первым делом передал генералу М. Ф. Григоровичу приказание командующего армией. Вместе мы стали решать, чем же можно помочь бригаде морской пехоты. Однако развернувшиеся вскоре события помешали нам довести это дело до конца.

Обстановка резко изменилась. Кольцо вокруг Будапешта с каждым днем сжималось все больше и больше.

Гарнизон противника оказался в безвыходном положении. Дальнейшее сопротивление фашистов было бессмысленно, оно вело лишь к лишним жертвам и разрушению города.

Чтобы избежать ненужного кровопролития и сохранить от разрушения исторические и культурные памятники, советское командование решило направить командующему немецкими войсками, окруженными в районе Будапешта, ультиматум с требованием капитулировать. Условия предлагались очень гуманные: всем генералам, офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, гарантировались жизнь и безопасность, личному составу сохранялась военная форма, знаки различия, ордена и личная собственность.

И. Т. Шлемин приказал командиру корпуса подобрать двух офицеров, которые добровольно выполнили бы функции парламентеров от 3-го Украинского фронта. Григорович поручил это сделать командиру 316-й стрелковой дивизии полковнику Г. С. Чеботареву, назначенному вместо Л. И. Волошина.

— Люди должны сами вызваться пойти, — предупредил Михаил Фролович комдива. — Парламентерами могут быть лишь мужественные, волевые офицеры, знающие немецкий язык.

— Понимаем, товарищ генерал: задание ответственное, и для его выполнения люди у нас найдутся.

Выбор Чеботарева и начальника политотдела дивизии полковника П. Р. Шведова пал на начальника штаба 1-го батальона 1077-го стрелкового полка старшего лейтенанта Николая Феоктистовича Орлова и инструктора политотдела

дивизии капитана Илью Афанасьевича Остапенко, в совершенстве знавшего немецкий язык. Чеботарев и Шведов, впрочем, как и все остальные работники штаба дивизии, знавшие Остапенко, очень тепло отзывались о нем. Это был зрелый, вдумчивый человек, коммунист с большим сердцем. Бывший батрак, потом шахтер, он много занимался самообразованием и был направлен в Высшую школу профдвижения, по окончании которой получил ответственное назначение. Перед войной он работал секретарем ЦК профсоюза рабочих-нефтяников Юга и Центра России. Его долго не отпускали на фронт, хотя он настойчиво просился. Лишь в начале 1942 года ему удалось попасть в армию.

Второй парламентер — старший лейтенант Орлов был значительно моложе Остапенко. Веселый, жизнерадостный, находчивый, он славился в дивизии удалью и отвагой.

В качестве сопровождающего мы назначили старшину комендантской роты штаба корпуса Ефима Тарасовича Горбатюка.

Всю ночь на 29 декабря мощные звуковещательные установки на переднем крае передавали на немецком и венгерском языках сообщение о предстоящей посылке парламентеров. Точно назывались время и путь их следования. В десять часов утра наши войска прекратили огонь. Примерно через час парламентеры 3-го Украинского фронта капитан И. А. Остапенко и старший лейтенант Н. Ф. Орлов в сопровождении старшины Е. Т. Горбатюка доехали до нейтральной полосы на «виллисе», потом пошли по направлению к немецким траншеям. В руках у Остапенко был белый флаг, на рукавах парламентеров — белые повязки. Однако фашисты не посмотрели ни на что. Как только парламентеры дошли до нейтральной полосы, гитлеровцы открыли по ним огонь из пулемета. Остапенко, Орлов и Горбатюк залегли, потом поднялись во весь рост и снова пошли к немецким окопам.

— Как только дошли до окопов, — рассказывал потом Ефим Тарасович Горбатюк, — нас сразу же окружили гитлеровцы, завязали всем глаза, усадили в машину и повезли. Ехали не особенно долго. Машина остановилась, нам приказали выйти, потом ввели в глубокий каменный подвал и там сняли с глаз повязки. Капитан Остапенко сказал по-немецки, что советское командование поручило ему передать ультиматум лично командующему войсками будапештского гарнизона. Немецкий офицер ответил, что генерал принять парламентеров лично не может и поручил это сделать ему. Посоветовавшись с нами, Остапенко вручил пакет гитлеровцу. Тот сказал, что срочно передаст ультиматум командующему. Потянулись минуты

ожидания. Через некоторое время офицер вышел из бункера, возвратил нам пакет и сказал, что командующий войсками будапештского гарнизона генерал-полковник войск СС Пфеффер фон Вильденбрух отказывается вести какие-либо переговоры о капитуляции. «Солдаты фюрера, — добавил он, — будут сражаться до конца». Потом нам опять завязали глаза и повезли к нейтральной полосе. Здесь немецкий офицер снял нам повязки и уехал. Едва мы прошли несколько метров, как вблизи стали рваться вражеские мины, затем застрочил пулемет. Капитан Остапенко был убит. Мы со старшим лейтенантом Орловым пытались подползти к нему, но не смогли. Каждый раз, как только мы приближались, гитлеровцы открывали сильный огонь…

Генерал М. Ф. Григорович приказал во что бы то ни стало вынести с нейтральной полосы тело капитана Остапенко. Это удалось сделать только ночью. Отважный парламентер был похоронен в Будафоке со всеми воинскими почестями. У могилы состоялся траурный митинг. Благодарные жители Будафока убрали могилу бесстрашного политработника живыми цветами.

Вечером 29 декабря М. Ф. Григорович сообщил нам, что гитлеровцы подло убили и парламентеров 2-го Украинского фронта, в том числе и старшего группы капитана Миклоша Штейнмеца. Они были обстреляны и погибли в Кишпеште, когда еще ехали на автомашине с белым флагом, чтобы вручить ультиматум.

История войн не знала подобных преступлений. Парламентеры всегда пользовались неприкосновенностью. Для гитлеровцев и тут никаких законов не существовало.

Трудящиеся Будапешта свято чтят память советских парламентеров. На местах их гибели воздвигнуты памятники, у подножия которых всегда лежат живые цветы.

Весть о гибели парламентеров быстро облетела наши войска, вызвав у воинов возмущение и гнев. Идя в бой, они клялись еще сильнее бить ненавистного врага, рассчитаться с ним за все злодеяния.

* * *

Вплотную к Буде подошли и части 99-й стрелковой дивизии. В ночь на 1 января 1945 года они стали штурмовать город. В этом бою опять отличился батальон старшего лейтенанта И. С. Забобонова.

В бетонированных укрытиях немцы установили 12 зенитных

крупнокалиберных пушек, которые вели сильный заградительный огонь, мешавший продвижению наших подразделений. Уничтожить их было поручено Забобонову. Он отобрал из батальона двадцать девять опытных бойцов и сам возглавил эту группу. Ночь стояла на редкость темная. Фашисты освещали местность ракетами.

Улицу то и дело перечеркивали трассирующие пулеметные очереди. Когда время приблизилось к полуночи, старший лейтенант Забобонов подал команду «Вперед!». Бойцы быстро выскочили из окопов и исчезли в темноте. Двигались медленно, готовые к любой неожиданности. У проволочного заграждения они залегли, бесшумно проделали проход, поползли дальше. Преодолев еще одно проволочное заграждение, бойцы оказались совсем близко от цели. В ход пошли гранаты. Гитлеровцы в панике стали выскакивать из блиндажей, но их сразу же срезали автоматные очереди. Пятнадцать фашистов были взяты в плен. Зенитные орудия оказались в наших руках. Батальон пошел в атаку и захватил первые дома на окраине Буды. Его успех использовали другие подразделения полка.

В бою участвовал и замполит батальона капитан С. П. Серых. Он отпросился из медсанбата, чтобы поздравить воинов с Новым годом. Пришел — и остался…

Немцы перешли в контратаку, стараясь выбить батальон из Буды. Этого им сделать не удалось. На рассвете упорный бой завязался за трехэтажный дом. Старший лейтенант И. С. Забобонов повел группу бойцов в обход здания. Гитлеровцы обнаружили их и открыли пулеметный огонь. Комбат упал, сраженный пулей. Его заменил капитан Петр Кузьмич Нечепуренко. Я хорошо знал его еще по боям за Житомир и Чеповичи. Офицер тогда исполнял обязанности коменданта штаба корпуса, и мы часто встречались. Это был смелый, но не в меру горячий человек. Весной 1944 года, когда немцы прорвались на КП корпуса, Нечепуренко, вместо того чтобы организовать оборону, отсечь пехоту от танков и сделать все для быстрейшей остановки противника, бросил подчиненную ему комендантскую роту навстречу приближающимся гитлеровцам, вместе с ней сам ринулся в контратаку и чуть не погиб. Немцы обошли роту и двинулись прямо на КП. Не подоспей сюда наши танки, трудно сказать, чем бы все это кончилось. Григорович тогда направил Нечепуренко для получения боевого опыта в 99-ю дивизию. В боях за Жешув Петр Кузьмич отличился, был награжден и повышен в должности. Он стал заместителем Забобонова и прошел с ним весь путь до Будапешта.

…Капитан Нечепуренко продолжал уверенно руководить

боем. Батальон овладел трехэтажным домом, который начали штурмовать еще под командованием Забобонова, и пошел вперед. Продвигался он медленно, но довольно уверенно. К концу дня бойцы этого подразделения захватили два новых квартала города.

Обо всем этом мы узнали поздно вечером. Генерал А. А. Сараев позвонил М. Ф. Григоровичу и сообщил, что отважный комбат И. С. Забобонов пал смертью храбрых, а батальон продолжает с тяжелыми боями двигаться вперед. Комкор приказал похоронить героя со всеми воинскими почестями.

Гитлеровцы, однако, не оставили намерения деблокировать окруженную в Будапеште группировку своих войск и восстановить оборону по Дунаю. С этой целью они создали сильную танковую группировку в районе Комаром, утром 2 января нанесли мощный контрудар по правому флангу 4-й гвардейской армии и прорвали ее оборону. Ценой больших потерь немцам удалось продвинуться на 25–37 километров и выйти в район Сомор, где дальнейшее их продвижение остановила во взаимодействии с другими соединениями 49-я гвардейская стрелковая дивизия.

Яростные попытки вырваться из окружения предприняла в этот момент и будапештская группировка противника. Обстановка складывалась тяжелая. Нашим войскам приходилось фактически сражаться на два фронта.

* * *

Командующий 3-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин принял решительные меры для того, чтобы не дать врагу вырваться из кольца. Войска 46-й армии, штурмовавшие Буду, получили приказ приостановить наступление и прочно удерживать свои позиции. Часть соединений, в том числе и наша 99-я стрелковая дивизия, срочно перебрасывалась на внешний фронт.

Рано утром 5 января мне позвонил генерал А. А. Сараев:

— Вот мы и расстаемся, Сергей Александрович, — сказал он. — Ты ведь, наверное, уже знаешь, что нас передают в распоряжение десятого гвардейского стрелкового корпуса…

В его голосе звучало искреннее огорчение. За то время, когда 99-я дивизия сражалась в составе корпуса, мы очень сблизились с Сараевым, и мне тоже было жаль расставаться с Александром Андреевичем. Но фронтовая судьба военного человека изменчива. Тут неизбежны и новые радостные встречи, и грустные расставания.

Мы тепло распрощались. С тех пор наши военные дороги

разошлись навсегда, но я часто с добрым чувством вспоминаю генерала Сараева, одного из лучших командиров дивизии в нашем корпусе.

В тот же день вечером мы получили приказ командарма сдать 37-му стрелковому корпусу не только рубеж обороны на южной окраине Буды, но и все соединения, управление же нашего корпуса передислоцировать в Биа, где мы должны были принять в свой состав 19-ю и 49-ю гвардейскую стрелковые дивизии с их частями усиления, организовать прочную оборону на рубеже высота 255,2, село Фельшеэрш, деревня Мань и не допустить прорыва пехоты и танков противника в направлении Будапешта.

В этой обстановке было принято решение разделить управление корпуса на две части. Генерал М. Ф. Григорович с оперативной группой оставался на прежнем КП для руководства боевыми действиями 316-й стрелковой дивизии и 83-й бригады морской пехоты до завершения их передачи 37-му корпусу. Я же с основной частью штаба должен был выехать в район Биа, развернуть там командный пункт, установить связь с передаваемыми нам дивизиями, выяснить их боеспособность, политико-моральное состояние личного состава и группировку врага. Все это предстояло сделать в сжатые сроки, в условиях сложной, во многом неясной и неустойчивой обстановки.

Большую помощь мне всегда оказывала наша партийная организация, возглавляемая деловым и принципиальным человеком, начальником химической службы корпуса инженером 2 ранга И. Н. Беляевым. Она работала оперативно, своевременно нацеливала коммунистов на решение первоочередных задач, помогала сплачивать людей в единый боевой коллектив. Гибки были и формы партийной работы. Игнат Никитович Беляев умело сочетал общественные меры воздействия, коллективность руководства с тонким, я бы сказал, душевным индивидуальным подходом к человеку. У нас с ним никогда не было разногласий. Работали мы дружно и неизменно добивались успеха. После войны Беляев стал ученым, доктором химических наук, профессором, заведующим кафедрой в Ростовском государственном университете.

…Комкор уехал в 316-ю стрелковую дивизию, а я собрал офицеров штаба, рассказал им о боевой обстановке, изложил полученную задачу и порядок работы штаба.

В Биа немедленно выехали рекогносцировочная группа из четырех офицеров — оператора, разведчика, связиста, инженера — и взвод комендантской роты. Они должны были подобрать место для КП, организовать его охрану, установить местонахождение наших новых дивизий.

Утром 6 января я со штабом и с основным составом батальона связи тоже выехал в Биа. Там мы организовали командный пункт корпуса, установили связь с 19-й и 49-й гвардейской дивизиями. Вскоре сюда же прибыл и комкор. Осмотрев КП, он остался доволен и решил вместе с командующим артиллерией полковником С. И. Матышем и начальником автобронетанковых войск подполковником Ф. И. Андреевым ехать в 49-ю гвардейскую дивизию, которая вела тяжелые бои с вражеской пехотой и танками.

На участке корпуса у противника в это время действовали части 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» и 5-й танковой дивизии «Викинг». Частыми атаками пехоты в сопровождении 25–30 танков и самоходок немцы пытались прорвать нашу оборону в направлении из Сомор на Жамбек и Бичке. 49-й гвардейской дивизии приходилось нелегко. У гитлеровцев было превосходство в танках и авиации. Но гвардейцы держались стойко. Командир дивизии Герой Советского Союза генерал Василий Филиппович Маргелов искусно маневрировал артиллерийскими частями и подразделениями, в нужный момент боя бросал их на угрожаемые направления. Хорошо зная обстановку и ее малейшие изменения, он быстро разгадывал намерения противника и тут же принимал контрмеры. Командир корпуса с большой похвалой отзывался о Маргелове и его гвардейцах.

Другая вошедшая в наш состав дивизия — 19-я — в предыдущих боях понесла значительные потери. Мы поставили ее во второй эшелон корпуса на рубеж Тельки, Биа. 1310-й полк этого соединения находился в оперативном подчинении генерала В. Ф. Маргелова и оборонялся южнее села Фельшеэрш, где шли сильные бои. Большую помощь генералу Маргелову оказывала 45-я гвардейская армейская пушечная артиллерийская бригада полковника Я. Г. Саланского. Своим мощным огнем она преграждала путь гитлеровским танкам, наносила большой урон вражеской пехоте.

* * *

Вечером того же 6 января генерал Григорович приказал мне выехать в район Бичке, где у нас был стык с 31-м гвардейским стрелковым корпусом, чтобы на месте разобраться в положении дел. Обстановка там сложилась тяжелая. Немцы неоднократно атаковали наши и соседние части. Особенно доставалось 116-му гвардейскому полку. Один из его батальонов оказался отрезанным и почти трое суток дрался в окружении. Вместе с ним

находилась и минометная рота под командованием Г. С. Константинова. В самый разгар боя, когда пехота особенно остро нуждалась в огневой поддержке, у минометчиков кончились боеприпасы. Что делать? Выход нашел старшина К. К. Чередниченко, заменявший раненого командира взвода. Накануне он со своими бойцами, участвуя в контратаке батальона, захватил несколько ящиков немецких мин. Их-то Чередниченко и предложил использовать. Калибр наших минометов превышал калибр немецкого оружия всего на один миллиметр, так что стрелять вражескими боеприпасами было можно. Замолчавшие минометы заговорили вновь. Гитлеровская атака была отбита с большими для противника потерями. За мужество и инициативу, проявленные в этом бою, старшина Чередниченко был награжден медалью «За отвагу». Тогда же, на позициях, мы познакомились с отважным и находчивым воином. Знакомство это позже переросло у нас в дружбу, продолжающуюся по сей день. Сейчас Константин Константинович Чередниченко также живет в Москве, работает заместителем министра химической промышленности.

* * *

…Стрелковые части корпуса были малочисленными. Они не имели возможности создать сплошную линию обороны. В каменистом грунте сильно пересеченной скалистой местности пехотинцы не смогли вырыть окопы и траншеи полного профиля, тем более что бои шли почти беспрерывно. Поэтому основная тяжесть борьбы с пехотой противника и особенно с его танками легла на артиллеристов. И надо отдать им должное, батарейцы хорошо справились со своей задачей. На наиболее важных танкоопасных направлениях была организована мощная противотанковая оборона, созданная из противотанковых районов, подвижных резервов и артиллерии, стоящей на закрытых позициях. В полосе обороны корпуса было организовано шесть таких районов, в состав которых входили артиллерийские системы многих калибров: пятидесятисемимиллиметровые орудия дивизионной артиллерии, пушки калибров 85 и 100 мм из состава приданной противотанковой бригады и самоходного полка. В каждом таком районе было в среднем 16–18 орудий, между которыми поддерживалась самая тесная огневая связь.

Артиллерия, расположенная на закрытых огневых позициях, находилась в постоянной готовности к постановке заградительного огня перед противотанковыми районами. Чтобы

сделать эту оборону наиболее гибкой, были выделены подвижные противотанковые резервы, отрекогносцированы маршруты их выдвижения и рубежи развертывания.

Система артиллерийского огня, в том числе и противотанкового, создавалась по двум вариантам: непосредственно перед фронтом противника и в восточном направлении. Только так возможно было не допустить прорыва фашистских войск из Будапешта на село Мань. Для ведения огня во варианту «Восток» были оборудованы наблюдательные пункты на трех высотах, расположенных в тылу наших частей. На них несли службу наблюдения и разведки дежурные офицеры, которые имели устойчивую связь с огневыми позициями артиллерии. В район сел Пать и Торбадь был выдвинут один истребительный противотанковый полк. Он подготовил огневые позиции для круговой обороны.

Все мероприятия, проведенные для создания противотанковой обороны, сыграли большую роль в отражении атак танков и пехоты противника. И в этом немалая заслуга командующего артиллерией корпуса полковника С. И. Матыша, начальника его штаба подполковника А. В. Гладкова, подполковника Г. Т. Бойченко, майора И. Задорожного, сержантов И. С. Сергиенко и командира радиовзвода З. А. Медведевой. В те дни они очень оперативно решали сложные вопросы, связанные с созданием противотанковой обороны. Эти же офицеры и сержанты занимались вопросами дислокации и использования артиллерии корпуса в тяжелых боях. Некоторые из них сами принимали участие в боевых действиях артиллерийских частей, показывая пример мужества и стойкости.

В январских боях отличились воины 56-го гвардейского истребительного противотанкового дивизиона. Расчеты старших сержантов Зайцева и Кислякова буквально за несколько минут уничтожили пять вражеских танков.

Мужественно сражался личный состав 45-й гвардейской армейской пушечной артиллерийской бригады. Учитывая, что в обороне сплошного фронта не было, комбриг гвардии полковник Я. Г. Саланский принял решение огневые позиции прикрывать своими силами. По его приказу батарейцы отрыли ячейки и окопы в 100–150 метрах впереди своих пушек и тщательно их замаскировали. Когда немецкие автоматчики под прикрытием танков пошли в атаку на южную окраину Жамбека, часть расчетов орудий и личный состав разведывательного артиллерийского дивизиона (кроме батареи оптической разведки) во главе с начальником штаба дивизиона капитаном В. М. Гриневым быстро заняли укрытия и открыли по фашистам огонь из автоматов и

пулеметов. Затем по танкам ударили орудия. Гитлеровцы поспешно отошли.

Не добившись успеха, 13 января противник прекратил атаки и стал отводить с переднего края эсэсовские танковые части. Их место заняли 3-я кавалерийская бригада и 23-я венгерская пехотная дивизия. Началась перегруппировка войск и у нас. 19-я стрелковая дивизия сменила части 18-го танкового корпуса и заняла оборону на рубеже село Мань, северная окраина поселка Бичке.

Через несколько дней полоса обороны корпуса расширилась до 24 километров. Правофланговые части 49-й гвардейской стрелковой дивизии сменили бригаду 2-го гвардейского механизированного корпуса. Нам стало ясно, что командующий фронтом высвобождает механизированные и танковые части для нанесения контрудара на случай нового наступления гитлеровских войск на Будапешт.

* * *

Наступившее затишье продолжалось недолго. 20 января противник начал подтягивать к переднему краю свежие силы. Об этом штаб корпуса предупредил командиров дивизий и частей корпусного подчинения. Однако, как показали дальнейшие события, мы, да и полковник С. В. Салычев, видимо, не уделили должного внимания обороне села Мань.

Немецко-фашистское командование, несмотря на поражение в районе Бичке, не отказалось от мысли соединиться с окруженной будапештской группировкой. С этой целью оно сосредоточило танковую дивизию и до двух полков пехоты севернее Мань и 22 января 1945 года вечером нанесло сильный удар по позициям 19-й стрелковой дивизии. После тридцатиминутной артподготовки два его пехотных полка в сопровождении 65 танков и самоходок перешли в атаку. Особенно ожесточенному обстрелу подверглись Жамбек и Мань. Связь штаба 19-й стрелковой дивизии с полками, так же как и полков с батальонами, нарушилась, управление частями фактически было потеряно. Обстановка на этом участке складывалась очень тяжелая. Немцам удалось вклиниться в нашу оборону на глубину до четырех километров и овладеть селом Мань.

Перед рассветом меня вызвал по телефону генерал М. Я. Бирман.

— Доложите обстановку! — довольно резко приказал он.

Начальник штаба армии был явно не в духе, и к тому у него,

я знал, были веские основания.

— На участке сорок девятой гвардейской противник особой активности не проявляет, — доложил я, — а связь с командным пунктом девятнадцатой дивизии прервана…

— Срочно примите меры к выяснению обстановки у Салычева, — распорядился Бирман. — Потом доложите мне обо всем подробно!

Я тут же выслал в части 19-й дивизии группу офицеров во главе с подполковником Видиборцем и попросил командира корпуса разрешить мне выехать туда самому, чтобы вместе с Салычевым наладить управление войсками.

— Езжайте! — сказал Григорович. — На месте виднее — скорей разберетесь. Но не задерживайтесь, пожалуйста!

С офицером оперативного отдела майором И. Б. Смирновым мы отправились в село Мань. Небольшой снежок припорошил дорогу. Стояла светлая лунная ночь. В небе полыхали зарницы орудийных вспышек. Недалеко шел бой. Вскоре добрались до железнодорожной станции Херцегхалом. Она интенсивно обстреливалась дальнобойной артиллерией противника. Миновав полуразрушенные станционные постройки, двинулись дальше. Но не успели мы проехать и полутора километров, как увидели вдруг впереди танк с крестом на борту. Он шел из села Мань к железной дороге. Гитлеровцы, видимо, тоже заметили нас и стали разворачивать башню. Наш водитель мгновенно повернул машину влево и на бешеной скорости въехал в выемку у железнодорожного полотна. Громыхнул выстрел пушки фашистского танка. Снаряд пролетел над нами и разорвался за железной дорогой.

— Молодец, Володя, — похвалил я шофера. — И вообще мы, наверное, родились в рубашках…

Он ничего не ответил и только смахнул со лба капельки пота.

Стали возвращаться на станцию Херцегхалом. Неподалеку от нее встретили полковника Салычева. От имени комкора я потребовал, чтобы он направил в части офицеров штаба дивизии и принял энергичные меры для восстановления управления. Вскоре связь была восстановлена, и комдив получил возможность руководить боем.

Немцы продолжали настойчиво атаковать, бросая в бой все новые и новые силы. Генерал Григорович приказал Матышу открыть огонь по хутору, расположенному северо-восточнее села Мань. Значительная часть приданной в поддерживающей артиллерии корпуса ударила по боевым порядкам гитлеровцев и нанесла им большой урон. В район западнее и северо-западнее станции Херцегхалом по распоряжению комкора были подтянуты

991-й и 366-й самоходные артиллерийские полки. Они быстро заняли удобные огневые позиции и встретили противника хорошо организованным мощным огнем. Наступление гитлеровцев было приостановлено.

В течение двух последующих дней противник еще несколько раз пытался прорвать нашу оборону и выйти на шоссе Бичке — Будапешт, но это ему не удалось.

* * *

26 января 1945 года 59-я гвардейская дивизия, вошедшая накануне в состав корпуса, во взаимодействии с 37-й танковой и 8-й механизированной бригадами 2-го механизированного корпуса нанесла по гитлеровцам контрудар и отбросила их назад. Враг снова оказался на тех позициях, с которых начинал наступление 23 января, и перешел к обороне.

В конце января и в первой половине февраля обстановка в полосе 46-й армии оставалась напряженной. Гитлеровцы вели активные боевые действия, искали слабые места в нашей обороне. Они настойчиво стремились прорваться к Будапешту. В то же время окруженная в Буде вражеская группировка оказывала упорное сопротивление нашим войскам и любой ценой стремилась вырваться из окружения.

В ночь на 12 февраля немцы предприняли отчаянную попытку пробиться через боевые порядки 37-го стрелкового корпуса. Не считаясь с потерями, они рвались на запад и северо-запад — к селу Зуглигет и поселку Надьковачи. Фронт 180-й стрелковой дивизии был прорван. Свыше 15 тысяч фашистов вырвалось из окружения и укрылось в близлежащих лесах.

Командир корпуса снял 19-ю стрелковую дивизию с занимаемого ею рубежа, повернул фронтом на юго-восток и поставил соединению задачу не допустить прорыва групп противника из лесов на запад. В оперативное подчинение корпуса в это время вошла 11-я кавдивизия. Конникам предстояло прочесать леса и уничтожить разрозненные группы врага.

Корпусу снова пришлось сражаться на два фронта: с одной стороны надо было удерживать занимаемый рубеж и отражать атаки противника, стремившегося прорвать нашу оборону в направлении Аньячка; с другой — вести бои по уничтожению прорвавшихся к нам в тыл гитлеровцев.

13 февраля войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили ликвидацию будапештской группировки немецко-фашистских войск и полностью овладели столицей Венгрии.

Вырвавшиеся же из котла гитлеровцы снова и снова пытались пробиться то на одном, то на другом направлении. В ночь на 14 февраля группа фашистских автоматчиков вышла на северо-восточную окраину села Пербаль, где располагалось управление 49-й гвардейской стрелковой дивизии. Генерал В. Ф. Маргелов поднял штаб по тревоге и сам возглавил ликвидацию вражеской группы. В бою участвовали все офицеры управления, в том числе и начальник штаба дивизии полковник В. Ф. Шубин, человек очень хладнокровный и выдержанный. Автоматчики были почти полностью уничтожены, а оставшиеся в живых сдались в плен.

Довелось вести бои с пытавшимися прорваться из окружения гитлеровцами и личному составу штаба корпуса. В ночь на 14 февраля в лесу восточнее села Тельки, где располагался наш командный пункт, разведчики обнаружили несколько тысяч вражеских солдат и офицеров. Доложил мне об этом начальник разведки корпуса подполковник С. М. Дащук.

— Немцы, очевидно, попытаются пробиться к своим через село, — высказал он свое предположение.

Были вызваны командир батальона связи подполковник Готовченко и командир комендантской роты.

— Через Тельки, — сказал я им, — ожидается прорыв большой группы гитлеровцев. Задача — не пропустить ни одного. Мобилизуйте всех свободных людей, в том числе водителей и ездовых, и займите круговую оборону вокруг села.

В три часа ночи я с группой офицеров пошел проверить, как организована оборона штаба. В селе чувствовалось большое движение, то тут, то там раздавались короткие команды, торопливые шаги, звяканье оружия.

До боли в глазах вглядывались мы в тревожную темноту. В окопах впереди и чуть левее располагались бойцы пункта сбора донесений во главе со старшим лейтенантом В. П. Соловьевым. Рядом — взвод проводной связи одного из самых молодых офицеров Анатолия Слепченко. Мне доложили, что окопы оборудованы, красноармейцы и сержанты свою задачу знают.

В это время на окраину Тельки прибыли батальон самоходных орудий и рота танков, а также полк 11-й кавдивизии. Их вызвал командир корпуса.

Стало светать. Уже можно было отчетливо разглядеть близлежащую гору и волнистую линию лесного массива. Я взял бинокль и стал пристально вглядываться в окрестности. Вдруг вижу: от края леса движется какая-то черная лавина. Что это? Неужели люди? Всматриваюсь до боли в глазах. Ну конечно, сомнений быть не может — немцы! Почти тотчас же со стороны леса раздались выстрелы, над нами начали повизгивать пули. В

ответ застрочили наши пулеметы, открыли беглый огонь самоходки. Но гитлеровцы продолжали двигаться вперед. Они, видно, решили идти напролом. И тогда слева, из-за села, вырвалась наша конница. С возгласами «Ура!» кавалеристы врезались в гущу фашистов и стали рубить их. Потом пошли наши танки. Через пару часов с большой группой гитлеровцев было покончено. Длинные вереницы пленных потянулись к центру села.

Бои частей корпуса с отдельными разрозненными группами противника продолжались еще несколько дней. Укрывшись в лесах, гитлеровцы любой ценой стремились уйти на запад.

К 17 февраля вражеская группировка, прорвавшаяся на нашем направлении, была полностью уничтожена. Фашисты только убитыми потеряли здесь почти пять тысяч человек. Около полутора тысяч солдат и офицеров противника и два генерала были взяты в плен. Лишь отдельные мелкие группы смогли пробиться на север и переправиться через Дунай. Но это были лишь жалкие остатки многотысячной будапештской группировки, насчитывавшие не более 700–800 человек.

После разгрома таких крупных сил противника в районе Будапешта мы приступили по приказу командарма к подготовке наступления на новом направлении.

Глава шестая
И снова Дунай

Красная Армия продолжала победоносное наступление. Освободив Польшу, она вступила теперь на территорию самой Германии. Близился час окончательной победы над ненавистным врагом. На юге после ликвидации окруженной в Будапеште группировки противника Ставка поручила 2-му и 3-му Украинским фронтам разгромить группу армий «Юг» и овладеть Братиславой, Брно, Надьканижей, Веной. Здесь располагался крупнейший промышленный район, где производились самолеты, танки, авиамоторы и боеприпасы, а также находились источники нефти, последние, на которые еще могли рассчитывать гитлеровцы. Вот почему они и удерживали с таким упорством западную Венгрию и Австрию.

Советские войска, отразив мощный контрудар немцев в районе озера Балатон, в свою очередь перешли в наступление. Началось оно в середине марта.

С конца февраля 1945 года наш корпус вместе с другими войсками 46-й армии начал готовиться к предстоящей Венской наступательной операции. Мы совершенствовали оборону, пополнялись личным составом и техникой, вели разведку противника. Наш новый командарм генерал А. В. Петрушевский, сменивший на этом посту генерала И. Т. Шлемина, проводил перегруппировку сил и средств. Поэтому состав корпуса несколько раз менялся. Отдавая одни соединения, мы принимали другие; их командный состав нужно было заново знакомить с обстановкой, вводить в курс дела. Значительная нагрузка в те Дни легла на всех работников штаба корпуса. Но больше всех, пожалуй, трудились офицеры оперативного отдела. Подполковник И. М. Видиборец, майоры И. Б. Смирнов, М. А. Дельцов, капитаны А. В. Вильчик, П. Я. Рогов, И. Ф. Кочергин часто в срочном порядке выезжали в части. Они контролировали выполнение приказов и распоряжений комкора, помогали командирам организовывать оборону, готовить войска к предстоящим боям.

К середине марта в корпусе осталось две дивизии: 252-я генерала И. А. Горбачева и 19-я полковника С. В. Салычева. В этом составе мы и должны были начинать наступление. По плану операции, разработанному командованием 46-й армии, нам предстояло сковывать противника на широком фронте от Жамбек до Немелегьхата и при успешном действии соседа слева — частей

68-го и 75-го корпусов уничтожить силы гитлеровцев юго-западнее Эстергома.

14 марта после перегруппировки 252-я дивизия заняла оборону на рубеже Мань, Чабди, а 19-я — от Чабди до Обарок. Каждое соединение имело фронт 8 километров. Боевые порядки строились в один эшелон, дивизии выделяли по одному батальону, усиленному двумя дивизионами артиллерии, в передовые отряды, которые должны были обеспечивать успех 68-го корпуса, действовавшего на главном направлении армии.

Местность, где нам предстояло наступать, была горнолесистой, что давало противнику ряд преимуществ. Занимая господствующие высоты, он мог скрытно производить перегруппировку сил, подтягивать резервы на угрожаемые направления. Гитлеровцы создали здесь довольно сильную, глубоко эшелонированную оборону. Выгодные в тактическом отношении высоты и населенные пункты они укрепили, улицы перегородили деревянно-земляными баррикадами. Поэтому в первые дни наступления мы не имели большого успеха. К исходу 20 марта части корпуса, несмотря на все усилия, вклинились во вражескую оборону всего на 2–3 километра и лишь в некоторых местах овладели третьей линией траншей.

Между тем на других участках фронта события развивались несколько иначе. Своим левым флангом, где наносился главный удар, войска 46-й армии быстро прорвали оборону немцев в труднопроходимой горно-лесистой местности и, взаимодействуя со 2-м гвардейским мехкорпусом, стали стремительно продвигаться на северо-запад. Части соединений, развивая успех в северном направлении на Товарош, были на подходе к Дунаю и близки к завершению окружения эстергомо-товарошской группировки противника. В кольце оказалось бы свыше 20 тысяч солдат и офицеров трех пехотных, одной кавалерийской дивизий и одной моторизованной бригады, много боевой техники и различного имущества. Гитлеровское командование, опасаясь этого и видя, что соединения 75-го корпуса могут выйти в тыл группировке, сняло часть сил перед фронтом нашего корпуса и перебросило их в район Товарош. Таким образом, для нас складывалась более благоприятная ситуация, позволяющая перейти к самым активным наступательным действиям. Именно к такому выводу мы и пришли 20 марта, подводя поздно вечером итоги боев за день.

— Сил у нас, конечно, маловато, — сказал М. Ф. Григорович, склонившись над картой, — но если собрать их в кулак да ударить…

Он вопросительно посмотрел на меня. В дрожащем свете

электролампочки лицо его казалось усталым и задумчивым. На командном пункте, где мы располагались, стояла тишина. Лишь изредка доносились глухие разрывы снарядов.

— Давайте-ка подумаем, как это лучше сделать, — предложил комкор.

Примерно через час я уже докладывал начальнику штаба армии о наших предложениях. Суть их сводилась к следующему: двумя стрелковыми полками без средств усиления прикрыть полосу корпуса, а главные силы сосредоточить на узком трехкилометровом участке, откуда во взаимодействии с соседом слева и нанести удар в направлении Чабди, Тюкреш.

— Мне ваш план нравится, — заметил генерал Бирман после паузы. — Сейчас доложу его командарму. Ждите…

Генерал Петрушевский утвердил решение комкора, и утром 21 марта после короткого огневого налета корпус перешел в наступление. Ударом двух полков с юга и одного — с востока он овладел крупными опорными пунктами немцев, расположенными в Чабди и Вастель. Противник, сбитый с оборонительного рубежа, начал отходить в северном направлении, прикрываясь небольшими группами пехоты. Преследуя его, 252-я дивизия, действовавшая на нашем правом фланге, на следующий день захватила Тарьян, а чуть позже город Тата, после чего повернула фронт на северо-восток и овладела населенным пунктом Байна. Здесь ее левофланговые части соединились с соседом слева — 75-м корпусом. Наша 19-я дивизия оказалась, таким образом, во втором эшелоне, в полосе действий 68-го корпуса, которому и была переподчинена по приказу командарма.

А 252-я стрелковая дивизия продолжала теснить противника к Дунаю. Видя безвыходность своего положения, гитлеровцы напрягали все силы, чтобы сдержать наступление наших частей и переправить технику на северный берег реки. К исходу 23 марта у них по эту сторону остался лишь небольшой плацдарм до восьми километров по фронту и около шести — в глубину.

Днем 24 марта мы с Григоровичем, Орловым, Матышем, обсудив сложившуюся обстановку, пришли к единому мнению: необходимо ударом с юго-запада «срезать» плацдарм гитлеровцев на южном берегу Дуная, не дать им отвести за реку технику и личный состав. Но этому плану, к сожалению, не суждено было осуществиться. Под вечер мне снова позвонил генерал Бирман и сказал, что корпус получает новую задачу. Он должен сменить направление наступления и, нанося удар из района Моча, овладеть городом Комаром.

В ночь на 25 марта началась перегруппировка частей. Согласно распоряжению штаба корпуса, они сдавали свои участки

и форсированным маршем выдвигались в район Моча, расположенный в восьми километрах от Комарома. Свернув КП, мы тоже собирались двинуться в путь. Вдруг со стороны Дуная донеслась артиллерийская канонада, усиливающаяся с каждой минутой. Я связался по рации с начальником штаба 252-й дивизии подполковником Иваном Семеновичем Фроловым и спросил, в чем дело.

— Немцы контратакуют нас в районе Модьорошбанья, — ответил он.

— Какими силами?

— До полка пехоты при поддержке артиллерии с северного берега Дуная.

Я доложил о случившемся М. Ф. Григоровичу.

— Передайте генералу Горбачеву, — распорядился комкор, — чтобы он двумя полками, расположенными в том районе, отразил контратаку противника, отбросил его в исходное положение, а затем продолжал выполнение поставленной задачи.

Подозвав полковника С. И. Матыша, Михаил Фролович приказал ему помочь 252-й дивизии огнем корпусной артиллерийской группы.

Два часа продолжался ожесточенный бой. Понеся большие потери, гитлеровцы отошли на прежние позиции. 252-я дивизия, отразив контратаку противника, совершила марш и к утру вышла в район Товарош, Моча.

Стремясь удержать город Комаром, где находилось два нефтеперегонных завода, гитлеровцы сосредоточили здесь крупные силы пехоты и большое количество артиллерии. В шести километрах юго-восточнее города они заранее подготовили оборонительный рубеж, прикрыв его минными полями.

В течение двух дней части корпуса вели упорные бои на подступах к городу. Люди проявляли величайшее мужество и стойкость, однако сил, чтобы прорвать оборону противника, было явно недостаточно. Удалось лишь незначительно потеснить гитлеровцев и овладеть рядом господствующих высот.

Понимая наше положение, командарм А. В. Петрушевский приказал вернуть в состав корпуса 19-ю дивизию. Одновременно нам была переподчинена и 223-я стрелковая. Перегруппировав силы, мы снова начали наступление.

В это время сосед слева, двигаясь в направлении Дьера, овладел населенным пунктом Ач в восьми километрах юго-западнее Комарома. М. Ф. Григорович тут же решил использовать его успех. Он перебросил четыре стрелковых полка в полосу левого соседа и нанес удар в направлении Комарома с юга и юго-запада. Ночью группы разграждения, выделенные от 420-го

корпусного саперного батальона, под личным руководством комбата Михаила Григорьевича Козлова проделали проходы в минных полях, плотно прикрывающих немецкую оборону. Путь пехоте был открыт.

28 марта соединения корпуса штурмом взяли Комаром и снова вышли к реке Дунай. В городе нашими частями было уничтожено и захвачено 40 бронеединиц, 129 орудий и минометов, 1150 вагонов, взято в плен свыше 500 солдат и офицеров. Немцы потеряли только убитыми до двух тысяч человек. За взятие Комарома Верховный Главнокомандующий всему личному составу корпуса объявил благодарность. Почти одновременно пришла и другая радостная для нас весть. За образцовое выполнение заданий командования при прорыве обороны немцев в горах Вертешхедьшаг западнее Будапешта и овладение городами Фелынегалла, Тата и проявленные при этом доблесть и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР корпус был награжден орденом Красного Знамени.

* * *

В весеннем наступлении войска 2-го Украинского фронта прорвали оборону немцев на реке Грон и к концу марта отбросили противника за Малый Дунай. В этом им активно помогала Дунайская флотилия. Она провела в районах Эстергома, Таты и Комарома ряд удачных десантных операций. В них снова отличился мой давний знакомый — майор В. П. Быстров, этот лихой, никогда не унывающий голубоглазый моряк, с которым мы вместе воевали в Буде. Западнее Таты десант под его командованием овладел узлом железных дорог и четыре дня держал его до подхода наших войск, отразив за это время 39 ожесточенных вражеских атак. Это произошло в двадцатых числах марта. А через несколько дней мы с ним встретились вновь. Но об этом несколько ниже.

28 марта мы получили приказ форсировать Дунай западнее Комарно (в Словакии, на противоположном от венгерского Комарома берегу реки), овладеть этим городом и во взаимодействии с Дунайской флотилией в дальнейшем наступать между Малым и Большим Дунаем на Братиславу.

Ночью подполковник Видиборец со своими операторами подготовил проект боевого приказа и совместно с Перельштейном составил план форсирования реки. Матыш с Гладковым разработали график артподготовки и поддержки атаки. Дащук организовал разведку противника, исходных районов и

маршрутов выхода подразделений к водной преграде. Я координировал эту работу, поддерживая тесный контакт не только с начальниками отделов и служб, но и непосредственно с исполнителями.

Рано утром 29 марта началась рекогносцировка. Все расположились в укрытии на высоте западнее станции Комаром. Отсюда хорошо просматривался участок форсирования и противоположный берег реки, занятый противником. Было теплое утро. Над Дунаем висела легкая дымка, не мешавшая, однако, ярким солнечным лучам отражаться в воде. Казалось, будто река усыпана блестками серебра — глазам больно. Мы смотрели на воду, завороженные этой великолепной игрой света.

— Красив Дунай, — сказал М. Ф. Григорович мечтательно, — очень красив. Но любоваться нам, к сожалению, некогда. Давайте, товарищи, приступим к работе. Доставайте карты…

Мы стали решать, где удобнее расположить пункты переправ, как подвезти и спустить на воду лодки и паромы, на каких высотах оборудовать наблюдательные пункты. В деталях были уточнены задачи дивизий, отработаны вопросы взаимодействия разведывательных групп, передовых отрядов и главных сил с артиллерией, инженерными частями. Кроме того, намечались огневые позиции орудий и минометов, исходные районы полкам для форсирования, места сосредоточения переправочных средств. Наконец, каждой части была определена конкретная задача, доведен подробный график артподготовки и форсирования.

Группировку противника, оборонявшего левый берег Дуная, а также систему его огня удалось разведать только в общих чертах. Поэтому мы решили форсирование реки начать мелкими разведывательными группами. Днем они вели наблюдение за действиями гитлеровцев, изучали противоположный берег, расположение огневых точек в обороне врага, а с наступлением темноты должны были начать переправу.

Леса острова Сентпаль закрывали холмистый правый берег Дуная. Это позволило нам скрытно сосредоточить войска, переправочные средства и заблаговременно спустить на воду два большегрузных парома.

Артиллеристы заняли наблюдательные пункты и огневые позиции, готовя данные для стрельбы. Передовые отряды сосредоточились в лесу и оборудовали свои районы в инженерном отношении.

К сожалению, приданные корпусу инженерные подразделения вовремя не прибыли. Это очень тревожило нас. Я сообщил об этом начальнику штаба армии, и генерал Бирман обещал нам помочь.

В полдень того же дня в штаб корпуса приехал член Военного

совета 46-й армии генерал П. Г. Коновалов. С полковником А. А. Орловым они направились на наблюдательный пункт комкора, располагавшийся у самого берега Дуная, на высоте, с которой мы проводили рекогносцировку.

Член Военного совета выслушал доклад генерала М. Ф. Григоровича о подготовке к форсированию, а затем вызвал к телефону начальника инженерных войск армии. Он попросил его лично проследить, чтобы приданные нашему корпусу инженерно-саперные подразделения своевременно прибыли в район сосредоточения.

Вскоре после полуночи началось форсирование. Разведывательные группы на резиновых надувных лодках отчалили от берега. Ночь выдалась ясная, лунная. Река хорошо просматривалась. И все же разведгруппе 252-й стрелковой, возглавляемой красноармейцем И. Т. Мельничуком, удалось незаметно преодолеть Дунай. В половине третьего они уже доложили по телефону, что находятся на противоположном берегу у дамбы.

Услышав об этом, Григорович благодарно посмотрел на начальника связи корпуса подполковника Ф. А. Зорина. Комкора беспокоила связь с разведгруппами.

— От этого все зависит, — неоднократно повторял он накануне, на что Зорин неизменно отвечал:

— Не беспокойтесь, товарищ генерал, связь будет!

— Твоими бы устами, Федор Андреевич, да мед пить, — ворчливо отвечал не очень успокоенный заверениями Зорина комкор.

И вот сейчас, когда начальник связи сдержал слово и его телефонисты и радисты обеспечили нам бесперебойную связь через Дунай, Григорович был искренне признателен Федору Андреевичу.

Вслед за разведгруппой Дунай форсировал передовой отряд дивизии в составе учебной роты и двух батальонов 932-го полка. Воины перешли вброд канал, идущий вдоль берега, захватили дамбу и стали расширять плацдарм. Противник не ожидал, что наши войска будут переправляться здесь, и был застигнут врасплох. Под прикрытием передовых подразделений и огня артиллерии началась переправа главных сил 252-й стрелковой. Вскоре на том берегу был уже и командир дивизии генерал И. А. Горбачев, лично возглавивший бой полков на плацдарме.

Менее удачно начала переправу разведгруппа 19-й дивизии. Несмотря на принятые меры маскировки, она была обнаружена противником еще до подхода к берегу.

Гитлеровцы открыли по нашим разведчикам огонь из

пулеметов. Выручили артиллеристы, быстро уничтожившие вражеские огневые точки.

Вслед за разведчиками, которых было всего сорок человек, на левобережье переправился 3-й батальон 32-го стрелкового полка. Он отбросил гитлеровцев от дамбы и начал продвигаться вперед. Рота старшего лейтенанта А. Т. Лукьянова, сделав стремительный обходный маневр, внезапным ударом овладела населенным пунктом Бек.

За ночь части 252-й и 19-й дивизий, кроме тылов и артиллерии, полностью переправились через Дунай. Во второй половине 30 марта мы начали штурм Комарно с запада. Одновременно с востока ударил 25-й гвардейский стрелковый корпус 7-й гвардейской армий и 83-я отдельная бригада морской пехоты при содействии боевых кораблей Дунайской флотилии. Завязались уличные бои. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. В решающий момент боевых действий четыре бронекатера под командованием Героя Советского Союза старшего лейтенанта К. И. Воробьева прорвались в порт Комарно и под огнем высадили непосредственно на причалы группу автоматчиков. Десантники с ходу овладели электростанцией, расположенной неподалеку, и всеми портовыми сооружениями, которые немцы подготовили для взрыва. Город был спасен от разрушения.

К исходу дня Комарно уже полностью контролировался нашими войсками. Объезжая части корпуса, я попал к морским пехотинцам и снова встретился с майором В. П. Быстровым. Его батальон участвовал в штурме города и был, как всегда, в числе передовых. Десантники отдыхали после боя, шутили, смеялись. В это время подвезли ужин, а моряки, как известно, народ очень гостеприимный. Несмотря на мои возражения, они таки уговорили сесть к столу. За ужином разговорились. Быстров рассказал, что это его восьмая десантная операция. Оказалось, что в свое время мы воевали неподалеку друг от друга в Крыму и на Кубани. Виктор Павлович участвовал в десанте на Малую землю, в Керченско-Феодосийской и Новороссийской операциях. Познакомился я и с женой Быстрова Тамарой Ивановной, отважной женщиной, воевавшей вместе с мужем, В батальоне она была командиром санвзвода и еще за оборону Одессы удостоилась ордена Красного Знамени, Конечно, в смысле боевой славы ей с мужем соперничать было трудновато. У того семь орденов и пятнадцать медалей. Но в общем-то семья героическая.

Расстались мы с Быстровым друзьями и с тех пор не теряем друг друга из виду. Сейчас его семья живет в Москве. Виктор Павлович трудился в институте «Центромашпроект», Тамара Ивановна — заслуженный врач РСФСР.

Поздно вечером того же дня наша 19-я дивизия овладела селом Златна-на-Острове. Таким образом, корпус оказался в тылу у немцев и полностью выполнил свою задачу по разгрому группировки противника в районе Комарно.

С утра 31 марта наше наступление в междуречье Большого и Малого Дуная возобновилось. Здесь на оперативном просторе действовала 7-я гвардейская армия генерала М. С. Шумилова. И поскольку мы тоже оказались в этой полосе, нас в тот же день передали в ее состав. Не встречая серьезного сопротивления противника, корпус свернул свои боевые порядки в колонны и, имея лишь передовые отряды, начал преследование противника в направлении Братиславы.

Радушно встречали советских воинов — своих освободителей жители городов и сел Словакии. Они выходили навстречу нам с цветами, с корзинами всякой снеди и вина, радостно приветствовали воинов.

* * *

Гитлеровцам было необходимо удержать Братиславу. Их свежие танковые и пехотные части под прикрытием арьергардов, ведущих ожесточенные бои, стремились занять заранее подготовленные рубежи обороны на подступах к городу. Нам очень нужны были точные сведения об изменениях в группировке войск противника. И разведотдел штаба корпуса во главе с подполковником С. М. Дащуком делал все, чтобы командование имело такие данные и могло оперативно принимать решения. Умело и поистине геройски действовали разведчики.

Например, во время преследования противника в направлении Братиславы разведгруппа 25-й гвардейской дивизии, вошедшей в наш состав вместо выбывшей 223-й, получила задачу захватить «языка». Всего десять бойцов, возглавляемых помощником начальника разведотдела корпуса капитаном К. С. Журим, на трех трофейных мотоциклах углубились километров на двадцать во вражеский тыл. В селе Тани разведчики обнаружили колонну фашистских машин. Решили действовать внезапно. Дерзко ворвались они в село и открыли по врагу автоматный огонь. Среди немцев началась паника. Уничтожив около тридцати гитлеровцев, бойцы захватили двух пленных и скрылись так же быстро, как и появились.

«Языков» доставили в штаб корпуса. Перед нами предстали два немецких солдата: 17-летний фольксштурмовец и пожилой ефрейтор, как выяснилось, участник еще первой мировой войны,

чудом уцелевший в сражении на Марне, а потом, уже в 1944 году, попавший в отчаянную переделку в корсунь-шевченковском котле. Начался допрос. Оба пленных были страшно подавлены всем происходящим и торопливо отвечали на вопросы. Они оказались солдатами 6-й танковой дивизии, перебрасывающейся из-под Вены в район Лаа, где гитлеровцы создавали мощную танковую группировку, чтобы задержать наступление наших войск. Об этом мы сразу же сообщили в штаб армии.

В течение только одного апреля разведподразделения корпуса провели 245 вылазок в тыл врага. В результате было захвачено 2875 гитлеровцев, 193 важных документа, 138 пулеметов, 1266 винтовок и 48 автомашин. Штаб всегда был хорошо осведомлен о положении и намерениях противника. Так, 10 апреля был раскрыт замысел немцев ввести на следующие сутки в бой против нас 25-ю танковую дивизию и бригаду СС «Богемия». Мы, разумеется, немедленно приняли ответные меры.

Наступление на Братиславу между тем продолжалось. Стремясь удержать этот важнейший политический и промышленный центр Словакии, гитлеровцы на подступах к нему создали мощный оборонительный рубеж с развитой системой инженерных заграждений. Сам город они превратили в сильно укрепленный узел обороны. По северной и восточной окраинам до самого Дуная шли траншеи полного профиля с огневыми точками в железобетонных колпаках на изгибах. За ними располагались дзоты и бетонированные площадки с амбразурами для противотанковых орудий. Дороги и улицы были перекрыты завалами, надолбами и баррикадами, а особо выгодные в тактическом отношении многоэтажные каменные дома фашисты приспособили для круговой обороны. За передними окопами пехоты проходил сплошной противотанковый ров, позади стояли зенитные орудия, выдвинутые для стрельбы по наземным целям. Всего, по данным разведки, только на юго-западной окраине города у немцев было до 12 батарей.

Учитывая все это, генерал М. Ф. Григорович настойчиво требовал от командиров дивизий ускорить продвижение, чтобы не отрываться от противника и, как говорится, на его плечах ворваться в город. Для ведения уличных боев в пилках были заранее подготовлены штурмовые группы.

* * *

2 апреля с ходу части корпуса форсировали Малый Дунай и завязали бой за Братиславу, имея все три дивизии в одном

эшелоне. Первым на противоположный берег переправился 932-й полк 252-й стрелковой. В течение ночи там были уже все наши стрелковые и артиллерийские части. Полки 19-й дивизии, действуя на узком участке вдоль северного берега Дуная, вышли во фланг противнику, оборонявшемуся на восточной окраине Братиславы. Сосед справа — 25-й гвардейский стрелковый корпус уже вел бой на подступах к северной окраине города. Гитлеровцы оказывали упорное сопротивление, неоднократно переходили в контратаки. Бой шел буквально за каждый дом. Особенно эффективно здесь была использована артиллерия. По предложению полковника Матыша она распределялась с учетом характера предстоящих боев. Вся полковая артиллерия и пушечные батареи дивизионных артполков вошли в состав штурмовых групп. Гаубичные же батареи были сведены воедино и использовались централизованно — в руках командира корпуса это была ударная огневая сила, которую он использовал по собственному усмотрению в интересах всех соединений.

Большую роль в уничтожении огневых точек противника в домах и подвалах играли истребительно-противотанковые орудия, выдвинутые в боевые порядки пехоты для ведения огня прямой наводкой. Они подавляли внезапно возникающие цели, расчищая путь пехоте. Результативным оказался и огонь восьмидесятидвух — и стадвадцатимиллиметровых минометов. Вес этих систем был сравнительно невелик, и расчеты легко переносили их в разобранном виде через созданные противником препятствия. Минометчики не отставали от пехоты, быстро занимали позиции за стенами домов и открывали внезапный огонь.

Искусно маневрировал своими подразделениями в уличных боях командир одного из минометных дивизионов капитан А. П. Санкин. Поддерживая наступление пехоты, он выдвигал свои батареи вплотную к атакующим цепям и вел стрельбу на первом заряде. Эффективность огня была очень велика, так как корректировка его велась непосредственно с передовых позиций поля боя. Разведчики взводов управлений продвигались вместе со штурмовыми группами, вслед за своими разрывами и тут же давали поправки в исходные данные для батарей — цели накрывались безошибочно.

Преодолевая сопротивление противника, части корпуса стали обходить его группировку, располагавшуюся в районе заводов на восточной окраине и в центре города. В полдень 3 апреля начали поступать доклады об успешном продвижении частей.

«Вышел к северо-восточной части Млыница, веду бой за кварталы сорок четыре и сорок пять», — сообщал командир 25-й

гвардейской дивизии полковник А. М. Переманов.

«Овладел районом Бренер и кварталом тринадцать, частью сил оказываю содействие правому соседу в захвате Прьвоз, вышел на улицу Цеота», — доносил полковник С. В. Салычев из 19-й стрелковой.

И лишь в 252-й дело немного застопорилось. Когда я по поручению генерала Григоровича приехал на командный пункт дивизии, генерал Иван Александрович Горбачев устало сказал:

— Городскую радиостанцию, как было приказано, мы взяли и отдельными домами южнее ее овладели, а вот дальше продвигаемся с большим трудом…

Вид у комдива был неважный: он, как выяснилось, не спал уже двое суток. Дело в том, что в полосе наступления дивизии была расположена крепость-град, построенная в давние времена на высоте, господствующей над центральной и южной частями города. Гитлеровцы приспособили ее к обороне. Стены почти трехметровой толщины надежно их прикрывали. В крепости находился пехотный полк, усиленный специальной крепостной ротой и несколькими дивизионами артиллерии. Левофланговый полк 252-й дивизии предпринял несколько попыток овладеть градом, но все они были отбиты со значительными для нас потерями.

— Что намерены предпринять? — спросил я генерала Горбачева.

— Хочу подтянуть артиллерию. Сделать перегруппировку сил. И снова будем атаковать…

— Да, надо как следует подготовиться, прежде чем опять начинать штурм, — сказал я комдиву, — а мы постараемся вам помочь.

Вернувшись на командный пункт корпуса, я доложил М. Ф. Григоровичу о положении дел в дивизии. Он согласился, что атаки на высоту с градом следует приостановить, чтобы избежать неоправданных потерь.

Нашу беседу прервал приезд командарма. Генерал Михаил Степанович Шумилов ненадолго заехал к нам по пути в 25-й гвардейский стрелковый корпус, дравшийся на самой северной окраине Братиславы. Мы познакомились с командующим всего несколько дней тому назад, когда корпус только что вошел в состав 7-й гвардейской армии. Он приехал к нам в город Дунайска-Стреда, где располагался штаб, и пробыл там часа полтора-два. Все, кто был на командном пункте, представились командарму. М. С. Шумилов заслушал подробный доклад генерала Григоровича о боевом составе, укомплектованности корпуса, о политико-моральном состоянии его личного состава.

Затем он в свою очередь поставил перед нами задачи, указал на особенности предстоящих боевых действий.

Командарм и на сей раз произвел на нас приятное впечатление. Он был высок ростом, слегка грузноват и добродушен. Держался запросто, разговаривал весело, с улыбкой.

— Так где же вы споткнулись? — спросил он, едва мы спустились в подвал, где располагался командный пункт корпуса. — В чем задержка?

Григорович доложил о положении дел в корпусе, в том числе и о затруднениях, возникших на участке 252-й стрелковой дивизии.

— И что же вы решили? — спросил Михаил Степанович. — Какие меры думаете предпринять?

— В течение ночи, — ответил комкор, — создадим два штурмовых отряда, по стрелковому батальону в каждом. Усилим их самоходками, орудиями прямой наводки, огнеметными и инженерными подразделениями, подтянем тяжелую артиллерию… И с утра возобновим штурм.

Шумилову этот план понравился. Он одобрил его, а в ответ на просьбу об авиационной поддержке атаки сказал:

— Об этом можете не беспокоиться. Я позабочусь, чтобы действия ваших штурмовых отрядов были надежно обеспечены с воздуха. С рассветом удар по крепости нанесет пятый штурмовой авиационный корпус генерала Каманина.

Уезжая, Шумилов с улыбкой заметил:

— Спешу к Осташенко в двадцать пятый гвардейский корпус. Вам придется вместе с ним продолжать штурм Братиславы. Надеюсь, вы подружитесь.

После отъезда командарма мы приступили к тщательной подготовке штурма. Все получилось так, как было задумано. Утром 4 апреля после авиационной и артиллерийской подготовки части корпуса перешли в атаку. Крепость была довольно быстро взята. С этим успехом нас поздравил член Военного совета 7-й гвардейской армии генерал А. В. Мухин, приехавший к нам в полдень.

— Ну что ж, еще одно, последнее усилие — и Братислава будет освобождена, — сказал он, поднявшись на второй этаж здания, где располагался НП. Отсюда хорошо просматривалась картина боя. Мы с Григоровичем поспешили за ним.

У Мухина было открытое, по-русски красивое, доброе лицо. Он часто останавливался возле бойцов, расспрашивал их о доме, о настроении, о нуждах.

Минут сорок член Военного совета наблюдал за боем молча, потом сказал:

— Нелегко людям. Война к концу, а им приходится на смерть идти. Берегите каждого человека…

По мере того как грохот боя все дальше отодвигался на западную окраину Братиславы, на улицах все чаще и чаще стали появляться жители города. Они выходили из подвалов и убежищ, увидев советских воинов, бросались к ним со словами привета и благодарности.

К исходу 4 апреля наши соединения в тесном взаимодействии с частями 25-го гвардейского корпуса очистили наконец город от гитлеровцев и вышли на реку Быстрицу.

Приказом Верховного Главнокомандующего нашему корпусу было присвоено почетное наименование «Братиславский «. Позднее решением Национального комитета столицы Словакии командир корпуса, командиры дивизий и другие офицеры, в том числе и я, были удостоены высокого звания «Почетный гражданин города Братиславы».

Потеряв Братиславу, немцы начали отходить на заранее подготовленные рубежи обороны по западному берегу Моравы. Здесь они надеялись снова задержать наше наступление, используя широкую, сильно заболоченную пойму реки, преодолеть которую войскам было действительно нелегко. Стремясь закрепиться на этом рубеже, противник усилил сопротивление и неоднократно переходил в контратаки с отрогов Малых Карпат. Активизировалась и его авиация. Действуя группами в 5–10 самолетов, она наносила удары по нашим частям, двигавшимся по дорогам.

В течение 5 апреля части корпуса вели бои на восточном берегу Моравы, очищая от гитлеровцев лесной массив севернее Девина. К исходу дня 19-я дивизия овладела этим населенным пунктом, а 252-я — Дубровкой. Однако наибольший успех имела 25-я гвардейская. Достигнув реки в районе Шлофсхора, она с ходу стала переправляться на правобережье. На рассвете мне позвонил полковник А. М. Переманов и доложил, что им захвачен плацдарм до восьми километров по фронту и около трех с половиной километров в глубину и что, по имеющимся у них данным, противник накапливает силы для нанесения контрудара.

Когда я сообщил об этом комкору, он радостно воскликнул:

— Молодцы гвардейцы! Нам очень нужен такой плацдарм. Скажите Переманову, чтоб держался. Мы поможем ему артиллерией.

Я тут же связался с комдивом и передал распоряжение Григоровича.

— Будет выполнено! — лаконично ответил тот и, помолчав, торопливо добавил: — Извините, Сергей Александрович,

тороплюсь на наблюдательный пункт. Немцы начали контратаку…

Пожелав ему успеха, я тут же позвонил в штаб артиллерии корпуса А. В. Гладкову и передал ему приказание комкора об огневой поддержке 25-й гвардейской дивизии.

В течение дня гитлеровцы предприняли четыре контратаки на плацдарм значительными силами пехоты в сопровождении тринадцати бронеединиц каждая. Но все они были отбиты. Большую роль в этом сыграла артиллерия корпуса.

В тот же день начали форсирование Моравы подразделения 252-й дивизии. Несмотря на отчаянное сопротивление фашистов, наши части переправились через реку и стали быстро продвигаться вперед. К вечеру генерал И. А. Горбачев доложил, что его части достигли населенного пункта Мархегг, оказавшись уже на территории Австрии. Правда, их задача была значительно облегчена тем, что наш сосед слева — 46-я армия, наступавшая вдоль южного берега Дуная, форсировала реку в районе Хайнбурга и завязала бои на дальних подступах к Вене.

Используя сложившуюся ситуацию, перешли в наступление и мы. 7 апреля корпус овладел Гезерндорфом, крупным узлом шоссейных и железных дорог, превращенным противником в сильный опорный пункт. Моравский плацдарм был расширен до 16 километров по фронту и почти до 10 — в глубину. Южнее Девина по указанию комкора подчиненные подполковника Перельштейна, имеющие уже огромный опыт по этой части, буквально за несколько часов навели понтонную переправу. По ней мы стали в первую очередь перебрасывать артиллерию. К исходу 7 апреля на плацдарм было переправлено 877 орудий и минометов. Наличие в боевых порядках пехоты большого количества артиллерии, ведущей огонь как прямой наводкой, так и с закрытых огневых позиций, давало нам возможность отражать многочисленные контратаки противника и наносить ему большой урон в живой силе и технике. Только за первые три дня боев на плацдарме корпусом было уничтожено, и в основном, конечно, артиллерией, 26 орудий и минометов, 17 бронеединиц, 69 пулеметов и 1190 вражеских солдат и офицеров.

Командный пункт наш переместился из Братиславы на плацдарм, откуда со всеми соединениями и частями по линии штабов и НП была организована проводная связь. Надо отдать должное нашему 359-му корпусному батальону связи: он всегда действовал четко, быстро, маневренно.

Помню, была в батальоне Готовченко телефонистка Серафима Истомина, комсорг роты. Мужественная девушка много раз под огнем врага прокладывала связь. При форсировании

Дуная и в районе Бичке она вместе с другим любимцем батальона Лешей Дворовым, весельчаком и прекрасным баянистом, переправилась с передовыми отрядами и на протяжении нескольких дней, находясь на плацдарме под ураганным обстрелом, обеспечивала связь. За этот подвиг Сима была награждена орденом Красной Звезды. Алексей Дворов, к сожалению, погиб в том бою смертью героя.

На моравском плацдарме Истомина снова отличилась. 8 апреля гитлеровцы под Гройфсенбрунном приостановили продвижение 252-й дивизии, связь с ней на какое-то время была утеряна. Восстановить ее вызвалась Серафима. Ей пришлось по-пластунски преодолевать несколько открытых участков местности, простреливаемых врагом, ползти по болоту. Но задачу свою Истомина выполнила.

* * *

Немецко-фашистское командование, стремясь остановить наступление советских войск севернее Вены, начало снимать части с других участков и перебрасывать их на направление корпуса. Так, по данным нашей разведки, из-под Зволена была срочно передислоцирована 101-я горно-стрелковая дивизия, введенная в бой 9 апреля в районе Проттес-Вейнкендорф. На следующий день в полосе корпуса появилась также 25-я танковая дивизия, переброшенная уже из самой Германии, из района Штеттина, о чем нам рассказали пленные.

Горно-лесистая местность, постепенно повышающаяся в северо-западном направлении, давала противнику возможность скрытно производить перегруппировку сил и быстро организовывать оборону. Он пытался неоднократными контратаками силой от батальона до полка при поддержке 15–20 танков измотать силы наших подразделений и хотя бы приостановить их стремительное продвижение, чтобы иметь возможность подтянуть резервы. 11 апреля, например, немцы в течение нескольких часов предприняли четыре контратаки из района Матцен, Раггендорф. Однако это ничего им не дало.

Вечером 13 апреля мы получили сообщение о том, что советскими войсками освобождена столица Австрии Вена. Радостно сознавать, что и соединения 23-го корпуса вынесли свой вклад в этот большой успех. Известие о взятии Вены было встречено в войсках с громадным воодушевлением.

Не прекращая боевых действий, части корпуса 17 апреля ночью вышли к реке Ташль-Бах. Здесь фашисты заранее

подготовили рубеж обороны, а город Мистельбах, находящийся на северном берегу реки, превратили в сильный опорный пункт.

Учитывая прочность вражеской обороны, командир корпуса М. Ф. Григорович решил прорвать ее на узком участке южнее Мистельбаха, где он распорядился сосредоточить шесть стрелковых, два артиллерийских, два истребительно-противотанковых полка и один минометный, а также всю приданную нам 90-ю тяжелую гаубичную бригаду.

В 10.30 утра после короткого, но мощного огневого налета по обороне противника части 252-й и 19-й стрелковых дивизий перешли в наступление. Наша пехота смело продвигалась вперед непосредственно за огневым валом. В ее боевых порядках находились орудия сопровождения, расстреливавшие очаги сопротивления гитлеровцев, их огневые точки. Форсировав реку вплавь, передовые батальоны в 14.45 штурмом овладели городом Мистельбах.

Ночью 19-я дивизия пропустила через свои боевые порядки части 6-й гвардейской танковой армии и, наступая за ними, вышла к реке Дие и, форсировав ее, овладела рубежом высота 199,0, Карлгоф. Под угрозой окружения оказался город Цистерсдорф, крупный центр нефтяной промышленности восточнее Мистельбаха. Фашистские войска стали покидать этот населенный пункт, и части 23-го корпуса вскоре овладели им.

За взятие Цистерсдорфа приказом Верховного Главнокомандующего всему личному составу нашего соединения была объявлена благодарность.

Утром 29 апреля нас порадовала еще одна весть. Мне позвонил начальник штаба армии генерал Г. С. Лукин и сообщил, что Михаилу Фроловичу Григоровичу за успешное проведение Львовской операции и умелое руководство форсированием Дуная под Будапештом и у Комарно Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза. Одновременно была награждена орденами большая группа офицеров корпуса.

Было еще рано, и М. Ф. Григорович, проведя полночи на передовой и лишь к утру вернувшись на командный пункт, отдыхал. Обычно в такие моменты, если не было ничего срочного, мы старались не тревожить комкора. Но тут я нарушил правило и разбудил Михаила Фроловича.

— Что-нибудь случилось? — встревоженно спросил он, быстро одеваясь.

— Да, и чрезвычайно важное! — ответил я и сообщил о награждениях.

Скрывая смущение, комкор поправил гимнастерку,

пригладил волосы. Потом посмотрел на меня и сказал взволнованно:

— Спасибо за добрую весть, Сергей Александрович! Вас тоже можно поздравить с наградой, не так ли?

Мы обнялись. Фронтовая обстановка, тесная совместная работа, постоянная опасность очень сблизили нас. Я был рад за Михаила Фроловича Григоровича. Он заслужил высшую награду Родины самоотверженным трудом и по-настоящему большим командирским мужеством, проявленным в десятках, сотнях боев.

* * *

Овладев городом Цистерсдорфом, части корпуса продолжали преследовать противника в северо-западном направлении. Обтекая опорные пункты и укрепленные высоты, отбивая многочисленные контратаки гитлеровцев, мы за три дня продвинулись до 30 километров. Своим правым флангом корпус подошел к городу Лаа и в связи с возросшим сопротивлением врага вынужден был там закрепиться. Вскоре были остановлены и войска нашего соседа справа — 25-го гвардейского корпуса. Это случилось 25 апреля на рубеже реки Дие, где немцы сосредоточили части трех своих дивизий — 44-й пехотной, 101-й горно-стрелковой и 6-й танковой.

Неоднократные попытки войск 7-й гвардейской армии прорвать здесь оборону противника успеха не имели. Возникла необходимость перегруппировать силы и создать ударный кулак на узком участке фронта. Поэтому в ночь на 6 мая корпусу было приказано сдать занимаемый участок южнее Лаа и, совершив форсированный переход по маршруту Штац, Микулов, к утру следующего дня сосредоточиться в районе Коленфурт.

Началась подготовка к наступлению. Оценив силы противника и систему построения его обороны, генерал Григорович принял решение боевой порядок построить в два эшелона. В первом была вся 25-я гвардейская и один из полков 19-й дивизии; во втором, южнее Коленфурта, для развития успеха сосредоточивались целиком 252-я дивизия и два полка 19-й. На трехкилометровом участке прорыва у нас имелось 604 орудия и миномета.

По нашему плану штабы дивизий и полков должны были в течение 6 мая, пока войска совершают марш, прибыть в указанный для сосредоточения район, провести рекогносцировку, наметить рубежи развертывания, организовать управление. Артиллерийские полки и дивизионы высылали органы

управления с задачей выбрать огневые позиции, наметить места наблюдательных пунктов и сделать топопривязку огневых позиций для своих подразделений, находящихся еще на марше.

В ночь на 7 мая мы заняли исходное положение для наступления. Передовые отряды завязали бой с целью захватить плацдарм на западном берегу реки Дне и уточнить огневую систему противника.

Утром М. Ф. Григоровича вызвал к телефону командарм.

— Как дела, настроение? — весело спросил М. С. Шумилов. Видно, сам он был в отличном расположении духа.

— Корпус к наступлению готов, товарищ командующий, — доложил Михаил Фролович. — Настроение самое боевое. Ждем команды!

— Давайте сверим часы. Начало артподготовки в семь сорок пять, атаки — в восемь пятнадцать. Желаю удачи!

Точно в назначенное время орудия всех калибров открыли ураганный огонь. Это была одна из самых мощных артподготовок, которую мне доводилось видеть. На последние десять минут к участию в ней привлекались вся зенитная артиллерия армии и зенитные пулеметы дивизий; они вели огонь по переднему краю обороны противника.

Поддерживаемые ударами авиации с воздуха, части корпуса перешли в наступление. Следуя вплотную за огневым валом, сокрушающим укрепления врага, стрелковые подразделения, действующие в первом эшелоне, форсировали Дие. Преодолевая сопротивление противника, они ворвались в первую траншею и овладели ею. Вслед за тем начали переправляться остальные два полка 19-й дивизии. Силы наступающих значительно увеличились. Несмотря на неослабевающее огневое сопротивление врага, части продвинулись на 2–2,5 километра и овладели рядом важных в тактическом отношении высот.

По приказу генерала Григоровича для наращивания удара на западный берег начала переправляться 252-я дивизия, находящаяся до этого во втором эшелоне. Она была введена в бой из-за левого фланга 25-й гвардейской. Быстро продвигаясь вперед, полки к исходу дня овладели населенным пунктом Дрнголец. На правом фланге часта корпуса продвинулись тоже на 8–9 километров, взяли Троскотовице и завязали бой за опорный пункт Литобратржице.

Поздно вечером на командном пункте меня нашел наш бессменный кадровик майор В. Д. Рогозин и сообщил приятную весть: в корпус прибыло пополнение, процентов на шестьдесят состоящее из людей обстрелянных, узде побывавших в боях. Я немедленно связался с М. Ф. Григоровичем, находившимся на

наблюдательном пункте, и доложил ему обо всем.

— Прибыли как раз вовремя, — обрадовался командир корпуса. — И народ как раз тот, что нам нужен!

Посоветовавшись, мы решили немедленно влить пополнение в действующие подразделения. 19-я дивизия, имевшая наибольшие потери, получила 850 человек, 25-я гвардейская — 680, 252-я — 480. Таким образом, боевой состав рот был доведен до 60 человек.

Сражение продолжалось. Корпус и ночью не прекращал боевых действий. Преследуя отходящих гитлеровцев, части к утру продвинулись еще на 10–15 километров. Теперь мы находились на полпути от реки Дие к городу Зноймо. В этот момент, точнее, в 10.00 8 мая, из-за левого фланга корпуса перешла в наступление 46-я армия, наш сосед слева. Она начала быстро продвигаться вперед. Создалась благоприятная обстановка для того, чтобы отрезать противнику пути отхода в северо-западном направлении. Генерал Григорович, разумеется, не упустил такой возможности. Он решил выдвинуть вперед на автомашинах усиленный отряд, которому приказал стремительным броском овладеть Зноймо и не допустить отхода через него гитлеровских частей. Выполнение этой задачи возложено было на 924-й полк 252-й дивизии, и к 18.00 город был взят.

Когда мы прибыли в Зноймо (крупный узел железных дорог, бывший важным опорным пунктом противника), улицы его были запружены толпами народа, встречающего своих освободителей. Люди бросались к нам, обнимали, благодарили. Девушки были в народных южноморавских костюмах, с цветами в руках. Машины, медленно двигающиеся мимо людского моря, буквально засыпали букетами. Нас приглашали в дома, предлагали выпить за победу, отдохнуть. Но мы не могли задерживаться ни на минуту. Война еще не кончилась. Гитлеровцы продолжали сопротивляться, и нам нужно было идти дальше. Сотни мужчин и женщин провожали нас еще добрый десяток километров.

Во второй половине дня мы получили сообщение за подписью командующего 2-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского. Оно гласило: «7 мая 1945 года в городе Реймсе гитлеровцы подписали акт о безоговорочной капитуляции, вступающий в силу 9 мая с 1.00 по московскому времени. Приказ немецким войскам о капитуляции должен дать верховный командующий вермахта». Далее нам предписывалось после 23.00 8 мая потребовать от командования противостоящих фашистских войск сложить оружие и сдаться в плен. В случае отклонения этого требования следовало продолжать выполнение ранее поставленной задачи до полного уничтожения противника.

На наше предложение о капитуляции гитлеровское командование ответило отказом. Поэтому генерал М. С. Шумилов дал приказ войскам армии продолжать наступление. Не встречая большого сопротивления, соединения корпуса свернули боевые порядки в походные колонны и, выслав вперед усиленные отряды, начали преследовать противника. В течение 9 мая мы продвинулись в северо-западном направлении на 60–65 километров. Войска нашего фронта, в том числе, конечно, и 7-й гвардейской армии, были нацелены теперь на Прагу.

После падения Берлина вновь созданное фашистское правительство Деница, как потом стало нам известно, предприняло попытку удержать «чехословацкую крепость», что отвечало стремлениям реакционных кругов Англии и США. Ведь именно в те дни Черчилль дал фельдмаршалу Монтгомери свое пресловутое указание «тщательно собирать германское оружие и складывать так, чтобы его легче можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Фашистские войска в Чехословакии не сложили оружия. Между тем в Праге 5 мая вспыхнуло народное восстание. К вечеру повстанцы захватили радиостанцию, почту, вокзалы, мосты через Влтаву, крупные заводы. Командующий группой армий «Центр» генерал Шредер приказал любыми средствами подавить восстание. На улицах Праги завязались ожесточенные бои. Силы были неравные. Восставшие, не имея достаточного вооружения, истекали кровью. Они обратились к Красной Армии с просьбой о поддержке и, как известно, войска 1-го Украинского фронта из-под Берлина стремительным броском через Дрезден и Рудные горы вошли на многострадальную чешскую землю и протянули руку братской помощи борющемуся чехословацкому народу.

Нам тоже было приказано помочь восставшей Праге.

7 мая генерал Григорович приказал создать специальный передовой отряд, который должен был стремительно выйти к чехословацкой столице и во взаимодействии с другими частями армии помочь повстанцам. Отряд на автомашинах совершил форсированный марш и 9 мая был уже в Праге. Но к этому времени столица Чехословакии уже была полностью очищена от фашистов войсками 3-й и 4-й танковых армий.

* * *

За день 10 мая части корпуса продвинулись теперь уже в западном направлении еще на 80 километров. Таким образом, за

пять дней боев мы прошли более 250 километров, уничтожив при этом огромное количество техники и живой силы противника, захватив большие трофеи и свыше 22 700 пленных.

11 мая мы вышли на реку Влтаву западнее местечка Седльчаны. Здесь, в 30 километрах от Праги, и закончил своей боевой путь Краснознаменный 23-й Братиславский стрелковый корпус.

14 мая наши части, уже без боев продвигаясь на запад, в районе города Плзень встретились с союзными американскими войсками. Там была установлена демаркационная линия. Начиналась новая и такая непривычная для всех нас после многих месяцев беспрерывных походов и боев мирная жизнь.

Смотрим в будущее (вместо эпилога)

Тридцать с лишним лет минуло с тех пор, как отгремели последние залпы Великой Отечественной войны. Но память неумолимо возвращает нас к тому суровому времени. Вспоминаются боевые товарищи, опаленные огнем фронтовые дороги, наспех насыпанные могильные холмики, остающиеся позади… Этого нельзя забыть. И не только потому, что так много было пережито. Слишком дорогой ценой заплатили мы за мир на земле, за нашу теперешнюю счастливую жизнь, чтобы можно было выбросить из памяти те жертвы и страдания, которые выпали на долю народа. Без прошлого нет будущего. Еще в древности говорили: лучшее средство привить детям любовь к отечеству состоит в том, чтобы такая любовь была у их отцов…

Много лет спустя после описываемых событий мне снова довелось побывать в местах, которые мы когда-то проходили с боями. Это была как бы вторая встреча со своей огневой молодостью. В 1961 году я получил назначение в Южную группу войск. Ехал к новому месту службы не без волнения. Ведь именно там, на берегах Дуная, воевал наш корпус в конце сорок четвертого — начале сорок пятого годов. Будапешта я не узнал. Вместо пепелищ и развалин — широкие проспекты, сверкающие витринами магазинов, кварталы красивых зданий.

Весь день я ходил по Будапешту, любуясь красотой его улиц. Под вечер добрался до горы Геллерт, где в честь советских воинов, освободивших Венгрию от немецко-фашистских захватчиков, воздвигнут величественный монумент. Вокруг него было много людей. И так всегда: сколько я потом туда ни приходил, у памятника были толпы народа.

В Будапеште я встретил своих боевых друзей. Среди них были В. М. Гринев, бывший начальник штаба артиллерийского дивизиона, и Герой Советского Союза майор Н. А. Федин, в прошлом сапер-разведчик. Гринев окончил академию, стал полковником, работал в штабе Южной группы войск. Федин служил начальником автослужбы части. С ним мы как-то и совершили поездку к Дунаю, посмотрели памятные места жарких боев. Из Будапешта выехали рано утром. Не доезжая трех километров до поселка Эрчи, свернули с шоссе на полевую дорогу. Вскоре подъехали к крутому берегу реки. Вышли из машины, остановились над обрывом. Внизу широко раскинулся Дунай. Над ним поднималась пелена тумана. В воде отражалось небо с плывущими по нему перистыми облаками. Парила земля, разбуженная ранней весной.

Мы долго любовались открывшимся перед нами видом, потом по извилистой тропинке спустились вниз, к старой траншее, заросшей травой.

— Вот эту самую траншею мы и штурмовали декабрьской ночью сорок четвертого, — задумчиво сказал Федин. — Только Дунай тогда был не голубым и прозрачным, как сейчас, а мрачным и серым. Эти места запомнились мне на всю жизнь…

— Тяжелое было время, — отозвался я, — но вместе с тем и героическое. Такое не забывается.

— Надо только, чтобы и дети, и внуки наши знали об этом, — после паузы заметил Николай Алексеевич. — Мы стареем. Кое-кого уже нет в живых.

Он имел, конечно, в виду прежде всего наших комкоров: Михаил Фролович Григорович умер в 1946 году, Никита Емельянович Чуваков — несколько лет спустя.

Пожалуй, именно тогда, после поездки по Дунаю, у меня и возникло желание написать о пережитом, поделиться своими фронтовыми воспоминаниями.

В 1968 году в гости в Венгерскую Народную Республику был приглашен Герой Советского Союза подполковник в отставке Семен Прокофьевич Серых. Он побывал в Будапеште, Секешфехерваре, Эрчи, проехал по местам боев, в которых принимал участие. В Эрчи у братской могилы советских воинов тогда состоялся большой митинг. Семен Прокофьевич выступил на нем и рассказал о том, как сражались наши бойцы на дунайском плацдарме. Побывал Серых и на могиле своего фронтового друга Героя Советского Союза И. С. Забобонова.

Мы о многом говорили с Семеном Прокофьевичем при встрече, вспоминали боевых друзей — живых и павших. С некоторыми из своих однополчан Серых ведет длительную переписку. Среди них Герой Советского Союза Николай Константинович Храпов, работающий в селе Литяне Астраханской области, и Олег Федорович Колычев, проживающий в Сызрани. В одном из писем Колычев пишет: «У меня трое детей. Я воспитываю их по нашим традициям: будь предан своей Родине и Советской власти. Учись жить, работать и защищать Отчизну, как коммунисты-ленинцы».

По долгу службы мне несколько лет пришлось жить в Венгерской Народной Республике. Я объездил все места, где сражались воины 23-го стрелкового корпуса, видел, какие большие перемены произошли в стране. Новая жизнь пришла на берега Дуная, новые счастливые песни звучат над древней рекой. Значит, недаром проливалась здесь кровь наших боевых друзей.

Кстати, в те годы, когда я служил в должности первого

заместителя командующего Южной группой войск и принимал участие в решении различных вопросов, касающихся временного пребывания советских войск на территории ВНР, мне посчастливилось встречаться и в тесном контакте трудиться с такими замечательными людьми, как первый секретарь Будапештского городского комитета Венгерской социалистической рабочей партии Карой Немет (ныне член Политбюро, секретарь ЦК ВСРП), министр обороны ВНР Лайош Цинеге, начальник Генерального штаба Венгерской народной армии Карой Чеми, первый секретарь комитета партии 16-го района столицы Венгрии Иштван Ужони, председатель исполкома совета этого района Йожеф Адам и другие.

Я всегда с душевной теплотой вспоминаю венгерских товарищей, с радостью думаю о нашей совместной плодотворной работе, направленной на упрочение дружбы между советским и венгерским народами, боевого единения наших армий.

Недавно у меня произошла еще одна трогательная встреча с друзьями на гостеприимной венгерской земле. Отрадно было сознавать, что братство наших народов, содружество двух армий за эти годы еще больше окрепли.

Наши всесторонние связи стали теснее, отношения сердечнее. И в этом немалая заслуга венгерских товарищей, которые, выполняя свой интернациональный долг коммунистов, очень многое сделали, делают и, уверен, будут делать для того, чтобы дружба между нашими странами и их вооруженными силами была вечной и нерушимой.

В мае 1976 года побывал я и в Братиславе. Похорошели ее улицы, раздался город вширь, обстроился новыми замечательными домами. С постройкой нефтепровода «Дружба» он стал в ЧССР центром нефтехимии. Воздвигнуты здесь новые заводы и фабрики.

На холме Славин, где высится монументальный памятник советским воинам-освободителям, захоронено свыше шести с половиной тысяч солдат и офицеров 2-го Украинского фронта. Большинство из них — бойцы нашего и 25-го гвардейского стрелковых корпусов 7-й гвардейской армии. Благодарные жители Братиславы свято чтут их память. Я стоял на холме и, любуясь прекрасной ночной панорамой города, вспоминал, как мы в апрельские дни 1945 года вели здесь тяжелые бои.

Довелось мне посетить и места былых боев под Киевом. Приглашенный вместе с другими ветеранами на празднование 30-летия освобождения Украины, я съездил на каневский плацдарм, с которого, собственно, началась боевая слава 23-го стрелкового корпуса. Сам остров Каневский сейчас под водой. На его месте

огромное водохранилище новой ГЭС. А вот знаменитая высота 175,9 сохранилась в неприкосновенности. Кругом, насколько хватает глаз, тянутся засеянные поля, а высоту не распахивают, оставляют нетронутой как памятник мужеству и стойкости воинов, стоявших насмерть здесь, на плацдарме, в грозном сорок третьем году.

Поднявшись на высоту, я нашел даже тот наблюдательный пункт, где нас с начальником политотдела 23-й стрелковой дивизии Александром Ивановичем Фроловым засыпало когда-то землей при бомбежке. Рядом виднелись полуразрушенные окопы, заросшие травой воронки. На земле еще окончательно не зарубцевались раны войны. Живут они и в сердцах людей. И эта живая боль постоянно напоминает нам о том, что пережитое не должно повториться. Об этом же шла речь на встречах ветеранов нашего славного 23-го Братиславского Краснознаменного стрелкового корпуса, состоявшихся в Москве и Каневе.

Инициаторами первой встречи явились мы с Наумом Айзиковичем Перельштейном, человеком по-прежнему деятельным и беспокойным. Разыскав около шестидесяти адресов, мы направили по ним приглашения, указав день и место встречи. Не все смогли приехать, но многие прибыли. Встреча состоялась в радостные дни, когда страна праздновала очередную годовщину Великой Победы, и была очень волнующей. Мы с трудом узнавали друг друга: столько лет не виделись! Однако теплые чувства друг к другу, зародившиеся в огне войны, не остыли.

Мы сфотографировались на память у Знамени Победы в Центральном музее Советской Армии, обменялись впечатлениями, возложили цветы на могилу Неизвестного солдата у Кремлевской стены, создали комитет ветеранов корпуса. Решили теперь собираться регулярно.

Через год мы снова встретились, на сей раз уже в городе Каневе. Побывали снова на знаменитой высоте 175,9, в Гельмязове, где похоронен комдив Александр Игнатьевич Королев, проехали по местам боев.

С тех пор прошло уже много времени. Я часто получаю письма от ветеранов корпуса — и от тех, кто был на встречах, и от фронтовиков, которых мы разыскали потом. Люди сообщают о своей жизни, работе и особенно о том, как они участвуют в военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения. Это — одна из наших главных забот: передать эстафету мужества нашей славной молодежи. Очень хотелось бы, чтобы и мое повествование о нелегкой борьбе с фашизмом, о том, как трудно доставалась нам победа, учило детей наших и внуков беззаветно любить свою Родину, как любили ее те, кто отдал за нее свою

жизнь, и крепче беречь мир, который мы завоевали.

Фотографии

Сергей Александрович АНДРЮЩЕНКО

Н. Е. Чуваков

А. И. Королев

А. И. Фролов

И. И. Шиянов

Ф. И. Винокуров (справа) и Д. Д. Медведовский

И. В. Бастеев

Д. П. Виниченко

П. С. Липинов

Бой на плацдарме ведет пехота

Д. А. Аристархов

П. М. Ганюшин

В. В. Редькин

Уличный бой в населенном пункте близ Киева

И. Д. Черняховский

В. Я. Петренко

И. Ф. Нефтерев

Артиллеристы меняют позицию

Слева направо: И. М. Видиборец, Н. А. Перельштейн, С. М. Дащук и Ф. И. Андреев

Г. М. Фарафонов

С. М. Черный

А. Ф. Зозуль

Г. Ф. Величко

Н. М. Готовченко

В. Д. Рогозин

Немецкая техника, захваченная на проскуровском направлении. Март 1944 года

П. А. Курочкин

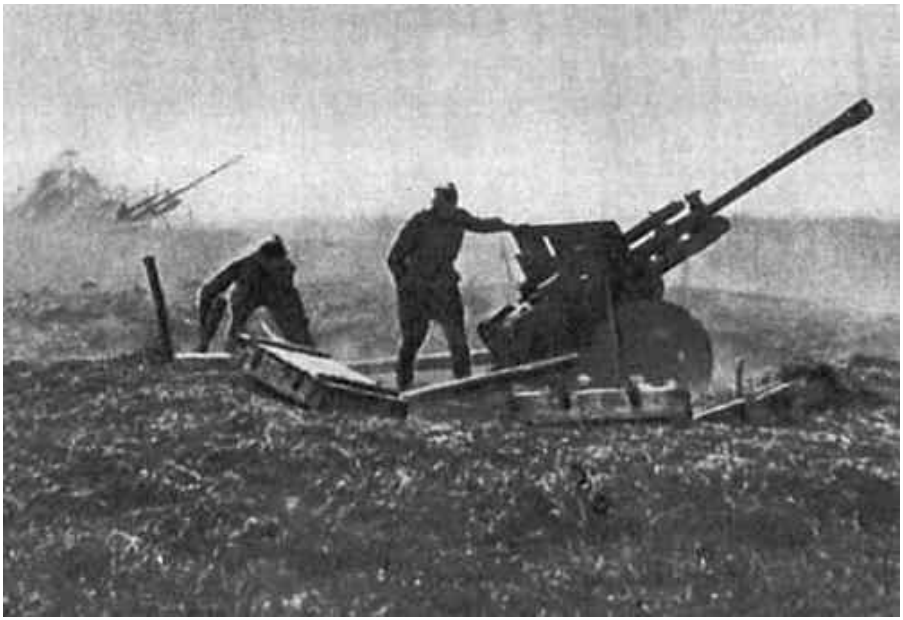
Г. А. Тер-Гаспарян

И. Т. Шлемин

М. С. Шумилов

А. В. Мухин

И. С. Забобонов



Артиллерия ведет огонь по бродской группировке противнике

М. Ф. Григорович (справа) и С. А. Андрющенко

А. И. Кусковецкий

Ф. У. Моженко

С. П. Серых

В атаку! 1-й Украинский фронт

А. Ф. Гнусин

Н. Ф. Поляков

Ю. А. Дементьев

Группа воинов 99-й стрелковой дивизии, удостоенных звания Героя Советского Союза за форсирование Дуная в районе Эрчи

Н. А. Федин

В. С. Бояринцев

Я. И. Кухарук

В. Ф. Стенин (слева) и С. А. Андрющенко

Г. С. Чеботарев

И. А. Остапенко

И. Н. Беляев

В. Ф. Маргелов (третий слева) с командирами частей 49-й гвардейской стрелковой дивизии

Н. К. Храпов (слева) и П. К. Нечепуренко

Группа офицеров штаба артиллерии 23-го стрелкового корпуса. Слева направо: сидят — Г. Т. Бойченко, С. И. Матыш, А, В. Гладков; стоят — В. Д. Затворницкий, И. Задорожный и Я. Скаченко

Я. Г. Саланский

И. С. Сергиенко

З. А. Медведева-Ивакина

И. А. Горбачев (справа) с командирами частей на НП в Братиславе

В. М. Гринев

В. П. Соловьев

С. А. Истомина

Уличный бой в западной части Будапешта

Ф. А. Зорин

А. Д. Железнов

В. М. Власенко

Тамара Ивановна и Виктор Павлович Быстровы

В освобожденной Братиславе

Работники разведотдела с командованием корпуса. Первый слева — С. М. Дащук, четвертый — К. С. Журин

Группа ветеранов 23-го Краснознаменного Братиславского стрелкового корпуса у Знамени Победы. Май 1975 года

notes

Примечания

1

Центральный Архив Министерства обороны СССР (далее — ЦАМО СССР), ф. 871, оп. 230 872, д. 1, л. 15.

Москаленко К. С. На юго-западном направлении. М., 1972, с. 135.

3

С. А. Андрющенко 25 октября 1943 года также было присвоено звание Героя Советского Союза. — Прим. ред.

4

См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., 1974, с. 263.

5

См.: Якубовский И. И. Земля в огне. М., 1975, с.430–431.

6

ЦАМО СССР, ф. 417, оп. 10 564, д. 779, л. 109.